

Министерство культуры Российской Федерации

*Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)*

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 86

СОКРОВИЩА МИНУВШИХ ДНЕЙ

**МАТЕРИАЛЫ
XXIV Февральских музейных чтений
памяти С.С. Гейченко
научно-практических чтений
«Библиотека в усадьбе»**

(2021)

Сельцо Михайловское
Пушкинский Заповедник
2021

ББК 83.3 (2=411.2) 52-8 (Пушкин)

М 341

Серия основана в 1996 году.

М 341 **Сокровища минувших дней : материалы XXIV Февральских музейных чтений памяти С.С. Гейченко, материалы научно-практических чтений «Библиотека в усадьбе» : [сб. ст.]. — Сельцо Михайловское : Пушкинский Заповедник, 2021. — 280 с. — (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 86).**

ISBN 978-5-94595-113-6

Настоящий сборник научно-популярного издания «Михайловская пушкиниана» включает в себя материалы XXIV Февральских музейных чтений памяти С.С. Гейченко (12–15 февраля 2021 года) и научно-практических чтений «Библиотека в усадьбе» (15–16 апреля 2021 года).

Создание и организация музеиного мемориального пространства, запечатление духа времени в предметах и экскурсионных рассказах, роль личности — энтузиаста, подвижника, профессионала или искреннего и увлеченного любителя… Главной темой Февральских чтений памяти Семена Степановича Гейченко стала память — и ее сохранение.

Исследования участников «библиотечных» чтений посвящены книге и другой печатной продукции XVIII–XIX веков и специфике отдельных «книжных ремесел» — например, иллюстраторского и переплетного дела, особенностям книгопользования и читательской культуре прошлых столетий. Отдельное внимание уделено теме мемориализации и сохранения книжных коллекций и редкостей.

Издание предназначено для специалистов в области истории, литературы, краеведения, музейного дела, а также для всех, кто неравнодушен к истории отечественной культуры и пушкинских мест России.

Цитаты А.С. Пушкина в настоящем сборнике приведены по изданию: *Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959*. Указание на источник дается в тексте в круглых скобках, где римская цифра обозначает номер тома, арабская — номер страницы.

ББК 83.3 (2=411.2) 52-8 (Пушкин)

**ISBN 978-5-94595-113-6
(Пушкинский Заповедник)**

© Государственный музей-заповедник
А.С. Пушкина «Михайловское», 2021

Настоящий выпуск сборника «Михайловская пушкиниана» содержит материалы двух конференций, прошедших в Пушкинском Заповеднике в 2021 году.

В первый блок вошли статьи участников XXIV Февральских музейных чтений памяти С.С. Гейченко. Сквозной темой конференции под названием «...Здесь опять минувшее меня объемлет живо...» стала тема памяти. Она прослеживается и в концепциях музейных экспозиций и выставок, и в экскурсиях, и в музейных программах. Тема памяти касается и самих музейных сотрудников, которые, попадая в мемориальное пространство, подчиняются его законам и становятся частью музейной жизни, музейной истории. И, конечно, она предполагает обсуждение вопросов сохранения и продолжения музейных традиций, заложенных предшественниками — директорами, хранителями, выдающимися подвижниками музейного дела.

Второй блок — материалы научно-практических чтений «Библиотека в усадьбе», объединивших исследователей и практиков в области книжного дела и книжной культуры — сотрудников музеев и библиотек. Здесь читатель найдет публикации, касающиеся истории и развития книжного дела в Европе и России, материалы об уникальных книжных собраниях, отдельных редких и ценных изданиях, хранящихся в музеях и библиотеках, а также новые филологические исследования в области формирования пословиц, возникавших в бытовой среде и передающих опыт жизни будущим поколениям.

В дополнение к этим материалам публикуется статья Т.А. Чистяковой «Крупицы понимания» А.С. Пушкина — о том, как разносторонний гений поэта использовал в творчестве материалы самых разных наук, от математики до истории.

Эдуард Узенев,
ученый секретарь Пушкинского Заповедника

С.С. Гейченко. Фото В. Ахломова.
Из фондов Пушкинского Заповедника. ПЗ-КП-29842

**I. «...Здесь опять
минувшее меня объемлет живо»
Материалы XXIV Февральских музейных
чтений памяти С.С. Гейченко
(12–15 февраля 2021 года)**

Елена Ступина

**ДРЕВНИЙ ВИД СВЯТОГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ.
К АТРИБУЦИИ ЛИСТА ИЗ АЛЬБОМА К. ФИШЕРА
«ВИДЫ СВЯТОГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ» (1899)**

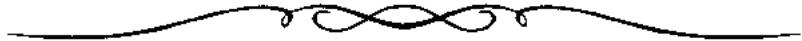
В год столетнего юбилея А.С. Пушкина тогдашний настоятель Святогорского монастыря игумен Иоанн подготовил и издал не только подробное «Описание Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии» (Псков, 1899), но и альбом иллюстраций к этому описанию, напечатанный в Москве у знаменитого фотографа и владельца ателье, выпускавшего издания в технике фототипии. Среди 18 фототипий, составивших альбом, имеется лист, подписанный: «Древний вид монастыря. (Фототипия со старинной гравюры)». Воспроизведено это изображение было в альбоме «Святогорский Успенский монастырь» 1997 года¹. Попытки прояснить историю этого листа предпринимались ведущим научным сотрудником Всероссийского музея А.С. Пушкина (Санкт-Петербург), хранителем фонда живописи этого музея Е.Н. Ивановой². Изложим вкратце информацию из ее статей.

В статье 1996 года, посвященной альбому К.А. Фишера в целом, лист с изображением древнего вида монастыря исследователь называет

---

¹ Святогорский Успенский монастырь: альбом. Псков, 1997. С. 13.

² Иванова Е.Н. В поисках утраченной гравюры с видом Святогорского монастыря // Пушкинская эпоха и христианская культура. Вып. 8. СПб., 1995. С. 18–23; Иванова Е.Н. Святогорский Успенский монастырь в юбилейном фотографическом альбоме 1899 года // Христианская культура. Пушкинская эпоха. Вып. 2. СПб., 1996. С. 91–93.

самым загадочным из всего альбома. «Указание на то, что вид исполнен со старинной гравюры, вызывает сомнение; поиски ее пока результатов не дали — ни в библиотеке Петербургской духовной семинарии, ни в отделе эстампов Публичной библиотеки выйти на первоисточник не удалось». Далее высказывается предположение, что источником могла быть не гравюра, а рисунок, и тогда поиски становятся почти безнадежными. Литературным же источником древнего вида Святогорского монастыря автор называет «Повесть о явлении чудотворных икон Богородицы во области града Пскова на Синичьей горе». Барочное оформление изображения, фигуры святых, текст в картушке сравнивается с гравюрой Г. Качалова 1748 года (аллегорическая композиция с видом Александро-Невской лавры).

В статье 1995 года, целиком посвященной листу с гравюры с видом Святогорского монастыря, он описывается детально: перечисляются монастырские постройки, иконы и изображения святых, приводится текст в картушке³. Далее сообщается, что текст этот, за исключением последней фразы, известен, т. к. «его приводит игумен Иоанн как надпись, существующую на доске иконы Богородицы (той, пядичной, что изображена на фототипии)». Высказывается предположение, что, «возможно, и моление Тимофея перед иконой, повторенное на ризе и на более поздней живописной иконе (воспроизведена в путеводителе 1984 года)⁴, впервые появилось в исчезнувшей древней гравюре, от которой ныне осталась лишь загадочная фототипия». Анализируя изображенные монастырские постройки, автор датирует гравюру примерно серединой XVIII века, сообщает о безрезультатных поисках ее в Древлехранилище Псковского музея, напоминает о трагической судьбе псковских архивов (архива Псковского музея, Псковского археологического общества и Псковской духовной семинарии) в годы Великой Отечественной войны. И всё-

---

³ Ввиду того, что текст опубликован с незначительными ошибками, в приложении мы приводим его полностью в орфографии первоисточника. Чуть позже этот же текст был опубликован в альбоме «Святогорский Успенский монастырь» (автор-составитель М.Е. Васильев. Псков ; сельцо Михайловское, 1997. С. 12), но и там вкрапились неточности.

⁴ Теперь мы можем уточнить, что эта поздняя живописная икона датируется 1835 годом. См.: Ступина Е.А. «Первая икона Святогорского монастыря». О датировке «Явления иконы Божией Матери Одигитрии пастуху Тимофею» // Пушкинский уголок. 2014. № 5 (8) (февраль). С. 8–9; Ступина Е.А. «Подаяние Пушкина» // Пушкинский уголок. 2015. № 1 (12) (февраль). С. 8.

таки, несмотря на отсутствие оригинала и даже его описания в каком-нибудь хранилище, автор предлагает свою версию о времени и способе появления гравюры-источника: «Мы знаем, что середина XVIII века была для монастыря «звездным часом»: посещение монастыря особами царствующего дома, значительные пожертвования, новое строительство; в эту пору (1753 год) был заказан и отлит в Москве знаменитый 151-пудовый колокол; пополнялась монастырская библиотека, в монастыре размещалось и духовное правление Новоржевского и Опочецкого уездов (до 1764 года). Во главе монастыря стоял игумен Вениамин III (1762–1780 годы), который, будучи еще в Киево-Печерской лавре, обучался при типографии разным мастерствам. В Псковской епархии он с 1750 года. Ему-то и могла принадлежать инициатива создания гравюры с видом Святогорского монастыря. Сама гравюра была, скорее всего, предназначена для подношений. Количество экземпляров у подобных изданий было ограниченным».

Заключает свои рассуждения автор отсылкой к материалам описания Святогорского монастыря игумена Иоанна:

«Помещенные в приложении к описанию игумена Иоанна дела Св. Синода 1694–1767 годов, отчеты о строительстве и содержании обители, литературным источником которых была Святогорская повесть, помогают нам увидеть изображенное на фототипии глазами документа:

- густые кроны деревьев на территории монастыря напоминают одно из произошедших здесь чудесных событий: «...сосновые деревья имели большие сучья, препятствующие пронести Крестоходные Святые иконы, это заставило народ распорядиться срубить их. Когда же Крестный ход возвращался назад, то отсеченные сучья оказались опять приросшими к деревьям».

- Церковь на горе, каменная, которую мы знаем в позднем варианте (с колокольней трехъярусной — появилась в 1821 году), в ту пору «староманерная об одной главе, колокольня одна над входом четырехугольная с куполом»; такой мы ее видим и на фототипии.

- Никольская ранняя церковь (она у подножия холма) «...теплая брусовая, крытая тесом, от нее с крыльца на гору вход». Это видим в точности.

- Деревянные постройки во дворе — это «...кельи деревянные настоятельские, братские... погреб, кухня, сушилы, конюшня, кузница, пекарни...»

- «...в деревянной рубленой ограде въезжие ворота...»

Иконография древнего Святогорского монастыря дает громадный исторический материал и побуждает к конкретным поискам и исследованиям «однопушкинского» периода существования обители».

Новые сведения о подготовке альбома и исходном изображении для фототипии с видом Святогорского монастыря удалось обнаружить в Государственном архиве Псковской области (ГАПО). Среди черновых рапортов игумена Иоанна вышестоящему начальству об условиях сделки с московским фотографом Фишером, о расценках и количестве отпечатков, в качестве подтверждения условий договора находится счет от Фишера на фирменном бланке⁵, где после перечисления наборов фототипий различного количества (в том числе первым пунктом идет собственно альбом — набор из 18 фототипий в количестве 800 экземпляров, т. е. 14 400 отпечатков) следует пункт: «За отпечаток с гравюры на медной доске для воспроизведения с него снимка — 6 р.». В письме новоржевского фотографа Николая Филимонова игумену Иоанну от 13 января 1899 года⁶ о передаче негативов для альбома некоему господину Лемени-Македону⁷ имеется еще одна деталь: «Общего вида [монастыря] не положил, потому что в Вашем письме было написано так: 1) общий вид монастыря и зачеркнуто, я полагаю, как Вы хотели его издать отдельно с картины».

В черновике письма игумена Иоанна К.А. Фишеру от 4 февраля 1899 года⁸ с перечнем заказываемых видов интересующий нас пункт выглядит так: «4. Прежний вид монастыря, изображенный на особой медной доске». В копии письма игумена Иоанна В.А. Лемени-

---

⁵ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 39. Оп. 1. Д. 8263. Л. 61.

⁶ ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 241. Л. 2–3.

⁷ Благодетель монастыря, хорошо знакомый с игуменом Иоанном. Его иждивением было опубликовано краткое описание монастыря (Краткое описание Святогорского Успенского монастыря, Псковской епархии. СПб., 1898. 14 с.; доступно в электронном виде: <http://pskovbook.ru/162-tserkvi-monastyr/svyatogorskiy-monastyr>). Деятельное участие принял он и в публикации альбома Фишера. Среди монастырских документов сохранился указ Псковской духовной консистории от 19 января 1899 года об объявлении благодарности «от Епархиального Начальства служащему адъютантом в С.Петербургско-Варшавском Жандармском Полицейском Управлении Владимиру Александровичу Лемени-Македони за помощь Святогорскому монастырю в описании истории онаго». См.: ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 238. Л. 59.

⁸ ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 241. Л. 6–6 об.

Македону (которому, видимо, и принадлежала идея сделать заказ альбома Фишеру) от того же 4 февраля 1899 года⁹ еще одно уточнение — сообщая адресату о решении сделать заказ Фишеру, о. Иоанн пишет: «...прошу Вас отправить в Москву к г. Фишеру имеющиеся у Вас рисунки и медное клеше [так в тексте!], с видом прежнего монастыря, и в получении их необходимо взять от него расписку». Уже 5 февраля 1899 года Фишер сообщает игумену Иоанну смету заказа, где среди прочего отмечает: «Для воспроизведения фототипических отпечатков с гравюры на медной доске должно будет сделать отпечаток, что обойдется — 6 р.»¹⁰

В черновом перечне изображений для альбома, следующем сразу за черновиком рапорта от 8 февраля 1899 года, после некоторых колебаний и зачеркиваний название нашего листа получает следующую формулировку: «Прежний вид монастыря, существовавший до 1825 года, еще при жизни А.С. Пушкина»¹¹.

В письме Фишеру от 22 февраля 1899 года игумен Иоанн пишет: «Только буду просить Вас, как Вы и сами мне обещали, все клише по окончании работы возвратить мне в монастырь, так же и виды, снятые особо в большом формате Филимоновым и вообще всё, что возможно»¹². В письме от 12 июня 1899 года К.А. Фишер извещает игумена Иоанна: «Все негативы Ваши, и оригиналы, а также и медная доска отправлены мною вместе с фототипиями г. Лемени-Македон»¹³.

Последующая судьба этих материалов пока неизвестна. А вот следы гравированной медной доски в монастырских описях конца XVIII — первой половины XIX века мы попытались найти. И вот что привлекло наше внимание (документы приводятся в хронологическом порядке).

1) Опись, учиненная Святогорского монастыря игуменом Моисеем... для поручения в сем монастыре вновь определенному казначею монаху Клименту всего монастырского имущества по описям... марта 1802 года: «...3. Цка (т. е. доска) красной меди что прежде печатали планы сего монастыря...»¹⁴

---

⁹ ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 241. Л. 8–9.

¹⁰ Там же. Л. 10 об.

¹¹ Там же. Л. 12 об.

¹² Там же. Л. 15 об.

¹³ Там же. Л. 134 об.

¹⁴ Там же. Д. 9. Л. 35.

2) Реестр. Учинен Святогорского монастыря игуменом Петром Лавровым какие мебильные казенные монастырские вещи препоручены буфетным оного ж монастыря служителям Димитрию Иванову и Алексею Яковлеву, кои обязаны хранить в чистоте и целости, октября (пропуск) дня 1808 года. Пункт 6: «План Святогорского монастыря на дске медной»¹⁵.

3) Опись имущества игумена Моисея, составленная им самим 7 июля 1809 года (в копии конца XIX века)¹⁶, пункт 13. «План Псковского собора писанной на железной дски в рамки»¹⁷. В примечании, под скобкой вместе с другими картинами: «...оставлены в моей келии на поминование». Опись являлась частью завещания игумена Моисея, который вскоре умер.

4) Опись церковного имущества 1841 года, среди икон разобранный на тот момент старой Никольской церкви и ряда вещей из настоятельских покоев — пункт 19: «План Псковского собора писан на дске железной [зачеркнуто и сверху надписано] маслеными красками на листовом железе»¹⁸.

Как видим, в 1802 году в монастыре еще помнили, что доска предназначалась для печати изображений, названных здесь «планами». Вроде бы в 1808 году предмет назван так же, только назначение опущено. Но где-то в это время медный лист был покрыт живописным изображением, повторяющим в целом сюжет, и приспособлен для украшения покоев настоятеля — в 1809 году он называется уже «План Псковского собора писанной на железной доске в рамке», а в 1841-м появляется уточнение «писан маслеными красками на листовом железе». В таком виде доска просуществовала до 1899 года, когда кто-то догадался, что скрывается под «картиной маслом», освободил доску от записей, а Карл Фишер отпечатал гравюру для изготовления фототипии. Кстати, этой сложной судьбой гравировальной доски объясняется ее неудовлетворительная сохранность и дефекты отпечатка.

Как справедливо предположила Евгения Николаевна Иванова, ав-

---

¹⁵ ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 21. Л. 244.

¹⁶ Там же. Д. 237. Л. 27.

¹⁷ Близка по тексту и, возможно, по времени формулировка недатированного списка «IV. Мебельные вещи», пункт 12: «План Псковского собора писан на железной цки в рамке» (ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 21. Л. 111). В тексте соседнего списка «III. Скот» упоминается о проданных в 1819 году лошадях.

¹⁸ ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 158. Л. 61 об.

торство идеи следует приписать игумену Вениамину. Напомним его биографию, приведенную игуменом Иоанном¹⁹:

«Вениамин III (1762–1780 годы), малороссийской нации, церковно-причетников сын. В Киево-Печерском монастыре, при типографии, обучался разным мастерствам. В монашество пострижен Черниговской епархии в Троицком Черниговском монастыре в 1749 году. В том же году посвящен во иеродиакона; в 1750 году при Псковском архиерейском доме был четыре года ризничим. В 1755 году был строителем Гремяческого мон[а]стыря; в Серетинском мон[а]стыре надсмотрителем до 1757 года, а августа 14 того года произведен во иеромонаха. В 1759 году произведен во игумена в Елеазаров (Великопустынский) монастырь; в 1762 году апреля 3 переведен в Святогорский мон[а]стырь, оставаясь при Псковском архиерейском доме, а в 1764 году по прошению уволен в сей монастырь. В 1780 году, в октябре месяце, по прошению уволен от должности настоятеля, с назначением ему места жительства в Черниговской епархии и с производством ему пенсии по 75 рублей в год, из коллегии экономии».

Кроме того, в подготовительных материалах для книги игумена Иоанна имеются выписки из дел Святейшего Синода, где уточняется, что игумен Вениамин, среди прочих умений, полученных при типографии Киево-Печерской Лавры, обучался «интролигаторскому» (т. е. переплетному) и «copeрштихаторскому» мастерству²⁰ (здесь, скорее всего, искаженное немецкое Kupferstecher — гравер резцом). Таким образом, можно предположить, что игумен Вениамин владел техникой гравирования на меди.

В ноябре 2020 года нами был прочитан доклад о деревьях на старинных изображениях Святой горы, где мы датировали гравюру концом 1779 — первой половиной 1780 года, опираясь на биографию игумена Вениамина.

Приведем ряд цитат из этого доклада²¹.

---

¹⁹ Иоанн, игумен. Описание Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии // Свято-Успенский Святогорский мужской монастырь Псковской епархии: сборник. М., 2003. С. 98.

²⁰ ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 237. Л. 51.

²¹ Ступина Е.А. Деревья на старинных изображениях Синичьей (Святой) горы: обзор материалов к иконографии Святогорского монастыря конца XVIII — первой половины XIX века // Михайловская пушкиниана. Вып. 82. Сельцо Михайловское, 2021. С. 74–90.

Рассмотрим внимательно эту гравюру. Начнем со священных изображений. В самом верху находится изображение Новозаветной Троицы — один из наиболее почитаемых символов христианства и одновременно напоминание о том, что монастырь находится в Псковской епархии (Псков издавна называли домом Святой Троицы). Под Троицей — поддерживаемые ангелами изображения явленной иконы Одигитрии и чудотворной иконы Умиления Божией Матери. Слева образ Успения Богородицы — храмовая икона монастырского собора, справа — образ Покрова Божией Матери (напомним, что северная придельная церковь Успенского собора освящена во имя этой иконы). Ниже слева, прямо над Никольской церковью, изображен в позе моления Святитель Николай Чудотворец, а справа, также в позе моления — пастух Тимофея, которому являлись изображенные выше чудотворные иконы Одигитрии и Умиления.

Перейдем к земным изображениям. На горе Успенский собор с новоманерной двухъярусной колокольней. Она упоминается уже в монастырской описи 1764 года. Согласно этой описи, и на церкви Успения, и на колокольне «глава с полуглавием... опаяна железом белым». В таком виде колокольня просуществовала до 1807 года, когда из-за ветхости купол колокольни был разобран, и на время она была покрыта тесом; колокола находились «в столбах» рядом с Никольской церковью; отремонтирована и возведена третьим ярусом со шпилем колокольня была уже в 1821 году.

Перед колокольней ясно виден южный придел во имя иконы Одигитрии Божией Матери, построенный в 1770 году (рисунок с прорисованными деталями Успенского собора вынесен на обложку упоминавшегося альбома «Святогорский Успенский монастырь»). Для придельной церкви был заказан местный «образ Одигитрия Божия Матери в явлении» (опись 1828 года)²². Мы считаем, что именно там впервые появляется изображение молящегося Тимофея перед сосной с образом на ней. Связь этой несохранившейся иконы с гравюрой подтверждается полной идентичностью развернутой надписи в нижней части гравюры (там на одну фразу больше) и на иконе. Можно считать, что автор идеи

²² ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 108. Л. 8 об.: «Образ Одигитрия Божия Матери в явлении, на нем на Богородице и Спасителе венцы сребренные позлащенные, на главе коронка сребренная с простыми разными камышками, на нем риза вся низанная жемчугом средними и мелким с простыми камышками, по кромке образа оклад сребренный басменный».

был один, и этот автор, как справедливо предположила Е.Н. Иванова, — игумен Вениамин. С его биографией и связана наша уточненная датировка гравюры: конец 1779 — начало 1780 года. В октябре 1780 года игумен Вениамин был уволен от должности настоятеля с назначением пенсии и определением места жительства в Черниговской епархии по его просьбе. Безуспешные поиски гравюры в различных хранилищах страны навели исследователей на мысль, что воспроизведен был не гравированный лист, а рисунок с него. Но теперь, когда мы знаем, что до 1899 года в монастыре сохранялась гравированная доска, с которой просто не успели отпечатать в свое время листы с изображениями (или отпечатать их в достаточном количестве, чтобы часть из них сохранилась через столетие), мы предлагаем связать это с тем, что затеявший публикацию изображений монастыря игумен Вениамин покинул обитель.

Посмотрим теперь еще раз на изображение монастыря, зная, что его датировка — конец 1779 — начало 1780 года. Это — своего рода итог деятельности игумена Вениамина. Напомним, он управлял монастырем с 1762 по 1780 год, на его долю выпало непростое время секуляризации монастырских земель при Екатерине II, а также значительное строительство, развернутое в монастыре: новоманерной двухъярусной колокольни (1763–1764)²³ вместо прежней псковской звонницы и двух каменных придельных церквей во имя Одигитрии (1770) и Покрова (1776) Богородицы. При нем же появляется на Святых воротах монастыря деревянная Пятницкая церковь. На гравюре ее не видно. Внизу под горой слева находится деревянная еще Никольская церковь, которая сгорит в 1784 году со всем монастырским архивом. От нее к Успенскому собору ведет единственный крытый вход на Святую гору. Он капитально ремонтируется при игумене Вениамине примерно в 1777–1778 годах. Следующий за Вениамином игумен Созонт перестроил этот вход, но «в реестре его преемника имеются такие отметки: «На святую гору крылец старый — хороший сломан, а вместо его устроен другой не хороший, по которому в зимние месяцы иходить не можно»²⁴. Настоятельские и братские

²³ В документах монастыря мелькает упоминание о книге для сбора по жертвований на колокольню 1762 года (ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 31. Л. 130 об. «Книга данная из Псковской Духовной консистории для збору на постройку колокольни 1762 года на 95 листах») — а в описи 1764 года она уже указана как существующая.

²⁴ *Иоанн, игумен.* Описание Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии. С. 99.

келии и хозяйственные постройки монастыря были деревянными, быстро ветшали, их переносили с места на место, но можно предположить, что намеченная пунктиром тропинка слева ведет к настоятельским кельям, крестный ход справа следует от братских келий, на переднем плане слева среди прочих построек находится кухня и хлебня.

Итак, автор идеи — игумен Вениамин, время создания — конец его пребывания в Свято-Покровском монастыре. Но есть еще один документ, который позволяет предположить и непосредственного исполнителя рисунка, по которому была исполнена гравированная доска. В делах монастыря сохранилась копия расписки, которую по важности ее мы приводим полностью: «1779 года декабря (пропуск) дня С[вя]тогорского м[о]н[ас]т[ы]ря у казначея иеромонаха Софрония живописной мастер Михаил Ключарев дал сию росписку в том что он Михаил во оной м[о]н[ас]т[ы]рь написал живописным и искусственным мастерством в церковь по договору, 1е. два образа Одигитрия Божия М[а]т[е]ре четыре рубли, 2е. третий Умиления Б[о]жия М[а]т[е]ре под оклад четыре рубли пятдесят копеек, 4е. (так, третий пункт пропущен) Образ Димитрия Ростовского, и бл[а]гословляющаго кр[ес]та Г[оспо]дня (на полях против этого пункта в скобках: «с собственно игуменского кипарисного») четыре рубли пятдесят копеек а всего тридцать рублей и все оные д[е]нги сполна получены в том сия и росписка дана; да **рисунок, что в Москву посыпан был пятдесят копеек и всего тридцать рублей пятдесят копеек**²⁵.

Если наша датировка верна, этот документ ее подтверждает и дает нам имя автора рисунка. А гравировальная доска исполнялась в Москве.

Отметим, что минимум два пункта этого заказа — собственно игуменские: кипарисный крест и образ святителя Димитрия Ростовского. Игумен Вениамин глубоко почитал своего земляка-просветителя, что неудивительно — труд последнего «Жития святых, или Четы-Минеи» навсегда вписал его имя в историю русской культуры. В 1752 году были открыты нетленные мощи Димитрия Ростовского, стали фиксироваться случаи исцелений над его гробом — а «в апреле 1757 года Синод издал указ, по которому мощи Димитрия были признаны нетленными. Тогда же были установлены дни празднования святителю: 21 сентября — в день обретения мощей, 28 октября — в день преставления. Димитрий стал первым святым, канонизированным в синодальный период исто-

²⁵ ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

рии Русской Церкви, и единственным подвижником, прославленным к общерусскому почитанию в XVIII веке²⁶. В июне 1766 года игумен Вениамин просил Псковскую духовную консисторию об «увольнении его по обещанию во град Ростов для поклонения мощам святителя Димитрия на два месяца» и получил разрешение²⁷. Книги Димитрия Ростовского «Жития святых» московского издания 1759 года и «Руно орошенное» «в корешке» (т. е. в полукоожаном переплете) были в библиотеке Святогорского монастыря. Последняя книга — описание чудес от образа Ильинской Черниговской Божией Матери, хранившейся в том самом Троицко-Ильинском монастыре, в котором был пострижен игумен Вениамин, а потом снова уехал туда после тридцати лет жизни в Псковской епархии, когда была удовлетворена его просьба об определении на покой с половинным жалованием.

В Чернигове была еще одна чудотворная явленная икона, известная как Черниговская Елецкая, и Елецкой названная потому, что явилась на ели. Явленная чудотворная икона исчезла еще в Средние века, но сохранился чудотворный список с нее, хранившийся в XVIII веке в Успенском монастыре Чернигова. Свой список, по мнению специалистов, примерно того же времени (последняя треть XVII века), был и в Ильинском монастыре. Поэтому игумен Вениамин был прекрасно знаком с сюжетом «Икона Божией Матери в явлении (на дереве)». Нам представляется, что и мысль построить придел, посвященный именно иконе Божией Матери Одигитрии и ее явлению «у древа рекомыя сосны», тоже принадлежит игумену Вениамина. Он же первый кратко изложил текст Повести о явлении икон Божией Матери²⁸ для популяризации, как сказали бы сейчас, чудотворных икон — и этот текст был зафиксирован на новой иконе Одигитрии в явлении и на гравированной доске. Несохранившаяся придельная икона Одигитрии в явлении представляется нам схожей по

---

²⁶ Димитрий (Савич (Туптало) Даниил Саввич; 11(?).12.1651, мест. Макаров, близ Киева — 28.10.1709, Ростов), свт. (пам. 21 сент., 28 окт., 23 мая — в Соборе Ростово-Ярославских святых, 10 июня — в Соборе Сибирских святых), митр. Ростовский и Ярославский, духовный писатель, проповедник // Православная энциклопедия [Электронный ресурс: <https://www.pravenc.ru/text/178011.html>].

²⁷ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 31. Л. 84–85.

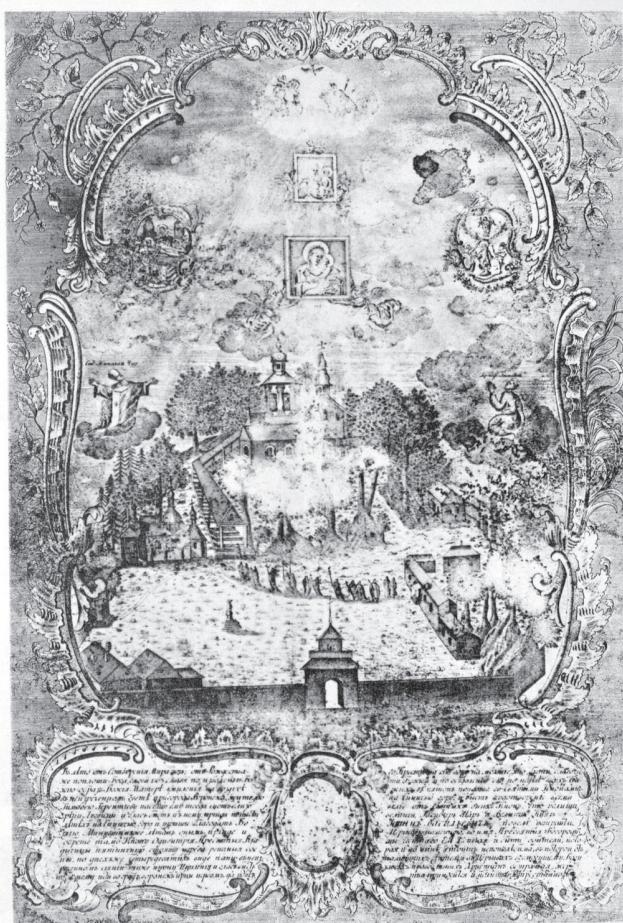
²⁸ Полное название: «Повесть о явлении чудотворных икон пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии на Синичьи горе, яже ныне зовома Святая Гора».

композиции с более поздним окладом явленной иконы Одигитрии, а по некоторым деталям одежды Богоматери и Младенца — с чудотворной Ильинской Черниговской иконой Божией Матери. Но это уже совсем другая история.

В Приложении (*см. в конце статьи*) мы приводим текст в картице в написании оригинала (предыдущие публикации давали текст в современной орфографии и «исправляли» ошибки). Некоторые буквы читаются нечетко, и в случае неясности мы опираемся на текст, приведенный игуменом Иоанном в своей книге (надпись на иконе Одигитрии Божией Матери в явлении). Последняя подчеркнутая фраза на иконе отсутствует. Не отмеченная в прежних публикациях деталь: вместо традиционного местного написания «Ворони/еча» или «Ворона/оча» на гравюре ясно читается «Воронежа». И это можно считать дополнительным аргументом того, что изготавливалась гравюра не на Псковской земле. В Москве, далекой от псковских реалий, часто путали Воронич и Воронеж. Ошибочное написание «Воронеж» вместо «Воронич» на гравированной доске могло послужить еще одной причиной, почему гравюра не получила широкого распространения. Впрочем, нам встречалось написание «Воронежъ» вместо «Вороничъ» даже в клировых ведомостях церквей Опочецкого уезда Псковской епархии конца XVIII — начала XIX века.

Приложение

Фототип. К. А. Фишер, Москва.

Древний видъ монастыря. (Фототипія со старинной гравюры).

«Древний вид монастыря. Фототипия со старинной гравюры».

Альбом видов Святогорского монастыря

(изданный по случаю 100-летнего юбилея А.С. Пушкина).

Фототипии К.А. Фишера. Москва, 1899.

Фотокопия. ПЗ-НВФ-4397/1

Фотографъ ИМПЕРАТОРСКІХЪ Московскихъ
УНИВЕРСИТЕТА И ТЕАТРОВЪ

С. А. Фишеръ. Москва.

Художественная фотография, Миниатюра, Фото-литография и Гелографюра.

Москва 5 Мая 1899 г.

Счетъ

Кто Высокопреобрѣдѣю Игумену Иоанну
Исполнителю Свѣтлого духовнаго Приспѣшника
Сп. Свѣтлого города Ковровъ. чуб.

БОЛЬШ. ЧИС.	КОЛИЧ.	ПОНАЧАЛО И ОТПУЩЕНО ВАЩ.	Цѣна		Сумма	
			РУБЛІ	КОП.	РУБЛІ	КОП.
11	Фотоптический пачинка для	Починка от потертых, брызг,				
		видовъ и царапокъ въ разнообразіи				
		типовъ, вышитъ и бѣлое вѣнч. што-				
		ко 800 руб. хорд. Всего 14 400 руб.				
4	Марка № 6000 руб.	2 400 .				
8	. . 3000 .	2 400 .				
6	. . 150 .	900 .				
		Всего 20 100 руб.	— 02	500 50		
		за отпечатокъ съ гравюры на				
		медной доске для воспроиз-				
		веденій съ него снимка	Рб	6 .		
		Уплаты и доставки въ тѣр. Ким				
			3 .			
			Рб	511 50		
		Получилъ передачу по оплатѣ				
		по уплатѣ	Рб	199 50		

Счет К.А. Фишера от 5 мая 1899 года за выполнение заказа игумена Иоанна с отдельным пунктом «За отпечаток с гравюры на медной доске для воспроизведения с него снимка». ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 8263. Л. 61

18

1779. года Апреля. № 1
Умная Франчеса София Францисковна Графиня
Михаил Григорьевич Стогоровский
Михаил Борисович Никитин Написал живописи
среди икон устроил пасхальную выставку по
домашнему, 1. эта образа Богородицы села Муре
Екатерине рудак, 2. Ильинская Успенская села Муре
по окла Екатерине рудак статской Елене
4. образа Флорентийская Ростовская, киевская
царя Юрия Евгения, Екатерине рудак статской Елене
Хотелось всему устроить рудак и все
были заседали столы Понятки это сидели
заряжеными, это вновь подняли рудак, пасхальную
Хотелось всему устроить рудак пасхальную

Расписка «живописного мастера» М. Ключарева
с упоминанием «рисунка, что в Москву послан был» 1779 года.
Копия конца XIX века. ГАПО. Ф. 328. Оп. 1. Д. 1. Л. 18

Въ лѣто отъ Сотворенія Мира 7071; отъ Рождества
же по плоду Бога слова 1563, явился по изволенію Бого-
жію образъ Божія Матеръ уѧщій на воздѣлѣ
етъ неизреченномъ сеѧть пригороду Воронежа житіемъ
Тимоѳею Терентіеву пасынку ему тоѧ скотъ близъ
Рѣки Луговити и глаſъ быстъ ко нему приѣхъ по шести
Лѣтъ на Синичью гору и уздрилъ изъ болѣдотъ Бо-
гсюю. Милующимъ сѧ яловъ опять прииде и
обрате тамо Икону Одигитрия Пресвятой Вла-
дычицы пятинично стоящую у дреva рекомъя со-
сѣ; по днѣ же четьредесѧти видѣ паки въ неиз-
реченномъ сѧннѣ туркъ иконы Умилія и глаſъ быстъ
ко нему иди во градъ воронежъ и рицъ иеремъ да иудитъ

со Кресты на сто гору на моленіе яко быти благода-
тии Божіей и по обѣзначеніи(-ю?) его по неѣть всѣхъ Свя-
тихъ съ памѧтю походиша со Святыми Иконами
на Синичью гору, и бысть чудотвореніе всесла
васи отъ Святыхъ оныхъ Иконъ. Что ульши
великій Государь Царь и великий Князь
Юлианъ Васильевичъ поехъ устроити
Церкви каменную во имя Пресвятой Богороди-
цы честнаго Ея Успенія и быти обители, кото-
рая и до нынѣ стоимъ испоколѣдѣа, къ которой отъ
памощникъ жителей еї Перекрестъ всемогущему Богу
здесьъ присоединъши Христомъ беззѣдной же-
ства приносится и молитва непрестанно.

Текст в картуше гравюры

Алексей Коржов

ЧТО НАПИСАНО НА МОГИЛЕ А.С. ПУШКИНА?

...И там, где прах его лежит,
Надгробный памятник гласит...

A.C. Пушкин. Евгений Онегин. 1823

На рассвете 6 февраля 1837 года гроб с телом А.С. Пушкина опустили в могилу. «Земля вся промерзла, — ломом пробивали лед, чтобы дать место ящику с гробом, который потом и закидали снегом... уже весной, когда стало таять, распорядился Геннадий вынуть ящик и закопать его в землю уже окончательно...»¹

С 1837 по 1841 год на могиле поэта «стоял простой черный деревянный крест с надписью «Пушкин»², «это зафиксировано летом 1837 года известным акварельным рисунком В. Малафеева»³ и другими изображениями.

В 1838 году П.А. Плетнев — критик, поэт, профессор и ректор Императорского Санкт-Петербургского университета запишет, что «посредине водружен черный крест, на котором из белых букв складывается имя П у ш к и н»⁴.

Летом 1841 года был установлен мраморный обелиск, «но до сих пор продолжают оставаться вопросы, требующие дальнейших поисков. Среди них — уточнение автора эскиза памятника, а также время завершения работ по его сооружению летом 1841 года»⁵. В большинстве источников отмечается, что памятник поэту был установлен в августе 1841 года.

В описании 1848 года, составленном неким Студитским к литографии И.С. Иванова 1837 года, указывается, что «...ряд могил их (Ган-

---

¹ Фок Е.И. // Рассказы о Пушкине, записанные В.П. Острогорским.

² Васильев-Ушкуйник Ф.А. Пушкинские уголки Псковской губернии. М., 1924. С. 23.

³ Мурьянов М.Ф. Пушкинские эпитафии. М., 1995. С. 107.

⁴ Плетнев П.А. О литературных утратах // Современник. Т. 9. СПб., 1838. С. 56.

⁵ Гдалин А.Д., Иванова М.Р. Новые факты к истории сооружения надгробного памятника А.С. Пушкину // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 29. СПб., 2004. С. 357.

нибалов, Пушкиных) представлен на картине; большим же черным крестом близ церковного алтаря, приосеняется могила незабвенного нашего поэта, Александра Сергеевича Пушкина»⁶.

С 1841 года на памятнике А.С. Пушкина позолоченная надпись сохраняется:

Александръ Сергеевичъ
Пушкинъ,
родился въ Москвѣ 26 Маія 1799 года,
скончался въ С. петербургѣ 29 Января 1837 года⁷

*Надпись на монументе могилы А.С. Пушкина.
Фотография 2019 года*

⁶ Студитский. Святогорский монастырь и могила А. Пушкина // Иллюстрация. СПб., 1848. Т. 6. № 9.

⁷ Автор создания надписи на гранитном цоколе могилы А.С. Пушкина не известен. Отсутствуют документальные сведения об авторе эскиза надгробия поэта. Возможно авторство В.А. Жуковского. Не исключено авторство кого-то из видных архитекторов Санкт-Петербурга. Эскиз мог быть доработан петербургским мастером монументального дела А.М. Пермагоровым (исполнитель надгробного памятника А.С. Пушкина). Есть документальные сведения о мастерах (вольнонаемных рабочих), трудившихся с А.М. Пермагоровым на каменных работах в Зимнем дворце при восстановлении его после пожара 1837 года. Возможно, они же участвовали в изготовлении надгробного памятника поэту.

У автора нет данных, что орфография и пунктуация надписи на цоколе менялись: «могила Пушкина сохранилась до наших дней такою же, какою она была больше века тому назад»⁸.

В надписи присутствуют буквы дореволюционной орфографии: две буквы «ять» (ѣ), четыре буквы «ерь» (ъ), одна буква «ерь» (ъ, современное русское название «мягкий знак») и одна буква «и» (и десятеричное). Пунктуация надписи на памятнике — две запятые (после фамилии «Пушкинъ» и после «1799 года») и две точки (после буквы «С.» — «С. петербургъ» и в конце («1837 года.»).

Некоторые знаки пунктуации на фотографии 2019 года плохо просматриваются, но они там присутствуют.

Сложно в тексте воспроизвести шрифт надписи, однако фотография его отражает. Шрифт на могиле Пушкина представляет собой строгий стиль. В таком же стиле в 1838 году вышло первое посмертное собрание сочинений А.С. Пушкина.

Внизу темного гранитного цоколя видна небольшая трещина в месте написания буквы «т» в названии города «петербургъ».

Кто же автор надписи на могиле А.С. Пушкина? В рассказе «Надгробие» С.С. Гейченко приводит беседу императора Николая I с графом Г.А. Строгановым⁹ и А.Х. Бенкендорфом¹⁰:

«— Место это пустынное, — говорил царю Строганов, — сейчас могилу осеняет простой деревенский крест...

Через какое-то время чертеж надгробия был предъявлен царю. Разглядывали вместе с Бенкендорфом...

— Хорошо. А эпитафия, надпись какая, стихи будут ли? — спросил царь.

— Ничего не будет, — ответил Бенкендорф, — только имя, год и место рождения и смерти. Никаких стихов!

⁸ Святоогорский монастырь-музей и могила А.С. Пушкина: краткий путеводитель / авт. текста С. Гейченко. Псков, 1951. С. 46.

⁹ Григорий Александрович Строганов (1770–1857) — барон, граф, дипломат, двоюродный дядя Н.Н. Гончаровой, жены А.С. Пушкина. После смерти Пушкина возглавил опеку над детьми поэта и его имуществом.

¹⁰ Александр Христофорович Бенкендорф (1783–1844) — генерал-адъютант, шеф Корпуса жандармов и начальник III отделения Его Императорского Величества канцелярии (с 1826). Исполнял роль посредника в сношениях Пушкина с Николаем I. В 1826–1829 годах под началом Бенкендорфа осуществлялся тайный надзор за поэтом. Упоминается в «Медном всаднике» (1833), письмах и дневнике Пушкина.

— Ну что ж, пожалуй пусть будет так...»¹¹

С.С. Гейченко в этом рассказе использует ряд фактов; можно предположить, что директору Пушкинского Заповедника были доступны документы, из которых он черпал сведения для своего рассказа.

Деятельное участие в создании могильного монумента принимал В.А. Жуковский. Сохранился черновик его записки к императору Николаю I: «Пушкин всегда говорил, что желал бы быть погребенным в той деревне, где жил... где гробы его предков, и где недавно похоронили его мать (мы хотели перенести туда его тело)... и в то же время воздвигнуть трогательный национальный памятник поэту, за который вся Россия, его потерявшая, будет благодарна великодушному соорудителю...» И чуть далее: «...а Россия была бы обрадована памятником, достойным и ее первого поэта, и ее великого государя...»¹²

Не исключено, что к созданию надписи на могиле Пушкина причастны В.А. Жуковский, Н.Н. Пушкина, Николай I, Г.А. Строганов, А.Х. Бенкendorф, А.М. Пермагоров; возможно, кто-то еще.

Как верно подмечено, «надгробие — предмет заказной. Создающие его архитектор, скульптор обладают профессиональным умением чувствовать волю заказчика, подстраиваться под нее, не выходя из сметы разрешенных расходов, для них это нормальная творческая ситуация»¹³.

В итоге был создан монумент и надпись на нем. Но почему мы, потомки, не смогли в деталях отразить эту надпись на могиле А.С. Пушкина в рисунках, книгах?

В 1853 году в «Русском художественном листке» В. Тимма на рисунке могилы А.С. Пушкина написано только имя, отчество и фамилия поэта, без указания рождения и смерти:

Александръ Серг҃евичъ
Пушкинъ

В отчестве «Серг҃евичъ» на рисунке изображена буква «ерь» (ѣ) вместо мягкого знака, как в оригинале.

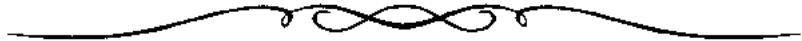
По свидетельству академика М.П. Розберга 1856 года, «всего лучше надпись: Александръ Серг҃евичъ Пушкинъ», а несколько пониже «ро-

¹¹ Гейченко С.С. У Лукоморья. Л., 1981. С. 133–134.

¹² Записка В.А. Жуковского имп. Николаю Павловичу (черновик) // Друзья Пушкина / сост. В. Кунин. В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 365.

¹³ Мурьянов М.Ф. Пушкинские эпитафии. С. 20.

дился въ Москвѣ 1799 года, мая 26-го, скончался въ Санктпетербургѣ 1837-го года, января 29-го»¹⁴.

М.П. Розберг, профессор русской словесности в Дерптском университете, академик, в тексте переставил местами год рождения и число, месяц рождения, а также год смерти и число, месяц смерти поэта; поставил дефис и «-го» в днях рождения и смерти («26-го» и «29-го»); добавлено «Санкт» вместо «С.» и записано «Санктпетербургѣ» слитно.

В 1873 году на картине художника А.К. Саврасова «Могила А.С. Пушкина в Святогорском монастыре» надпись плохо просматривается, но при увеличении можно прочитать:

Александръ Серг҃евичъ
Пушкинъ,
Родился въ Москвѣ 26 маія 1799 г.
Скончался въ Петербургѣ 29 янв. 1837 г.

Сразу несколько отличий от надписи на обелиске, которая была сделана изначально и остается до нашего времени: «Родился» и «Скончался», «въ Петербургѣ» написано с заглавной буквы, пропущена буква «С.», сокращено «янв.»; «маія» и «янв.» записано с маленькой буквы; сокращено два раза слово «года» до «г.».

В 1880 году в книге «Венок на памятник Пушкину» также допускаются неточности: «На гранитной плите к стороне храма находится надпись: «Александръ Серг҃евичъ Пушкинъ; родился въ Москвѣ 26-го мая 1799 года, скончался въ С.-Петербургѣ 29-го января 1837 года»¹⁵.

После дня рождения и смерти поставлен дефис и «-го»; «января», «мая» записано в тексте с маленькой буквы; пропущена буква «і» в слове мая; после фамилии «Пушкин» стоит точка с запятой вместо запятой.

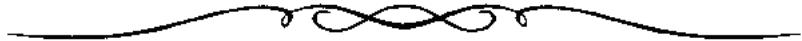
В 1887 году в журнале для детей старшего возраста «Задушевное слово» помещается «отдельная картина» художника И. Павлова¹⁶, где автор напишет, что А.С. Пушкин родился «въ С. МИХАЙЛОВСКѢ»; также пропущена буква «і» в слове «мая»; сокращено «въ С. петерб.»;

---

¹⁴ Розберг М.П. Могила Пушкина в 1856 году // Исторический вестник. Т. LXXVI (1899. Май). С. 753.

¹⁵ Венок на памятник Пушкину. СПб., 1880. С. 87.

¹⁶ Задушевное слово. № 13 (24.01.1887).

слово «года» сокращено до «г» и эта буква перевернута в другую сторону:

Александръ Серг҃евичъ
Пушкинъ,
Родился въ С. МИХАЙЛОВСКѢ 26 Мая 1799 г.
Скончался въ С. петерб. 29 Января 1837 г.

Художник И. Павлов совершил фактическую ошибку, написав, что поэт родился в сельце Михайловском, и, как многие другие авторы и художники, не старался точно воспроизвести надпись на монументе поэта.

В 1899 году в иллюстрированном журнале «Родина» было опубликовано очень похожее на картину И. Павлова изображение с надписью на могиле:

Александръ Серг҃евичъ
Пушкинъ,
Родился въ Москвѣ 26 Мая 1799 г.
Скончался въ С. петерб. 29 Января 1837 г.

В данном варианте просматривается несколько неточностей — сокращено «С. петерб.», пропущена буква «и» в слове мая; сокращено два раз слова «года» до «г.».

Игумен Иоанн в 1899 году тоже пишет неверно: «Александръ Серг҃евичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ 26 мая 1799 года, скончался въ С.-Петербургѣ 29 января 1837 года»¹⁷. «Января», «мая» — с маленькой буквы; после «С.» стоит дефис и «Петербургѣ» с большой буквы; после фамилии «Пушкинъ» отсутствует запятая.

В 1899 году М.И. Каспийский писал: «На гранитной плите к стороне храма находится следующая надпись: «Александръ Серг҃евичъ Пушкинъ, родился въ Москвѣ 26 мая 1799 года, скончался въ С.-Петербургѣ 29 января 1837 года»¹⁸. Пропущена буква «и» в слове мая, в «...Петербургѣ» — записано с большой буквы, «мая» и «января» написано с маленькой буквы.

---

¹⁷ Иоанн, игумен. Описание Святогорского Успенского монастыря. Псков, 1899. С. 82.

¹⁸ Каспийский М.И. Похороны Пушкина и его могила // Исторический вестник. Т. LXXVI (1899. Май). С. 627.

В 1912 году Л.И. Софийский, говоря о надписи на могиле А.С. Пушкина, не постарался отразить ее такой, какой она является на самом деле¹⁹.

Из текстов и изображений посетителей могилы поэта видно, что практически все отмечали: в отчестве «Сергъевичъ» буква «ерь» (ъ) вместо мягкого знака. Но к этому мы еще вернемся.

В 1917 году А.К. Гладкий укажет, что «надпись на памятнике самая скромная и простая: Александръ Сергеевичъ Пушкинъ, родился 26-го мая 1799 года, скончался 29-го января 1837 г.»²⁰ (после дня рождения и смерти поставлен дефис и «-го»; «января», «мая» записано в тексте с маленькой буквы; пропущена буква «и» в слове мая; после 1837 записано «г.» вместо «года»); в 1922 году он изменит текст: «Александр Сергеевич Пушкин, родился 26 мая 1799 года, скончался 29 января 1837 года»²¹ (правда, цифра 2 в дне смерти Пушкина не пропечаталась).

В 1931 году А.К. Гладкий надпись дополнит: «Александр Сергеевич Пушкин. Родился в Москве 26 мая 1799 г., скончался в С.-Петербурге 29 января 1837 г.»²² «Января», «мая» — с маленькой буквы; после фамилии «Пушкинъ» поставлена точка вместо запятой; убранны буквы «ять» (ѣ), «ерь» (ъ), буква «ерь» (ъ) и (и) дореволюционного алфавита; после «С.» стоит дефис и «Петербургъ» с большой буквы; сокращено два раз слова «года» до «г.».

В 1935 году писатель К.Г. Паустовский не придал значения точному воспроизведению надписи на могиле поэта: «Под этими стенами, над крутым обрывом, в тени лип, на земле, засыпанной пожелтевшими лепестками, белеет могила Пушкина. Короткая надпись «Александр Сергеевич Пушкин», безлюдье, стук телег внизу под косогором и облака, задумавшиеся в невысоком небе, — это всё»²³.

---

¹⁹ Софийский Л.И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914). Репринтное издание. Псков, 2004. С. 228.

²⁰ Гладкий А. Пушкинский уголок // Исторический вестник. 1917. С. 195.

²¹ Гладкий А. Пушкинский уголок. Псков, 1922. С. 7.

²² Гладкий А. По пушкинским местам: руководство при экскурсиях через Псков в Пушкинский заповедник, с 18 рисунками, маршрутами и 2 картами. М. ; Л., 1931. С. 51.

²³ Паустовский К.Г. Михайловские рощи. 1935. Рассказ написан после поездки К.Г. Паустовского по северо-западу страны в Новгород, Старую Руссу, Псков, Михайловское. Впервые напечатан в журнале «Красная новь» (1938, № 7). Отдельным изданием впервые вышел в библиотеке «Огонек» в 1941 году.

Паустовский неправ. Надпись не короткая. А как же запись о рождении и смерти поэта?

В 1951 году С.С. Гейченко отмечал: «На гранитном камне высечена золотыми буквами надпись:

«АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
ПУШКИН,
Родился в Москве, 26-го мая 1799 года,
скончался в С.-Петербурге,
29-го января 1837 года»²⁴

С.С. Гейченко, хранитель, директор Пушкинского Заповедника, убирает буквы дореволюционного алфавита; после «С.» ставит дефис и «Петербург» напишет с большой буквы; после дня рождения и смерти поставлен дефис и «-го»; «января», «мая» — с маленькой буквы; после «1837 года» нет точки; слово «родился» написано с большой буквы; поставлены две лишние запятые после «в Москве» и «С.-Петербурге».

В 1963 году С.С. Гейченко в кратком путеводителе, обводя даже в рамку надпись на могиле Пушкина, допускает ряд неточностей²⁵:

Александр Сергеевич Пушкин
родился в Москве, 26-го мая 1799 года,
скончался в С.-Петербурге, 29 января 1837 г.

Надпись на монументе могилы А.С. Пушкина.

*Иллюстрация из краткого путеводителя по Святогорскому
монастырю-музею, составленного С.С. Гейченко.*

Надпись выполнена неточно

В 1970 году А.М. Гордин, рассказывая о Святогорском монастыре и надписи на могиле А.С. Пушкина, ссылается на академика М.П. Розберга, неверно записав его цитату 1856 года²⁶. Так появился еще один вариант надписи на цоколе могилы поэта.

²⁴ Святогорский монастырь-музей и могила А.С. Пушкина: краткий путеводитель / авт. текста С. Гейченко. Псков, 1951. С. 4.

²⁵ Святогорский монастырь-музей: краткий путеводитель / сост., авт. текста С. Гейченко. Пушкинские Горы, 1963. С. 8.

²⁶ Гордин А.М. Пушкин в Псковском крае. Л., 1970. С. 216.

В 1984 году М.Е. Васильев, историк, хранитель музея «Святогорский монастырь», в тексте записал: «Свод покоится на массивном черном цоколе высотой 40 сантиметров. На нем надпись:

«АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ
ПУШКИНЪ
родился въ Москве 26 мая 1799 года,
скончался въ С-Петербурге 29 января 1837 года»²⁷

Правильно записав буквы дореволюционной орфографии, автор слова «января», «мая» записал в тексте с маленькой буквы; пропущена буква «і» в слове мая; «Петербургъ» с большой буквы; после «С.» без точки стоит дефис; точка в конце стоит не за словом «года», а после кавычек; в имени, отчестве и фамилии поэта все буквы выделены крупным шрифтом и т. д.

В 2013 году московский журналист А.В. Минкин усмотрел в надписи на могиле орфографическую ошибку:

«Глядишь и глазам не веришь. Святое место, Солнце Русской Поэзии. Имя поэта — с грамматической ошибкой. «Сергеевичъ»! — вместо твердого знака — мягкий.

Плакать или смеяться? Он (там, на небесах), конечно, смеется. Это ж ирония судьбы, шутка истории (не очень приличная), в его вкусе. Создатель литературного языка. Бог русского языка. Всеми признанный и чтимый. Сам написал (в «Онегине»):

Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.

Но это — про устную речь. А к письменной был придирчив до крайности. Об этом говорят черновики, где десятки вариантов, бесконечные перечерки...

Сотни тысяч людей, а может, миллионы, прошли мимо памятника, где имя поэта с ошибкой»²⁸.

²⁷ Васильев М.Е. Музей «Святогорский монастырь». Л., 1984. С. 26.

²⁸ Минкин А. Черное пятно. Пушкин. Россия. Народная тропа // Московский комсомолец [Электронный ресурс: <https://www.mk.ru/culture/article/2013/09/23/919632-chyornoe-pyatno.html>].

Директор Пушкинского заповедника «Михайловское» Г.Н. Васильевич, «комментируя корреспонденту Псковского агентства информации это журналистское «открытие», рассказал, что надпись на могиле Пушкина была сделана в 1841 году теми, кто прекрасно отличал мягкий знак от твердого. С тех пор эту надпись, кроме Александра Минкина, успели увидеть, действительно, сотни тысяч, а может, и миллионы грамотных людей. Сотрудники Заповедника не припомнят, чтобы кто-то указывал на эту «ошибку».

Всё дело в том, пояснил директор Пушкинского Заповедника, что правила русской орфографии, на которые ориентируется Александр Минкин, сложились только во второй половине XIX века. По этим правилам в надписи на могиле Пушкина должно было бы быть три твердых знака. Но те, кто эту надпись делал, по-видимому, руководствовались орфографическими традициями времен самого Александра Пушкина, когда допускались разные варианты написания одних и тех же слов»²⁹.

В этом своеобразном споре «иронии» А.В. Минкина и знания директора Пушкинского Заповедника прав Г.Н. Васильевич.

В книге В.А. Малаховского указано, что «в московском литературном произношении согласный звук «ч» всегда мягкий. Пушкин отражает мягкость согласного «ч» на письме: Николай Алексеевич, Афанасий Николаевич, ...Гнедич...»³⁰ Например: «Гнедич не умрет прежде свершения Илиады»³¹.

В письме И.И. Мартынову от 1815 года Пушкин писал: «Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ»³², также с мягким знаком.

Из-за определенного незнания можно и А.С. Пушкина заподозрить в неграмотности. Но запутаться вполне возможно.

На южной стороне могилы Н.И. Гнедича (умер раньше А.С. Пушкина, в 1833 году) написано: «Николай Ивановичъ Гнѣдичъ». Три буквы «ерь» (ъ) и нет мягкого знака, как в письме Пушкина.

На городище Воронич близ Тригорского на могиле второго мужа П.А. Осиповой можно прочитать: «Иванъ Сафоновичъ Осиповъ. сконч.

²⁹ Московский журналист недосчитался на могиле Пушкина твердых знаков, но директор Заповедника был тверд // Псковское агентство информации. 26.09.2013 [Электронный ресурс: <https://informpskov.ru/news/125815.html>].

³⁰ Малаховский В.А. Язык писем Пушкина. М. ; Л., 1937. С. 511.

³¹ Там же. С. 540.

³² Пушкин. Письма / под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского. Т. 1. 1815–1825. М. ; Л., 1926. С. 3.

5-го Февраля 1824 г.», на могиле ее отца — «Александръ Максимович Вындомской. † 12 Февраля 1813 г.», на могиле ее сына — «Алексей Николаевич Вульфъ. род. 17 Декабря 1805 г. † 17 Апрѣля 1881г.»

Ни одного мягкого знака в отчествах.

При этом в письме к А.Н. Вульфу Пушкин обращается: «Любезный Алексѣй Николаевич — Благодарю Васъ за воспоминанья»³³. Здесь без мягкого знака в отчестве не обошлось.

На пирамидальном обелиске надгробия двоюродного деда А.С. Пушкина, одного из сыновей «арата Петра Великого», помимо другого текста указано: «Иванъ Аврамовичъ, Ганибалъ»³⁴. В отчестве «Аврамовичъ» — мягкий знак («ерь», ъ).

На литографии Клюндеря 1837 года внизу подписано «Александръ Сергеѣвичъ ПУШКИНЪ». Отчество поэта с мягким знаком (буква «ерь», ъ).

Можно утвердительно сказать, что отчество на могиле Александра Сергеевича Пушкина записано в орфографии пушкинского времени. В первой половине XIX века в окончании отчеств присутствовали буквы «ерь» (ъ) и «ерь» (ъ).

Относительно употребления буквы ъ в пушкинском правописании необходимо сделать следующее общее замечание. «Из таких написаний, как: преждѣ, вышѣ, Мѣлкий, нѣчего, осѣнью, легчѣ — с одной стороны, и нечего, осень и пр., — с другой, видно, что Пушкин не придавал букве ъ особого фонетического значения, да и не мог придавать, так как в эпоху Пушкина ъ и е уже не различались»³⁵.

Возможно, по этой же причине и авторы книг, путеводителей и т. д. тоже не придавали этому значение, либо были другие нюансы.

В наши дни некоторые посетители могилы А.С. Пушкина обращают внимание, что название города «С. петербургъ» написано с маленькой буквы. Довольно необычно — «петербургъ».

Был ли в этом какой-то смысл или в мастерской А.М. Пермагорова просто получилась именно такая надпись в силу каких-то обстоятельств? В письмах А.С. Пушкин записывает название столицы по-

³³ А.С. Пушкин — А.Н. Вульфу. Март 1825 года, Тригорское // Пушкин. Письма // под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского. Т. 1. 1815–1825. М. ; Л., 1926. С. 120.

³⁴ Иван Аврамович Ганибал. 1731–1801. Погребен в Лазаревской усыпальнице Александро-Невской лавры.

³⁵ Малаховский В.А. Язык писем Пушкина. С. 510.

разному, часто — «С.-Петербургъ»³⁶, «Петербургъ», редко «Питеръ»³⁷, «С. Петербурга»³⁸. Написание «петербургъ» с маленькой буквы автору встретить не удалось. Возможно, это обычная ошибка.

В 1828 году умер двухлетний внук Н.Н. Раевского Николай. Раевский занимался обустройством могилы внука, общался с А.С. Пушкиным. Поэт написал эпитафию младенцу:

В сияньи, в радостном покое,
У трона вечного Творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.

Эпитафия катастрофически не вписывалась в имевшийся на реальной могиле габарит надгробия. «Заданный габарит оказался прокрустовым ложем, стихи эпитафии были сломаны. Четверостишие вписано в семь строк. Неизящным начертанием шрифта обнаруживается непрофессионализм резчика, сделавшего к тому же грубую грамматическую ошибку в одном слове («изгнани» вместо «изгнані») и безнадежно загубившего исправлениями пяти букв другое слово («благосл...ть» вместо «благословляєть»)... Пушкин знал, как испоганена эпитафия, и великодушно простил за это»³⁹.

Из-за отсутствия документальных данных можно только предположить, что и на могильном памятнике А.С. Пушкина могла быть допущена подобная ошибка в написании города («петербургъ» с маленькой буквы).

Причем по надписи на могиле поэта видно, что часть названия города «Санкт» специально сокращено до буквы «С.», иначе надпись не поместилась бы или была очень близка к краю гранитного камня.

На некоторых надгробиях мастера А.М. Пермагорова написание го-

³⁶ А.С. Пушкин — Н.И. Гнедичу. 27 сентября [1822 года], Кишинев. «На обороте: Его Высокоблагородию Милостивому Государю Николаю Николаевичу <sic> Гнѣдичу. Въ С.-Петербургъ» // Пушкин. Письма. Т. 1. С. 38.

³⁷ А.С. Пушкин — Л.С. Пушкину. Начало ноября 1824 года, Тригорское. «Шумить-ли Питеръ?» // Пушкин. Письма. С. 96.

³⁸ А.С. Пушкин — П.А. Вяземскому. Около 12 сентября 1825 года, Михайловское // Пушкин. Письма. С. 159.

³⁹ Мурьянов М.Ф. Пушкинские эпитафии. С. 26.

рода как «Санкт-Петербурга» не встречается⁴⁰. И сравнить запись названия столицы на других монументальных работах А.М. Пермагорова с надписью города на могиле А.С. Пушкина не удалось.

При этом на немногих могильных памятниках иногда упоминается город Петербург. На монументе Е.И. Разумовской и А.Г. Разумовского конца XVIII века два раза записано «ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ» слитно⁴¹. Аналогичное написание названия столицы на мраморном памятнике с портретом С.П. Ягужинского⁴². На пристенном памятнике И.И. Бецкого: «ВЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ»⁴³. На плите М.А. Милорадовича записано: «въ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ»⁴⁴. Буква «П» приподнята выше остальных букв.

Таким образом, не исключено, что надпись на могиле А.С. Пушкина «С. петербургъ» — банальная ошибка тех, кто создавал ее в мастерской А.М. Пермагорова.

Удивительно, но на протяжении столетий авторы разных книг, статей, художники не были точны в воспроизведении надписи на цоколе могилы А.С. Пушкина, делали ошибки; вероятно, не все, но многие.

Надпись на могиле поэта является историческим письменным памятником первой половины XIX века и, несмотря на изменения в орфографии и пунктуации, требует досконального воспроизведения.

Рядом с могилой А.С. Пушкина в 1884 году был поставлен памятник из белого мрамора настоятелю Святогорского монастыря архимандриту Геннадию II, который совершил панихиду перед погребением

⁴⁰ Имеются в виду следующие монументы: надгробие княжны Гики Смрагды Карловны (мастер А.М. Пермагоров, 1810-е годы, некрополь XVIII века Александро-Невской лавры) и пристенный портал грузинского царевича Вахтанга Ираклиевича (мастер А.М. Пермагоров, 1820-е годы, Благовещенская усыпальница Александро-Невской лавры).

⁴¹ Архитектурный портал работы неизвестного мастера 1779 года А.Г. Разумовского и жены его брата Е.И. Разумовской. Благовещенская усыпальница Александро-Невской лавры.

⁴² Мраморный пристенный памятник с портретом С.П. Ягужинского. Скульптор Ф.Ф. Щедрин (?), 1810-е годы, Благовещенская усыпальница Александро-Невской лавры.

⁴³ Пристенный памятник И.И. Бецкого (умер в 1795 году), Благовещенская усыпальница Александро-Невской лавры.

⁴⁴ М.А. Милорадович скончался 14 декабря 1825 года от ран, нанесенных ему пулей и штыком на Исаакиевской площади. Напольная деревянная плита М.А. Милорадовича сделана в мастерской А. Кислоева в 1912 году.

поэта. Сохранились изображения, фотографии этого памятника до его разрушения в 1920-е годы, но надписи не видно. Благодаря описанию В.П. Острогорского мы знаем, что было на могиле архимандрита: «Могила с небольшим мраморным памятником, с образом Воскресения Христова и надписью: «Здесь покоится тело незабвенного строителя Святогорского монастыря архимандрита Геннадия»: ни года рождения, ни смерти — нет...»⁴⁵ Но точно ли он воспроизвел надпись? Это остается вопросом.

Недалеко от могилы А.С. Пушкина и его деда и бабушки был разрушен небольшой могильный крест с надписью «Нюня» (возможно, Зинаида Карпова, дочь Г.Ф. Карпова и М.Б. Бревской, внучка Евпраксии Николаевны Вульф (Бревской) и уничтожен длинный крест, огороженный каменными столбами на могиле, вероятно, Шарлотты Григорьевны Карповой, матери П.Ф. Карпова. Их могилы сохранились только на фотографиях, но надписи увидеть невозможно.

Практически уже не видны надписи на могильных каменных плитах родного деда А.С. Пушкина Иосифа Абрамовича Ганнибала и его бабушки Марии Алексеевны Ганнибал. Даже на фотографиях с трудом можно прочитать, что написано на могилах.

Для России характерно крайнее пренебрежение к сохранности могил: «В гимназические годы из чистого озорства валил кладбищенские кресты даже не кто иной как Владимир Соловьев, впоследствии краса и гордость русской христианской философии»⁴⁶. Могила А.С. Пушкина тоже пострадала: «В годы гражданской... группой бандитов обелиск с могилы Пушкина был сброшен под откос...»⁴⁷

Благодаря хранителям памяти Пушкина, сотрудникам Пушкинского Заповедника могила А.С. Пушкина и надпись на ней сохраняются.

И в преддверии 225-летия со дня рождения А.С. Пушкина всё больше и больше поклонников таланта поэта будут нести цветы на могилу, вчитываться в лаконичную надпись на основании обелиска и вспоминать строки:

---

⁴⁵ Острогорский В.П. Пушкинский уголок: альбом. С. 99.

⁴⁶ Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 1990. С. 18.

⁴⁷ Гейченко С.С. У Лукоморья. Л., 1981. С. 141.

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.
И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

*Фрагмент монумента на могиле А.С. Пушкина. Надпись на могиле поэта.
23 января 2021 года. Рисунок. Бумага, карандаш. 15 × 26 см*

Приложение

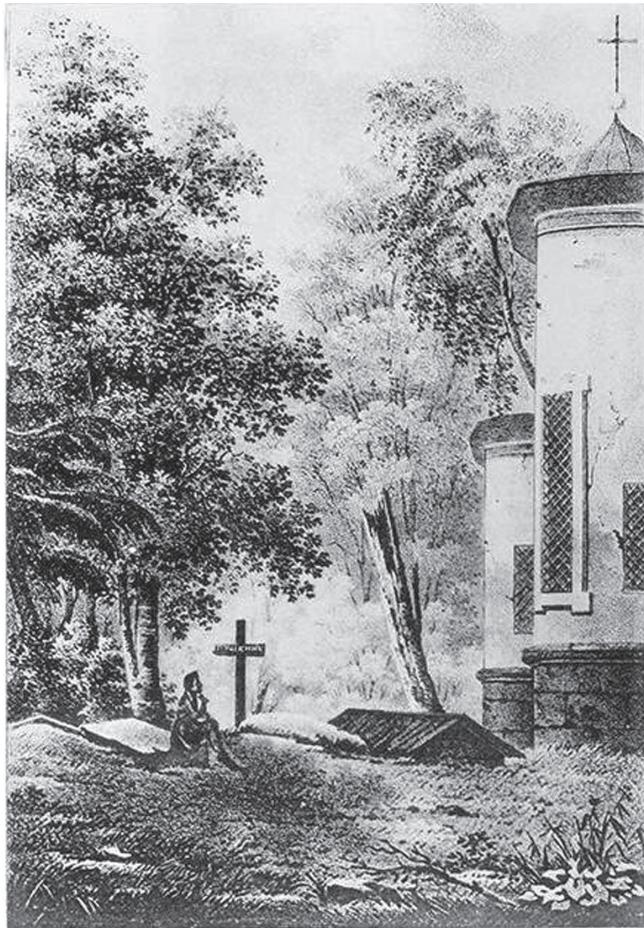

В.И. Малафеев. Могила Пушкина в Святогорском монастыре
в первоначальном виде. Акварель.

Иллюстрация из краткого путеводителя по выставке,
посвященной столетию со дня смерти

великого русского поэта А.С. Пушкина (М., 1937. С. 117).

Надпись на могиле: «ПУШКИНЪ»

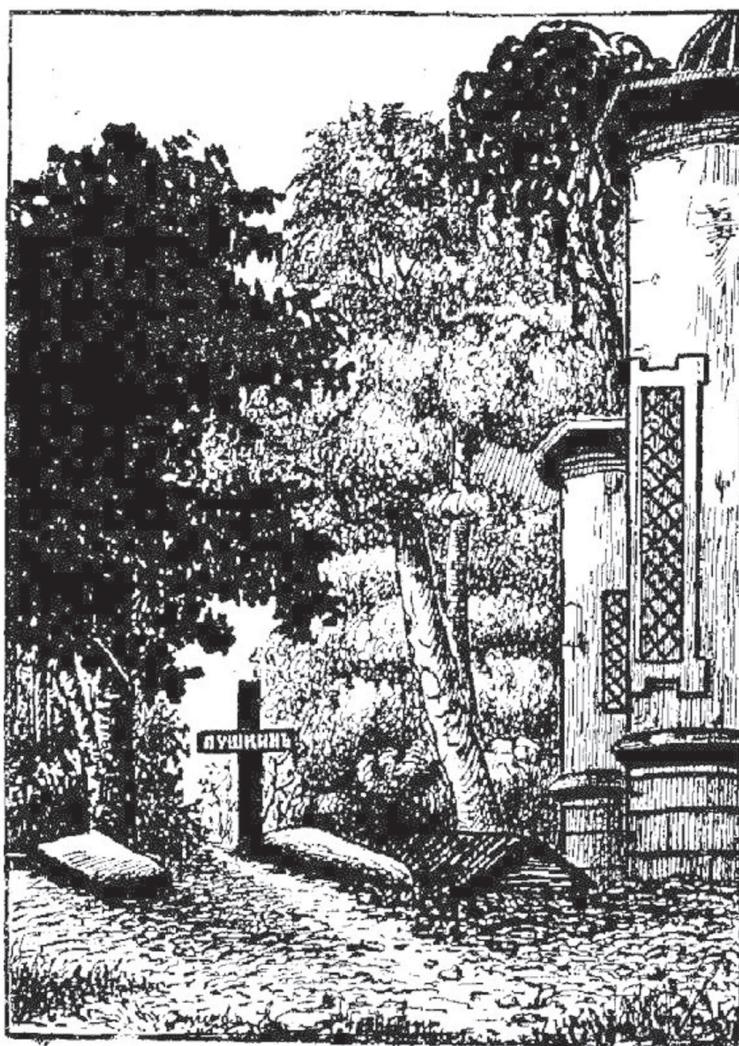

Видъ могилы А. С. Пушкина, при Святогорскомъ монастырѣ,
вскорѣ послѣ погребенія 1837 г.

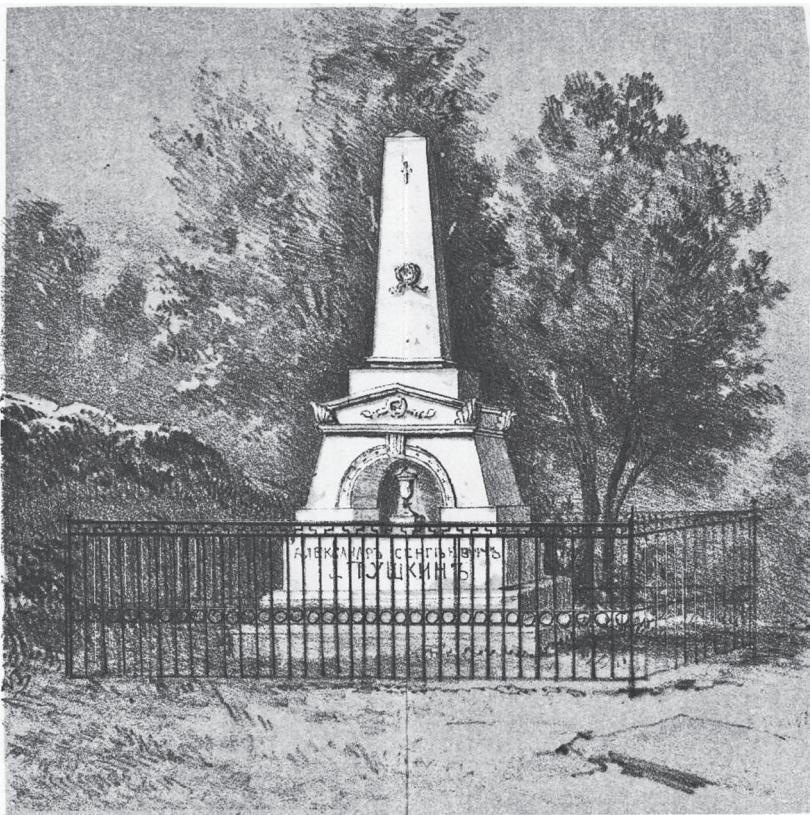
(По рис. художника Соколова, изъ собр. П. А. Ефремова).

Вид могилы А.С. Пушкина при Святогорском монастыре.
Вскоре после погребения. 1837 год.

По рисунку художника Соколова, из собрания П.А. Ефремова.
Иллюстрация из альбома «Пушкинъ» В.П. Острогорского
(М., 1899. С. 104–105). Надпись на могиле: «ПУШКИНЪ»

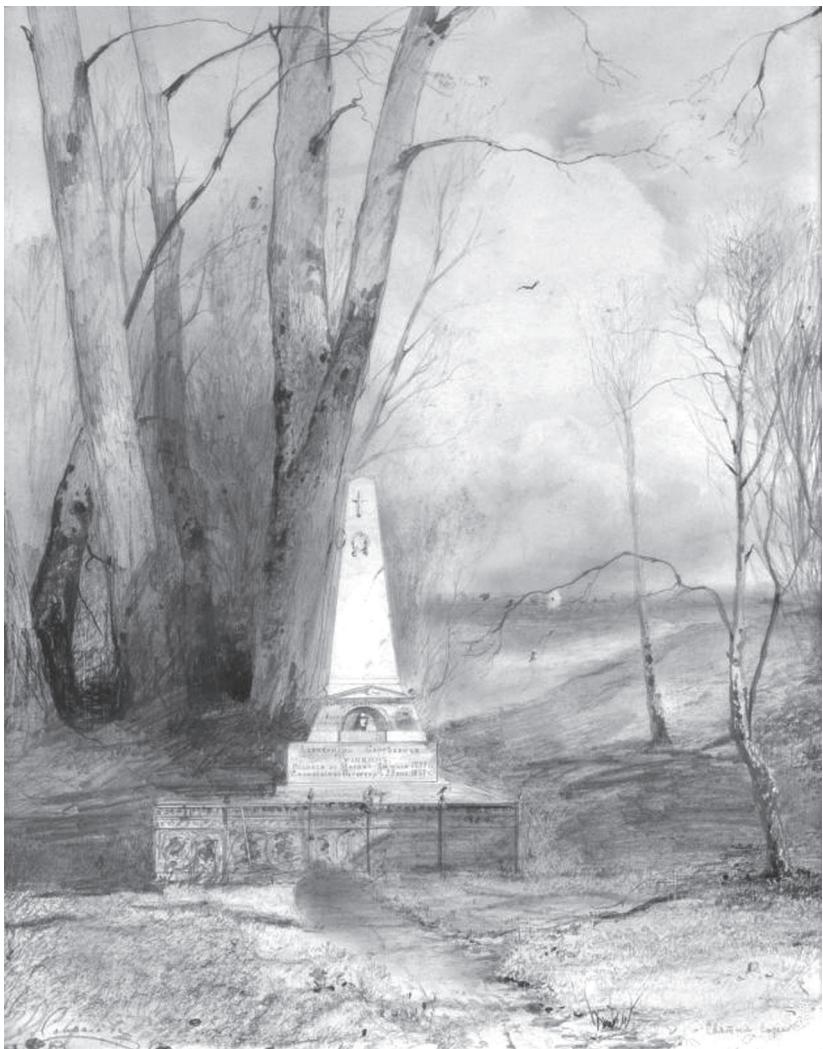
Могила поэта вскоре после его смерти.
Иллюстрация из: Васильев-Ушкуйник Ф.А.
Пушкинские уголки Псковской губернии. М., 1924. С. 22.
Надпись на могиле «ПУШКИНЪ»

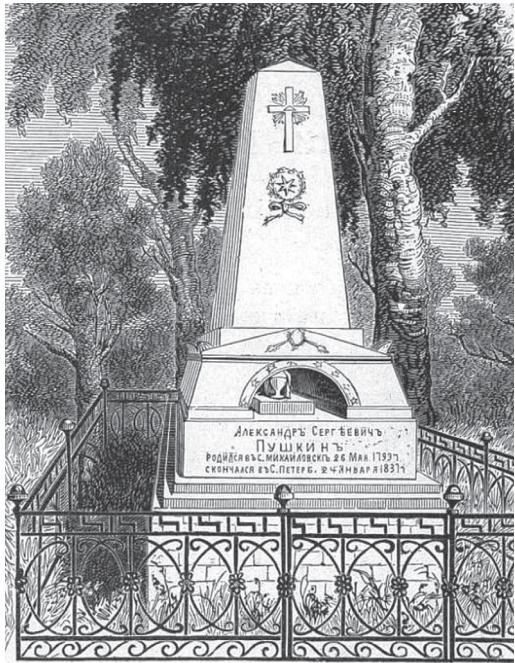
Рисунок могилы А.С. Пушкина. 1853 год.

*Иллюстрация из: Русский художественный листок,
издаваемый В. Тиммом. № 31 (1.11.1853).*

*Надпись на могиле: «Александр Сергеевич Пушкинъ».
В отчестве «Сергѣевичъ» на рисунке изображена буква «еръ» (ѣ)
вместо мягкого знака. Надпись на могиле отражена неверно*

A.K. Саврасов. Могила Пушкина в Святогорском монастыре. 1873 год.
Бумага, карандаш. Надпись на могиле отражена неверно

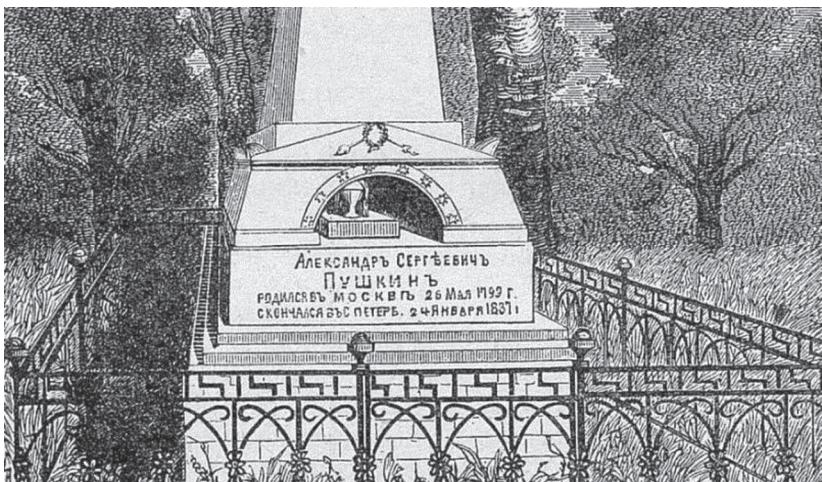

И. Павлов. Могила
А.С. Пушкина. 1887 год.
В отчестве «Сергѣевичъ»
на рисунке изображена
буква «ерь» (ъ)
вместо мягкого знака.
Надпись на могиле
отражена неверно

Могила А.С. Пушкина
в Святогорском Успенском
монастыре. 1899 год.
В отчестве «Сергѣевичъ»
на рисунке изображена
буква «ерь» (ъ)
вместо мягкого знака.
Надпись на могиле
отражена неверно

Надпись на надгробии И.А. Ганнибала. 1801 год.

Неизвестный мастер. Мрамор.

Санкт-Петербург, Лазаревская усыпальница Александро-Невской лавры.

Отчество «Аврамович» написано с мягким знаком (буква «ерь») (ъ)

Мраморная плита
с надписью «Могила
Александра Сергеевича
Пушкина»
на стене сторожки
Анастасьевских ворот
Святогорского монастыря.
Пушкинские (Святые) Горы.
7 января 2021 года.
Фото автора

Пушкин. Литография Клюндерса (1837) с зачеркнутой цензуром надписью «Потух огонь на алтаре». Надпись: «Александръ Сергеевичъ ПУШКИНЪ». Отчество «Сергѣевичъ» написано с мягким знаком (буква «ерь») (б)

*Лола Звонарева,
Лидия Кудрявцева*

«ПИКОВАЯ ДАМА» И «ПОВЕСТИ БЕЛКИНА» В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ РУССКОГО ПАРИЖАНИНА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВА

Оставивший сценографию в 1924 году и целиком переключившийся на книжную графику, проиллюстрировавший к тому времени уже семь книг французских писателей и «Записки сумасшедшего» Гоголя, восходящая звезда французской «книги художника», с 1921 года живущий в Париже русский парижанин Александр Александрович Алексеев (1901, Казань — 1982, Париж)¹ вновь встретился с русской литературой. Это случилось в 1928 году.

Пушкинская «Пиковая дама» с его иллюстрациями будет издана почти одновременно на французском и английском. В Париже — в переводе Проспера Мериме (Pouchkine A. La Dame de pique. Paris, 1928). В Лондоне — в переводе Путермана и Брертона в издательстве The Blackatmore Press. У нью-йоркских библиофилов авторам этих строк удалось приобрести экземпляр № 41 лондонского издания «The Queen of Spades».

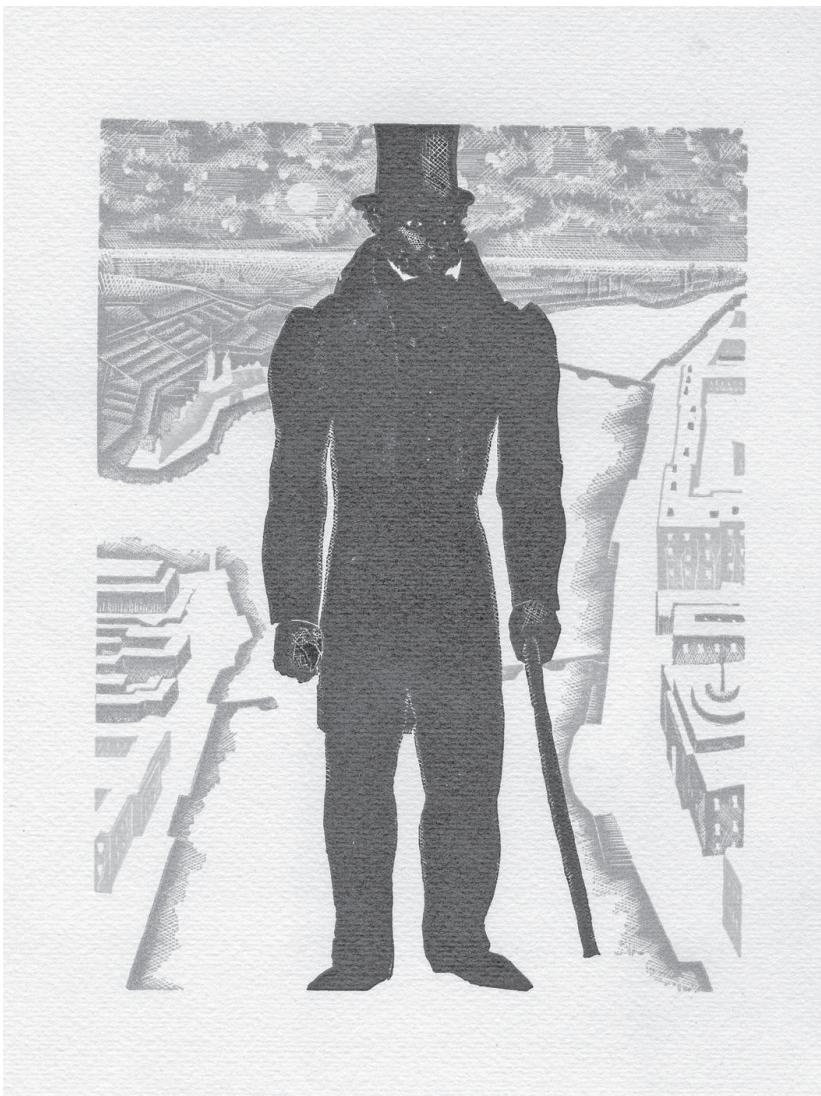
В аннотации на форзаце читаем: «Это издание «Пиковой дамы» — первое, где представлен полный английский перевод оригинального текста. Издание выпущено в количестве двадцати пяти экземпляров на японской веленевой бумаге, пронумерованных с 1-го до 25-го. Было также выпущено 250 экземпляров на веленевой бумаге производства французской фабрики Velin BFK Rives®, которые имеют номера с 26-го по 275-й. Дополнительно было напечатано тридцать пять копий, пронумерованных римскими цифрами с I по XXXV, которые не предназначены для продажи»².

В предисловии князь Дмитрий Святополк-Мирский, читавший в то время с большим успехом лекции в Лондонском университете, уведомлял читателя: «Пушкин, безусловно, величайшая фигура в русской литературе так же, как Шекспир — в Англии, а Данте — в Италии...

---

¹ Подробнее о биографии художника см.: Звонарева Л., Кудрявцева Л. Потерянный рай Александра Алексеева. М., 2020.

² Перевод с английского О.В. Звонарева.

Издание «Пиковой дамы» А.С. Пушкина с гравюрами А. Алексеева.
Лондон, 1928. Фронтиспис

В «Пиковой даме» существует единство действия и замысла. Первоначальный образ превращен в форму четкую и твердую — как кристалл или двигатель. Стиль строг и лишен украшений... Повествование становится, таким образом, символом»³.

Символизм в лаконичных иллюстрациях, исполненных в технике цветной ксилографии, созвучен сжатой и емкой пушкинской прозе (сегодня ее иногда сравнивают с режиссерским сценарием, раскадровкой для съемки). В «Пиковой даме» Алексеева тоже живет тайна, намекающая на внутреннее состояние персонажей и напряженную атмосферу скрытых страстей, становящихся пружиной сюжета в повести. На фронтисписе фигура Пушкина в полный рост во фраке и цилиндре — всё черное, кроме белков глаз. Что это — загадочное африканское начало? Скрытый намек на приближающуюся гибель? Поэт словно не вмещается в пространство с обобщенным образом Петербурга, окрашенным в пастельные тона. С его портрета начинается мотив неумолимого рока — завязка Алексеевского цикла.

На титульном листе этого разворота контрастным выглядит условно обозначенный дом старой графини *** розового цвета; за его удлиненными овальными окнами проступает крупный зловещий знак — черная карточная пика. Тут тончайшая — интеллектуальная — игра цветом: дом вобрал краску города, черная пика перекликнулась с черным силуэтом создателя мистической драмы.

Абрис карточной масти пик неожиданно повторится в укладке волос воспитанницы графини Лизаветы Ивановны, воплощением сумасшедшей мечты героя повести — его глазами увиден женский силуэт в высоких окнах особняка. Над бело-розовым фасадом дома и зеленовой крышей — мелкий снег, а по бокам — охранники: сторожевые полосатые будки, памятные нам по известной работе М. Добужинского. «...Очутился он в одной из главных улиц Петербурга, перед домом стаинной архитектуры». Вот ведь: «очутился», как во сне...

Классический и таинственный, заснеженный Петербург, город сновидений, несбывшихся желаний, неясных предчувствий живет в этих холодных Алексеевских пространствах, ассоциирующихся с метафизическими пространствами Кирико — тогдашним увлечением художника. Театральными декорациями предстают каменные дома в открытом сце-

³ Предисловие критика к лондонскому изданию «Пиковой дамы» опубликовано в: Мирский Д. О литературе и искусстве. Статьи и рецензии. 1922–1937. М., 2005. С. 181.

ALEXANDER PUSHKIN
THE QUEEN OF SPADES

ENGRAVINGS IN COLOUR BY A. ALEXEIEFF
PREFACE BY PRINCE D. SVIATOPOLK-MIRSKY

**THE BLACKAMORE PRESS, LIMITED
2, MOORGATE, LONDON, E. C. — MCMXXVIII**

Издание «Пиковой дамы» А.С. Пушкина с гравюрами А. Алексеева.
Титульный лист

A. Алексеев. Иллюстрация к «Пиковой даме» А.С. Пушкина

ническом пространстве, уплощенном «задником» подчеркнуто бледного цвета.

Цвет «задника», на фоне которого изображается город, постоянно меняется: от нежно-фиолетового до зеленовато-синеватого. Вот белая пустыня замерзшей Невы и чуть заметный абрис Петропавловской крепости на другом берегу: зимний пейзаж тут обрамлен черным театральным занавесом — словно намек на выбранный художником прием иронического отстранения. Город вымыщенный и интонационно узнаваемый. «Петербург — Атлантида: над ним сомкнулись воды, его больше нет и никогда не будет», — заметит кинорежиссер О. Ковалов, оценивая работы Алексеева.

Сам его подход к повести Пушкина найдет отклик в гравюрах 1966 года к «Пиковой даме» ленинградского художника Г. Епифанова, что означает: с работами выдающегося художника были у нас тогда уже знакомы в среде мастеров книжной графики. До Алексеева два крупных мастера книги, А. Бенуа и В. Шухаев, в одном и том же стилистическом, визионерском, ключе и традиционной технике — черно-белый рисунок с акварельной подцветкой, — впечатляюще иллюстрировали повесть в Париже. Прежде всего, Бенуа — с правдоподобием места и времени, достоверностью костюмов, интерьеров, с погружением в ушедшую эпоху, но самой создаваемой атмосферой давая место видениям. А было ли всё это на самом деле? Искусствовед Ю. Молок назвал по-своему превосходную работу Шухаева «иллюстрацией иллюстраций Бенуа».

У Алексеева иное мышление, если иметь в виду современное ему авангардное искусство, в которое он своеобразно вписывается. Тут и кинематографизм с его крупными и общими планами, и театрализация, и экспрессивность, и прежде всего знаковость, эмблематика предметов, создающая вместе с метафизическим пространством ощущение нереальности, сна, галлюцинаций героя.

Вся эта полифония визуальными аккордами сопровождает текст Пушкина в небольших по размеру заставках к главам (лишь две иллюстрации размещены в самом тексте). В недавней работе для Женбаха мы уже видели будущие излюбленные лейтмотивы художника: прежде всего, руки. В первой же иллюстрации к «Пиковой даме» (у Нарумова) рука с жадным жестом, выпавшая из полосы света, кажется черной, что придает мизансцене дополнительный зловещий оттенок. В неясном освещении над зеленоватым игральным столом с рассыпанными по нему монетами, небрежно брошенными черными и белыми картами в напряженном движении наливающая вино из черно-зеленой бутыли, держащая длинную курительную трубку, протягивающая бокалы, подающая острый нож, нервно сжимающая или передвигающая карты... В дальнейшем руки появятся в иллюстрациях Алексеева к прозе Достоевского и Толстого.

Алексеев впервые использует еще один прием, повторенный в дальнейшем в других книгах: одни и те же интерьеры, но по-разному эмоционально окрашенные. Крупным планом, словно наезжающей сверху камерой, дается по контрасту карточный стол во время игры без участия Германна — и после его проигрыша.

Здесь другого оттенка, при мрачноватом освещении, пустые бока-

A. Алексеев. Иллюстрация к «Пиковой даме» А.С. Пушкина

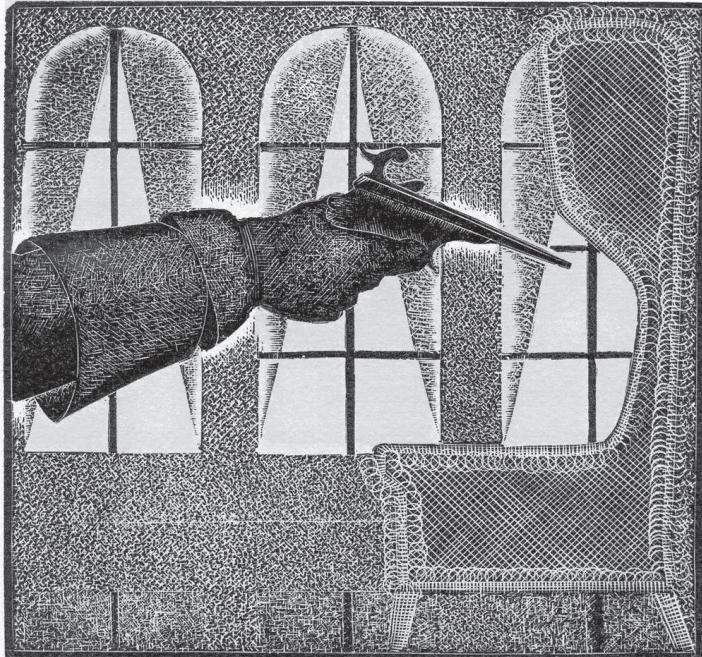
лы, те же рассыпанные вокруг монеты, брошенные на скатерть карты, траурными черными овалами громоздятся винные бутылки, черным — три карты в руках невидимого Германна, опрокинутый пустой бокал рядом, даваемый тонким белым абрисом. Намек на его драму. Создается ощущение духовного опустошения, трагического финала. «...Когда сон им овладел, ему пригрезились карты, зеленый стол, кипы ассигнаций и груды червонцев. Он ставил карту за картой, гнул углы решительно, выигрывал беспрестанно, и загребал к себе золото, и клал ассигнации в карман. Проснувшись, он вздохнул о потере своего фантастического богатства...»

A. Алексеев. Иллюстрация к «Пиковой даме» А.С. Пушкина

Самого Германна мы видим трижды и всегда со спины, тонким обобщенным темным силуэтом: в пространстве городской улицы, затем — крошечной фигурой с по-наполеоновски скрещенными руками, застывшей в задумчивости в заснеженном пустом парке перед старинным особняком (домом графини), и — в последний раз, после смерти графини — в глухом отчаянии бегущим сломя голову по набережной, всё проиграв.

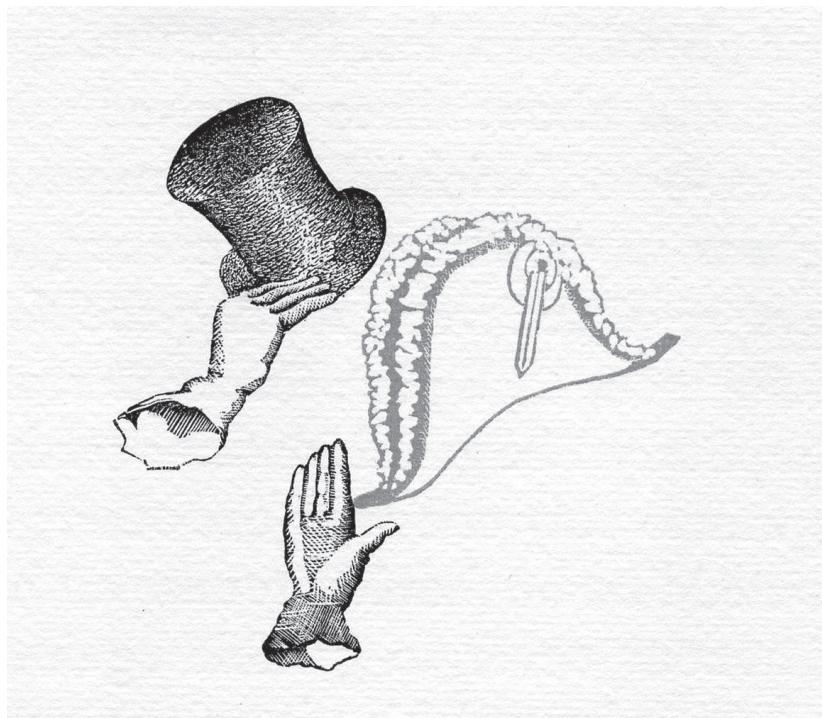
Художник тщательно продуманными деталями постоянно подчеркивает в герое тайное наполеоновское начало — через позу, высокий офицерский головной убор, военную выпрямку, ощущимую в самой осанке. Германн не будет в сцене со старухой-графиней. («Графиня не отвечала. Германн увидел, что она умерла».)

A. Алексеев. Иллюстрация к «Пиковой даме» А.С. Пушкина

Не будет и самой графини (напоминающей в иных иллюстрациях актрис, исполняющих ее знаменитую оперную арию). Блестящая находка. Кульминация цикла. Мистическая игра больного воображения Германна. В «кадре» крупно его рука, наводящая пистолет на пустое вольтеровское кресло, стоящее к нам, зрителям, боком. Центр композиции — черный пистолет в сценическом пространстве, резко ограниченном окнами задней светлой «кулисы».

Ф.М. Достоевский, рассуждая в письме об искусстве фантастического, сослался на «Пиковую даму»: «...И Вы верите, что Германн действительно имел видение, именно сообразно с его мировоззрением, а между тем в конце повести, то есть прочтя ее, Вы не знаете, как решить: вышло ли это видение из природы Германна, или действительно он один

А. Алексеев. Иллюстрация к «Пиковой даме» А.С. Пушкина

из тех, которые соприкоснулись с другим миром враждебных человечеству духов (NB. Спиритизм и учение его)⁴.

Емкие символы драмы — концовки почти к каждой части. Второстепенные аксессуары: цилиндр, дамская и мужская перчатки, старинный револьвер, песочные часы, треуголка, алая карточная масть «черви», напоминающая человеческое сердце, игральная фишка — самодостаточны.

Алексеев впервые раскрывается как книжный иллюстратор, используя не только иллюстрации-заставки к главам, но и «старомодные» ми- ниатюрные концовки. В них вновь лаконичные изобразительные знаки, перекликающиеся с эмблематикой в иллюстрациях: Любовь, Смерть, неумолимое Время. Мотив рока и извечной тайной связи Любви и Смерти выражен и через карточную масть «черви», перекликающуюся с дру-

⁴ Из письма Ф.М. Достоевского к Ю.Ф. Абаза от 15 июня 1880 года.

A. Алексеев. Иллюстрация к «Пиковой даме» А.С. Пушкина

гим важным символом любовных драм, повторяющихся во все века, — одинокого сердца.

А в финале на фоне Казанского собора возникнет возвышающийся над городом призрачный силуэт молодой графини. Хрупкость ее таинственного облика — по контрасту с ночным бархатно-черным небом, с белесыми облаками, остроконечным небольшим лунным серпом и тяжелыми каменными зданиями. Монументальные колонны справа и слева — своеобразные кулисы. Выложенная булыжником площадь перед собором в лунном свете кажется беспорядочно усыпанной множеством блестящих монет, сродни разбросанным на карточном столе. Фигура красавицы словно вырастает из них.

Круг замкнулся. Печальная тень графини смотрит на родной город из потустороннего мира. Век людской короток — книга завершается

изображением старинных песочных часов, но память о мифах живет в веках: тень молодой красавицы-графини возвращается в родной Петербург как символ искушения в погоне за мифическим богатством.

Сделанный почти сто лет назад к повести Пушкина цикл Алексеева кажется сегодня на редкость современным. Нашему восприятию особенно близки откровенно кинематографические приемы Алексеева с жестким кадрированием изображаемого, условность и символичность его работы.

Через год Алексеев вновь иллюстрирует Пушкина. Теперь это «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». Издательство — A.M. Stols. Maestricht & Bruxelles, 1930. В выходных данных указано: отпечатано в сентябре 1929 года. Перевод на французский Г. Вылкомирского, тираж 225 экземпляров.

Пушкин сочинял каждую повесть, пародируя в подтексте направления, прочно утвердившиеся к тому времени в русской литературе: в «Выстреле» и «Гробовщике» — романтизм (правда, в «Гробовщике» ощущимо влияние и готических повестей); а «Метель», «Станционный смотритель» и «Барышня-крестьянка» — сентиментализм в духе Руссо и Карамзина.

Но российская реальность во все века легко разрушала привычные схемы. Пушкин «играет», казалось бы, уже отработанными литературными сюжетами: неожиданный поворот вполне реальной жизненной ситуации приводит традиционную любовную историю к непредсказуемому, опровергающему все литературные схемы финалу. Л.Н. Толстой семь раз с восторгом перечитывал «Повести Белкина», находя в них доведенную до совершенства «гармоническую правильность распределения предметов»⁵.

Алексеев создает шесть акватинт — фронтиспис и пять иллюстраций на вклейках. Иллюстрации решены как цикл сценических мизансцен с психологически точно прописанными портретами персонажей и пейзажем — с метелью и тройкой. Это совсем иное решение, чем в «Пиковой даме», да и рассказы иные.

Фронтиспис, окрашенный вочные тона, завораживает бархатной чернотой — густой, плотной, глубокой. Теперь на нем не портрет автора, а целая композиция. Непросто различить профиль Пушкина и тени будущих героев. Белым — оконное перекрестье вверху.

---

⁵ Из письма Л.Н. Толстого П.Д. Голохвастову. 1873 год, Ясная Поляна.

И белым контуром на переднем плане выделен общий для поэта и художника символ: то ли «кот ученый» из «Руслана и Людмилы» (это слишком милый котик, чтобы он кого-то преследовал!), то ли черный кот, преследовавший Алексеева с детства, когда он начал ощущать таинственность окружающего его мира. Когда он оставался один в темноте, у него возникало ощущение: «демон... подстерегает»: «Я боялся. Не призраков, в которые не верилось при свете дня... Я был знаком с этим страхом со временем визита черного кота мадам Макмиш».

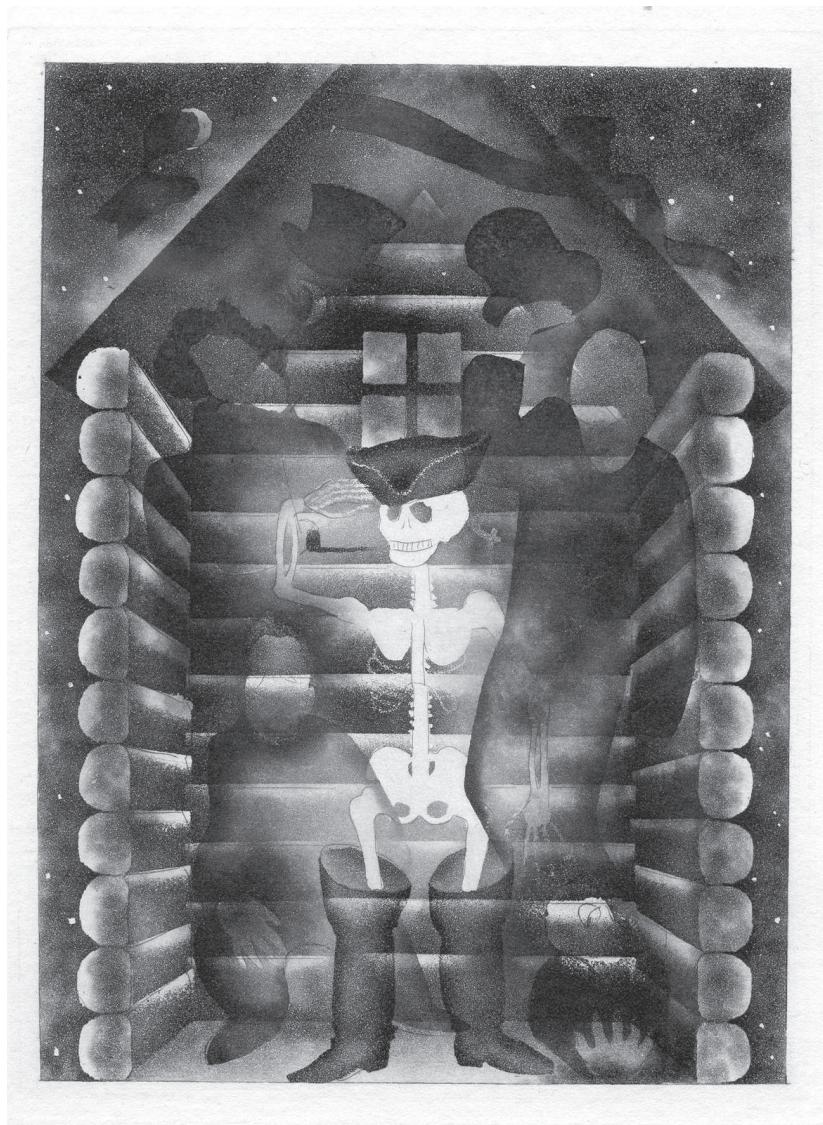
Французский составитель, обратившись к повестям Белкина спустя сто лет после их написания, расположил тексты в той последовательности, в какой они рождались у Пушкина: первым стал «Гробовщик» (Пушкин, готовя сборник к изданию, изменил их порядок, предпочтя начать с «Выстrela» и закончить «Гробовщиком»).

В первой иллюстрации к «Гробовщику» художник отказывается от изображения главного героя. Это сон гробовщика, пригласившего в гости покойников, похороненных в сделанных им гробах. Алексеев, отзывааясь на пушкинскую стилистику и помня о европейских средневековых аллегорических «плясках смерти», изображает компанию мертвцов, пожаловавших в пустую избу.

В центре композиции — «отставной сержант гвардии Петр Петрович Курилкин», «которому в 1799 году» гробовщик «продал первый свой гроб — и еще сосновый за дубовый». Недаром Толстой подметил в повестях некую насмешливость Пушкина — «несерьезное отношение к лицам». Добродушная ирония пронизывает иллюстрацию, Алексеевым чутко уловлена пушкинская интонация: «череп его ласково улыбался гробовщику», «кости ног бились в больших ботфортах, как пестики в ступах»: улыбающийся скелет сержанта с трубкой в зубах, треуголке и огромных ботфортах, костлявой рукой привычно отдает честь недобро-совестному хозяину.

У деревянного сруба в духе одного из полотен Венецианова срезана передняя стена: в полутьме, под неясным лунным светом, белесо мерцают спилы дубовых бревен, мягкой белизной отдают кости скелета. Над срубом сгустилась бархатистая тьма, в которой, словно предвещая тему метели, сыплются сверху пушистые крупные белые хлопья снега.

В этой работе художник впервые прибегает к приему, который затем станет его открытием, — к прозрачности пластических форм: фотографы называют его двойная экспозиция. Из полутьмы чуть заметно проплывают тени еще четырех обманутых гробовщиком покойников — ху-

*А. Алексеев. Иллюстрация к «Повестям покойного Ивана Петровича Белкина»
А.С. Пушкина*

*А. Алексеев. Иллюстрация к «Повестям покойного Ивана Петровича Белкина»
А.С. Пушкина*

дожник ограничивается полупрозрачными сутулыми черными спинами и нервными нетерпеливыми руками.

У Пушкина: «Комната была полна мертвцами. Луна сквозь окна освещала их желтые и синие лица, ввалившиеся рты, мутные, полузакрытые глаза, и высунувшиеся носы...»

В гравюре к «Барышне-крестьянке» — лирическом портрете главной героини, переодевшейся крестьянкой, в смягченных славянских чертах, сияющих влюбленностью глазах, высоком чистом лбу мы заметили портретные черты жены художника, чья судьба перекликается с судьбой пушкинской героини, любительницы переодеваний и розыгрышей: живущая у родственницы-аристократки, юная Александра Гриневская сбегает в «артистки» и начинает играть в театре Жоржа Питоева.

Наше предположение подтвердилось. На одной из Алексеевских гравюр, хранящихся в швейцарском архиве, стоит его автограф: «Мадам Гриневская в образе Акулины, неизданное, 1925». Видимо, в иллюстрации к «Барышне-крестьянке» художник использовал этот ранний гравированный портрет жены⁶. «Лиза примерила обнову и призналась перед зеркалом, что никогда еще так мила сама себе не казалась...»

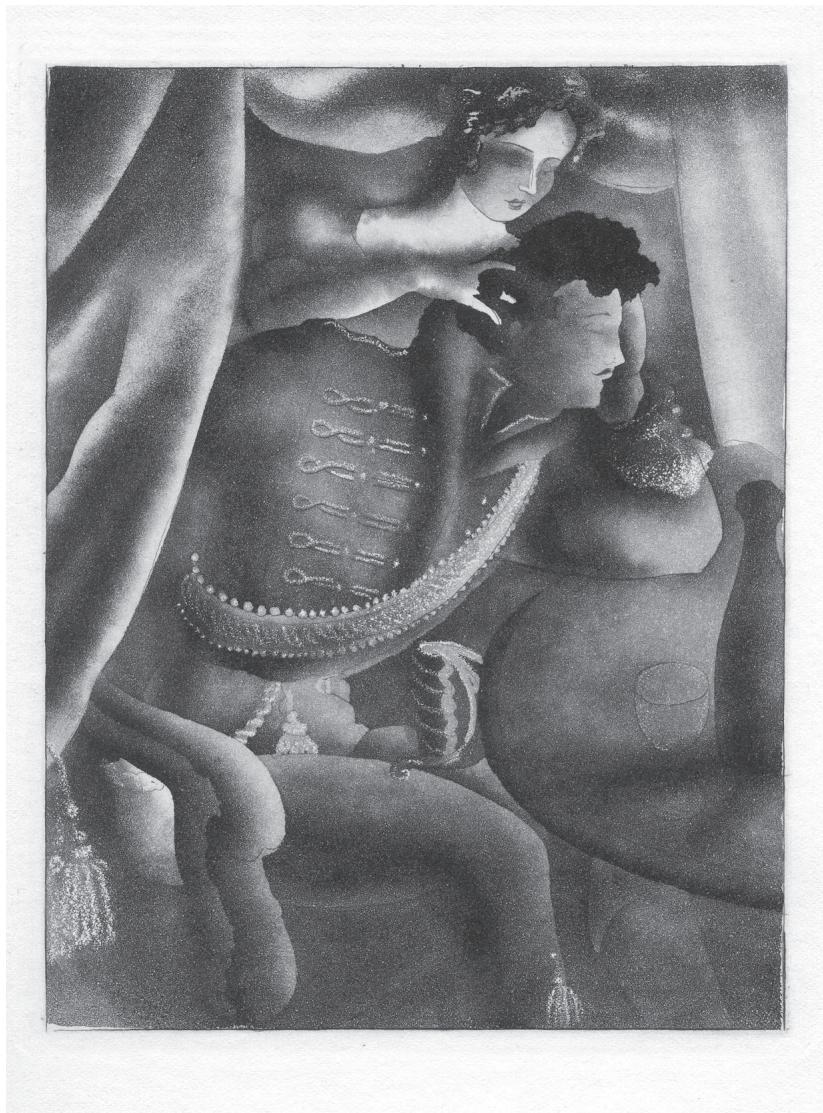
Портретно изображен и еще один герой — Сильвио из повести «Выстрел», подчинивший всю жизнь романтической идее мести. Экспрессионистски нервно изогнувшись, в черном цилиндре, черном фраке, с резко выделяющимися на черном лице белками глаз, он ассоциирован с Пушкиным, изображенным на форзаце к «Пиковой даме». В сжимаемом в руках пистолете возможен скрытый намек на дуэль на Черной речке.

В иллюстрации к «Станционному смотрителю» — нежный любовный дуэт: гусар Минский, прикрывший глаза, и Дуня, ласкающая кудрявые волосы возлюбленного. Они увидены глазами забытого дочерью отца. Театральными кулисами справа и слева в иллюстрациях к «Станционному смотрителю» и «Барышне-крестьянке» нависают шторы, создавая иллюзию театрального занавеса.

Завершает книгу безнадежный звук роковой метели: русская тройка в сложном ракурсе, напрасно пытающаяся найти дорогу в снежном буране, и тревожно кричащая над нею птица (впервые образ черной птицы как символ трагедии появился у Алексеева в последней иллюстрации к «Запискам сумасшедшего»).

---

⁶ Хранится в фонде Art ex East. Формат 27 × 36 см. Номер единицы хранения AL-002.

*А. Алексеев. Иллюстрация к «Повестям покойного Ивана Петровича Белкина»
А.С. Пушкина*

И «Гробовщик», и «Станционный смотритель», и «Выстрел», и «Метель» при всём стилистическом разнообразии слиты интонационно благодаря главенствующему черному цвету, который здесь звучит ностальгически.

Близкого друга графика, известного французского поэта и сотрудника издательства Филиппа Супо (судя по всему, именно он заказал русскому графику первые иллюстрации) поражала оригинальность подхода, используемого художником: «Я не хочу сказать, что Алексеевначен, — напротив, мне он иногда кажется излишне интеллектуальным... Разработанный им метод одновременно рационален и логичен. Прежде чем приступить к работе, художник пытается пластически представить то, что он хочет изобразить. Только тогда, когда замысел станет вполне осознанным, художник может позволить себе некоторый лиризм и со- средоточиться исключительно на процессе исполнения».

Супо одним из первых становится популяризатором творчества Алексеева. Он готовит об его искусстве обширную статью: «29 ноября 1928. Мой дорогой Алеша, я позвонил Хильсуму по поводу статьи. Будьте добры, зайдите к нему как можно скорее, если можете, завтра утром, чтобы договориться с ним относительно репродукций, которые вы хотите увидеть напечатанными. Я, к сожалению, не мог ему ничего об этом сказать. Было бы полезно захватить с собой гравюры или литографии, репродукции которых вы хотите увидеть»⁷.

В статье, посвященной творчеству друга, Супо, собираяшийся в то время написать о творчестве художника монографию, приходит к выводу: «Алексеев поднимает искусство гравюры до высоты настоящего искусства». Его личность отражается в каждой иллюстрации. Художник посвящает себя работе самозабвенно, «живет только для того, чтобы меняться». «Сюжетная композиция абсолютно не влияет на его выбор. Он, прежде всего, пытается проследить общую атмосферу книги». Визуально расширяет толкование книги, считая: задача книжного графика — «предложить читателю новое прочтение, вести его за собой или дистанцироваться от своей собственной концепции. Такое отношение может быть опасным или просто раздражающим, но единственным, дающим ему возможность считать себя иллюстратором».

---

⁷ Письма Супо к А. Алексееву любезно предоставлены швейцарским фондом Art ex East. Перевод с французского Елены Гречаной.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ «ЗНОЙНЫЙ АВГУСТ 1820 ГОДА, ПУШКИН НА КУБАНИ»

По своему жанру эта книга относится к путевым запискам. К ним добавлены исторические заметки, иногда в виде кратких справок о конкретном историческом месте, иногда развернутые исторические повествования.

Это то, что автору довелось в разное время видеть в разных городах и станицах Кубанского края и описать, но не всё подряд, а только однотемное — то, что заключено в названии: «Пушкин на Кубани». Это не ученые записки, не систематические географические, исторические или филологические исследования со строго определенным содержанием. Это несколько другое. Как писал И.А. Гончаров в предисловии к 3-му, отдельному, изданию «Фрегата «Паллада»: «Вышло то, что мог дать автор: летучие наблюдения и заметки, сцены, пейзажи — словом, очерки»¹.

Все эти очерки и иллюстрации относятся к местам, по которым двести лет назад проезжал наш национальный гений А.С. Пушкин — будучи еще совсем молодым двадцатиоднолетним чиновником 10-го класса табели о рангах Российской империи. Выпущенный за три года до этого путешествия из Императорского Царскосельского лицея, Александр Пушкин проходил в столице службу в Министерстве иностранных дел. Проходил, мягко говоря, особо не утруждаясь. В начале мая 1820 года он был послан по служебной надобности к главному попечителю об иностранных колонистах Южной России и полномочному наместнику Бессарабской области генерал-лейтенанту И.И. Инзову. Командировка Пушкина к Инзову не совсем, конечно, обычная. Отчасти она была связана с некоторыми воспитательными мерами по отношению к юному дарованию, но всё же — командировка.

По пути к Инзову в Кишинев Пушкин вместе с генералом от кавалерии Н.Н. Раевским-старшим и его семейством совершил изрядный круг, побывав на Кавказе и в Крыму. Эти два факта биографии, плодотворно затем отразившиеся в его творчестве — посещение Кав-

---

¹ Гончаров И.А. Предисловие к 3-му, отдельному, изданию «Фрегата «Паллада» // И.А. Гончаров. Полное собрание сочинений. В 6 т. Т. 2. М., 1972. С. 4.

каза и Крыма — детально и подробно исследованы пушкинистами многих поколений. Но путь, по которому поэт проехал с Кавказа в Крым по Кубанским землям, оставался мало исследованным, считался экзотическим и отчасти экстремальным, но не продолжительным путешествием.

Представляемая книга не только о том, как путешествовал Пушкин по Кубанским землям. В большей степени она посвящена тому, как сохраняют потомки этот факт в истории своего края. То есть в ней описаны памятники, бюсты, памятные доски, камни и другие артефакты увековечивания имени Пушкина. Памятники, установленные людьми словно маяки, освещают исторический путь для будущих поколений, направляют нас, как направляли бы корабли, в обход рифов, мелей и скрытых течений современной жизни. Это очень правильно, ведь слово «памятник» происходит от слова «память». По В.И. Далю, «памятник» — это способность помнить, не забывать прошлого...»

Автор сознательно сузил понятие «памятник» до скульптуры, бюста, мемориального знака (камень, стела, фрагмент стены и прочее), стоящего на земле и являющегося самостоятельным объектом, к которому имеется свободный подход. Кроме того, в книге помещены краткие описания других объектов увековечивания памяти нашего национального гения: школы, библиотеки, улицы, парки и скверы.

Двести лет тому назад герой Отечественной войны генерал Н.Н. Раевский-старший с семьей и с Пушкиным после двухмесячного лечения ехал с Кавказских Минеральных Вод в Крым. Для сокращения времени проезда их путь лежал через Кубанские земли в сторону Тамани.

В жаркий август 1820 года по пыльному Ставропольскому тракту, по правому берегу Кубани в сопровождении конвоя казаков с заряженной пушкой, ехал генеральский кортеж из трех экипажей. Семейство Н.Н. Раевского-старшего состояло из младшего сына Николая, бывшего в ту пору ротмистром лейб-гвардии гусарского полка, и двух дочерей, Марии и Софьи.

Кроме них с генералом ехали: гувернантка мисс Мятен, компаньонка Анна Ивановна (крестница генерала), доктор Е.П. Рудыковский и француз Фурнье, управляющий делами семьи. В одном из экипажей ехал приглашенный генералом в путешествие молодой поэт А.С. Пушкин.

Их путь под охраной казачьего конвоя лежал через Прочный Окоп (ныне станица Прочноокопская Новокубанского района Краснодарского края), Темижбек (ныне станица Темижбекская Кавказского района), Кавказскую (стояла в нескольких верстах от нынешнего города Кропоткина), Александровская крепость (ныне город Усть-Лабинск), Изрядный источник (ныне станица Васюринская). Во главе генеральского конвоя с 10 августа 1820 года, от станицы Изрядный источник до Фанагорийской крепости на Тамани, был сам атаман Черноморского казачьего войска полковник Г.К. Матвеев — легендарный соратник Суворова и Кутузова, бывший крепостной графа Разумовского, бежавший с молодости к заорожцам.

Затем путники въехали в Екатеринодар — столицу Черноморского казачьего войска. Из Екатеринодара кортеж генерала Раевского 12 августа 1820 года выехал по почтовому тракту в сторону почтовой станции Ивановской. После этого Раевские и Пушкин проезжали через станицы Петровская, Петровский кордон. Через Протоку — один из рукавов Кубани — переправились на лодках, а экипажи перевезли на пароме.

С 13 августа маршрут путешественников пролегал по землям Фанагорийского окружного казачьего правления через Копыл (ныне Славянск-на-Кубани), Андреевский кордон на реке Курке, Темрюк, Пересыпь, Сенную и далее по берегу моря до Фанагорийской крепости, куда прибыли вечером 13 августа 1820 года.

Поездка по Кубани длилась не больше недели, но впечатления у поэта сохранились надолго, фактически на всю оставшуюся жизнь.

В письме брату Льву из Кишинева он писал: «С полуострова Тамань, древнего Тмутораканского княжества, открылись мне берега Крыма. Видел я берега Кубани и сторожевые станицы — любовался нашими казаками. Вечно верхом, вечно готовы драться, в вечной предосторожности!» (ХIII, 18).

Из-за непогоды, разыгравшейся в проливной зоне Азовского моря, генерал от кавалерии Н.Н. Раевский-старший несколько задержался в Тамани. С утра 15 августа 1820 года бушевавшее море у крутых берегов Тамани стихло. Раевские и Пушкин поднялись на корабль Керченской флотилии и переправились в Крым.

Значительно позже, в Болдине, завершая роман «Евгений Онегин», он вновь вспомнит этот край, отправляя героя по пройденной им дороге:

Простите, смежных гор вершины,
И вы, Кубанские равнины,
Он скакет к берегам иным —
Он едет из Тамани в Крым.

(VI, 486)

Имя гениального поэта А.С. Пушкина в казачьем kraе чтят. К 200-летнему юбилею А.С. Пушкина Краснодарский край оказался лидером скульптурной гонки в России поувековечиванию памяти нашего национального гения! Столько памятников, бюстов, памятных камней и досок, наименований школ, библиотек, улиц и поселков в честь поэта нет ни в какой другой административной единице Российской Федерации, включая Москву и Санкт-Петербург. Кроме Краснодара, новые памятники открылись в Анапе, Армавире, Белореченске, Геленджике, Горячем Ключе, Ейске, станице Кавказской, Кропоткине, станице Ленинградской, городах Новоукраинске, Новороссийске, Сочи, Темрюке (2004), Тимашевске. Это в дополнение к уже имевшимся памятникам в Белореченске, Геленджике, Сочи (два), Туапсе, станице Прочноокопской и в тех же Анапе (два), Армавире, Джубге, Тимашевске, Кропоткине, Ново-Кубанске, Новороссийске. Всего получается 30; уверен, что их больше.

Следует отметить еще 112 улиц, восемь парков и скверов, названных именем Пушкина в станицах и городах Кубани. Кроме того, имя Пушкина носят семь общеобразовательных школ в станицах Тбилисской, Брюховецкой, Каневской, Медведовской, городах Белореченске, Новороссийске, Кропоткине. Шесть библиотек — краевая в Краснодаре, Кропоткине, Новороссийске, Туапсе, Анапе и Сочи — также носят имя Пушкина. Особо хочется отметить школьный Пушкинский музей в городе Кропоткине, пожалуй, лучший в стране такого формата.

Отмечена в книге сотворенная самой природой скала на берегу Керченского пролива, образующая профиль великого поэта, хорошо видимый от пирсовской зоны порта Тамань. Она символично венчает путешествие Пушкина по Кубанским землям.

Работа над книгой велась с целью зафиксировать состояние нашей народной памяти на Кубани. Эта память показалась мне красивой, отчасти оригинальной и очень значимой и для нас сегодняшних, и для наших потомков. Радует то, что в основном это истинное народное проявление любви жителей Кубани к величайшему поэту Пушкину.

Отдельное внимание хочется уделить Новокубанску — городу, который, кажется, был выстроен специально для того, чтобы оставить в памяти потомков имя Пушкина и его эпоху.

Когда А.С. Пушкин в кортеже генерала Н.Н. Раевского-старшего проезжал через эти места, города Новокубанска еще не было. Селение Кубанское было основано в Предкавказье, на левом берегу реки Кубань, в 1867 году отставными солдатами Кубанского казачьего войска (в честь войска был назван и сам город).

Селение Кубанское всегда было богатым и благополучным, а особенно оно окрепло после того, как в нем был построен огромный сахарный завод и развитие аграрного сектора региона было согласовано с промышленной переработкой сельскохозяйственной продукции. Идея не хитрая и не новая, но как же она удачно сработала в этих местах.

Климат и урожайные земли, наличие реки, обеспечивающей поливное земледелие, — конечно, значимые факторы. Но не оставляет ощущение, что там, в Новокубанске, всегда жили чрезвычайно трудолюбивые люди и у них были разумные и, самое главное, порядочные руководители.

С 1966 года поселок Новокубанский получил статус города. Он находится в 195 км к востоку от Краснодара и 12 км к северу от Армавира. Территория города как бы обрамлена водным пространством русла Кубани и рукотворным каналом, называемым Новокубанский.

Сегодня Новокубанск предстает чистеньким, уютным и по-европейски ухоженным городом. Глядя на его дома и улицы, понимаешь, что это богатый город. Проехав по улицам города, автору не довелось увидеть ни одной турлучной халупы или развалюхи — всё крепкое, добротное и пригодное для достойного жилья. Точь-в-точь как в пушкинской сказке «О царе Салтане...»:

Все в том острове богаты,
Изоб нет, одни палаты...

(III, 519)

Только не в сказке, а наяву! В городе обращает на себя внимание огромное количество детей, самостоятельно спешащих в общеобразовательные, спортивные и музыкальные школы, в многочисленные бесплатные кружки творчества, работающие во

дворце культуры. На ухоженных стадионах тренируются легкоатлеты и футболисты.

В пятницу вечером на улицах Новокубанска не замечено ни одного шатающегося или валяющегося пьяного. Не видно мающихихся бездезельем и балующихся пивком подростковых стаек. Согласитесь, сегодня это очень необычно для российского города.

Кстати, об улицах Новокубанска. В нем много улиц и переулков, носящих оригинальные и симпатичные местные названия: Васильковая, Вересковый, Виноградная, Вишневая, Грушевая, Дивный, Донской, Зеленая, Изобильная, Каштановая, Кленовая, Луговая, Ореховая, Тенистая, Цветочный, Яблоневая.

Есть и улицы Балтийская, Каспийская, Ладожская, Нева, Бронная и, представьте себе, — Царскосельская. Есть, конечно, в городе и улица Пушкина в 61 дом по нечетной стороне. Она очень характерна для нынешнего Новокубанска: утопающая в зелени, ухоженная, уютная, с добрыми домами.

Есть в городе и бюст Пушкину, установленный на площади по улице Первомайской, всего в нескольких десятках метров от улицы, носящей имя Пушкина.

Сегодня в Новокубанске около 35 тысяч жителей. Кстати, за все последние годы, в отличие от многих и многих малых российских городов, численность жителей Новокубанска не уменьшалась, а постоянно росла. Наряду с высоким уровнем продолжительности жизни это главный показатель благополучия. В городе работают филиалы Кубанского государственного аграрного университета и Адыгейского государственного университета. А всё вместе это работает на закрепление молодежи на малой родине.

Это, конечно, не вся информация о пушкинской теме в Новокубанске. Есть еще в городе район, называемый Пушкинский — любимое место отдыха жителей Новокубанска. Это место связано с устной легендой, что здесь проездом в 1820 году отдыхал А.С. Пушкин. Увы, не отдыхал, — это всего лишь легенда, но то, что поэт проезжал мимо этих мест — это факт!

Книга «Знойный август 1820 года. Пушкин на Кубани» посвящена 200-летнему юбилею пребывания А.С. Пушкина на Кубани. Она — результат многолетних усилий, объединенных одним замыслом.

Формат книги 60 × 841/16 (142 × 205 мм), текстовый шрифт «Бруксовая конденс». Она имеет твердый переплет ручной работы автор-

ства Леонида Леонидовича Колпахчиеva — одного из самых известных российских реставраторов-переплетчиков. Благодаря его талантам книга традиционно радует высоким уровнем исполнения.

В книге представлена 101 иллюстрация, 52 из которых — авторские фотографии памятников, бюстов, памятных камней и досок, увековечивающих память проезда А.С. Пушкина по Кубани. Помещен именной указатель на 104 персоны, список литературы, а также развернутое оглавление.

ИЗ ГЕНЕАЛОГИИ РОДА В.М. РУСАКОВА — ИСТОРИОГРАФА РОДА ПУШКИНЫХ

Исходными данными, по которым проводилась исследовательская работа по отцовской линии В.М. Русакова, послужили сведения из его автобиографической книги «Под небом детства» (Псков, 2007). Были изучены метрические книги и исповедные росписи церкви Воскресения Христова погоста Жадры Опочецкого уезда за разные годы, хранящиеся в фондах Государственного архива Псковской области (ГАПО).

*В.М. Русаков — студент 1-го курса
филологического факультета
Ленинградского университета.
1955 год. Ленинград.
Из фондов Краеведческого музея
города Опочки*

Виктор Михайлович Русаков родился 8 мая 1927 года в деревне Авдеева, в крестьянской многодетной семье. Помимо него в семье были: его старший брат Петр, пропавший без вести во время Великой Отечественной войны в октябре 1943 года, младшая сестра Надежда, а также два брата Ивана, две сестры Ирины и безымянный младенец, умершие все во младенческом возрасте.

Родители В.М. Русакова — Михаил Никифорович и Елизавета Филипповна — были венчаны в церкви Воскресения Христова в погосте Жадры 4 февраля 1911 года:

«№ брака 12. 4 февраля 1911 года.

Жених: Опочецкого уезда Жадринской волости деревни Авдеева, крестьянский сын Михаил Никифорович, православного вероисповедания и первым браком, 27 лет.

Невеста: Опочецкого уезда Жадринской волости деревни Кирова крестьянская дочь — девица Ели-

савета Филиппова, православного вероисповедания и первым браком, 23 лет.

Поручители по жениху: Опочецкого уезда Жадринской волости деревни Филистова крестьянин Иван Ильин.

По невесте: Опочецкого уезда Жадринской волости деревни Авдеева крестьянин Иван Никифоров.

Таинство венчания: священник Иоанн Загорский, псаломщик Иван Копылов»¹.

Во время венчания их родители благословили жениха и невесту двумя иконами, которые до смерти Михаила Никифоровича и его жены Елизаветы Филипповны постоянно хранились в их доме. Потом, вплоть до кончины младшей сестры Виктора Михайловича — Надежды, обе иконы находились у нее, а впоследствии у Виктора Михайловича. Одну из упомянутых икон, в металлическом окладе, он подарил своей внучке Ольге, проживающей в Петербурге. А другую передал на хранение в краеведческий музей города Опочки.

В книге «Под небом детства» очень много страниц В.М. Русаковым посвящено его родителям, брату и сестре.

Отец В.М. Русакова был из многодетной семьи, родился 3 ноября 1885 года и был крещен в церкви погоста Жадра:

«60 м.п. Родился 3, а крестили 5 ноября 1885 года Михаила.

Родители: крестьянин Жадринской конторы деревни Авдеева Никифор Семенов и законная жена его Устинья Михайлова, оба православные.

Восприемники: крестьянский сын деревни Кустова Павел Федоров и крестьянская дочь — девица той же деревни Евдокия Андреева.

Таинство крещения: священник Иоанн Неворожский, псаломщик Василий Копылов, псаломщик Кирилл Меншиков»².

Помимо Михаила в семье были сестры: Татьяна, Мелания, Дарья, Татьяна, Ксения, братья: Иоанн, Кузьма, Павел. Сведения о некоторых из них удалось найти в метрических книгах церкви погоста Жадра. По воспоминаниям В.М. Русакова, его бабушка Устинья родила 18 младенцев: «Женщина тихая, безропотная, она немало выстрадала на своем веку: без меры горячий муж, падкий на чувственные удовольствия, частенько наведывался к вдовствующей молодице-соседке, случалось, и

¹ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 39. Оп. 22. Д. 1646.

² ГАПО. Ф. 39. Оп. 22. Д. 8.

там ночевал; а если бабушка осмеливалась упрекнуть его хоть единым словом, даже взглядом, дед тотчас свирепел. Грубая брань да зуботычины сыпались на бедную женщину. Подвернется под руку кто-нибудь из многочисленной ребятни (бабушка родила — шутка ли! — восемнадцать младенцев), Никифор Семенович и тому затрещину даст. От такой горькой доли баба Устинья рано начала гаснуть и так же тихо, незаметно, как жила, скончалась лет на пятнадцать раньше деда, в 1904 или 1905 году»³.

Устинья Михайловна была второй женой дедушки В.М. Русакова Никифора Семеновича, он на ней женился в 1869 году, венчание также было в церкви погоста Жадры:

«№ брака 1. 19 января 1869 года.

Жених: крестьянин Жадринской конторы деревни Авдеева Никифор Семенов, православного вероисповедания, вторым браком, 24 лет.

Невеста: Жадринской конторы крестьянская дочь — девица деревни Грихнова Устинья Михайлова, православного вероисповедания, 18 лет.

Поручители по жениху: крестьянин Жадринской конторы деревни [Авдеева] Афанаскова Игнатий Федоров и крестьянская жена деревни Авдеева Фекла Васильева.

По невесте: крестьянин деревни Баранова (?) Георгий Васильев и крестьянская жена деревни Грихнова Екатерина Федорова.

Таинство венчания: священник Михаил Неворожский, дьячек Михаил Вревский»⁴.

Кто был первой женой Никифора Семеновича – неизвестно, вероятнее всего она умерла сразу после брака из-за какой-нибудь болезни, и детей скорее всего у них не было.

Сам В.М. Русаков тоже был дважды женат. Первый брак с Анной Дмитриевной Николаевой, уроженкой села Келище Опочецкого района, продлился 28 лет. От этого брака у него было два сына-близнеца (Вячеслав и Владимир). А второй брак с Антониной Тихоновной Слядьевой, уроженкой деревни Рассохина Опочецкого района, продлился менее двух лет, с февраля 1984 по декабрь 1985 годов. От этого брака детей не было.

Дедушка В.М. Русакова Никифор Семенович был крещен в той же церкви погоста Жадра в 1844 году:

³ Русаков В.М. Под небом детства. Псков, 2007. С. 21.

⁴ ГАПО. Ф. 39. Оп. 22. Д. 8 г.

«б/н листов.

3 м. п. Родился 1, а крестили 4 марта 1844 года Никифора.

Родители: помещицы Мары Герсевановой деревни Авдеева крестьянин Семион Егоров и законная жена его Евдокия Сидорова, оба православные.

Восприемники: той же помещицы деревни Кирова крестьянин Сергей Иванов и той же семьи вдова Фекла Васильева.

Требу сию совершил погоста Жадры священник Александр Дегожский, дьячек Ефим Орлов»⁵.

В.М. Русаков в своей книге «Под небом детства» пишет:

«Как тут не вспомнить семейное предание о моем дедушке, Никифоре Семеновиче, который в какой-то престольный праздник, утомленный бесконечным застольем, полез на печку и, сбросив оттуда на пол охапку сухих досок, громко сказал:

— Треньки-бреньки, сколько можно пить и жрать, жрать и пить?
Работать надо...

И гости, ошарашенные таким поведением хозяина, начали быстро покидать дедов дом. Для Никифора Семеновича, как и для всех нормальных людей, труд был главным мерилом человеческого достоинства. Без работы он чувствовал себя неприкаянным и беспомощным, как бескрылая птица.

Нелишне сказать, что дед наш, человек довольно крутого нрава, в деревне был фигурой заметной, колоритной. По рассказам родителей и односельчан, он и зимой ходил в баню босиком, в подштанниках и холщовой рубахе, накинув на плечи полуушубок, без шапки и рукавиц. В бане Никифор Семенович долго и истово парился, голым выбегал на мороз, бросался в сугроб, затем снова парился и мылся, балагуря с соседями.

Распаренный докрасна, помолодевший, дед не спеша надевал в предбаннике чистое исподнее белье, полуушубок, опять же внакидку, и медленно шел в гору, оставляя на снегу отпечатки широких босых ступней. Простуды он не боялся, да и не знал ее никогда.

Зубы у деда до глубокой старости были один к одному — белые, крепкие, без малейшего изъяна, хотя за ними он никогда не ухаживал: в ту пору в деревне о зубной щетке и понятия не имели. Никифор Семенович, как многие деревенские люди, был всегда здоров и отличался

---

⁵ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 4356.

незаурядной работоспособностью. Поистине: в здоровом теле — здоровый дух!»⁶

Откуда родом и где был крещен прадедушка В.М. Русакова Семен Егорович, на данный момент неизвестно; известно, что на 1832 год он вместе с женой проживал в деревне Авдеево, где родился его первенец Матфей. На 1821 год по исповедным росписям погоста Жадра деревни Авдеева семья Семена Егоровича и его отца Егора не значились. Можно предположить, что, так как семья была помещичьей (крепостной), в Авдеево она была переведена из другой деревни того же помещика или куплена им (или досталась по наследству, или в результате женитьбы). Но ответ на этот вопрос сможет дать только изучение ревизских сказок за 1830-е годы, что предстоит еще сделать.

Таким образом, в результате проведенной исследовательской работы была изучена отцовская линия В.М. Русакова, а конкретно — были уточнены и найдены записи о венчании, крещении и смертях представителей этого рода. Для дальнейшего изучения требуется изучение ревизских сказок Опочецкого уезда и метрических книг погоста Жадры уже по линии матери В.М. Русакова — Елисаветы Филипповны из деревни Кирова.

Сейчас от родины В.М. Русакова — деревни Авдеево — не осталось ни одного дома. Она исчезла еще при жизни В.М. Русакова, во второй половине XX века. А на 1895 год в деревне Авдеево значилось 11 дворов, душ обоего пола — 65 человек⁷.

---

⁶ Русаков В.М. Под небом детства. С. 63.

⁷ Статистико-географический словарь Опочецкого уезда Псковской губернии. Вып. 3. Псков, 1895.

Владимир Дервенев

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ПОБЕДЫ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ЯРОСЛАВИЧА (НЕВСКОГО)

В XIII веке над Русью сгостились черные тучи. Первая из них надвигнулась с запада. Это агрессия рыцарей-крестоносцев, преимущественно немцев. Вторая туча пришла с востока. Это агрессия татаро-монголов. Волею судьбы Русь оказалась между двух огней, между молотом и на ковальней.

Первая агрессия, от Римского престола, была направлена против славянских народов и началась еще при Карле Великом в VIII веке. К XIII веку немецкие рыцари продвинулись до Прибалтики и начали покорение прибалтийских народов: пруссов, ливов, селов, латгалов, эстов, куршей, земгалов, литовцев. Покорение это проходило под эгидой креста Христова и римского папы, который непосредственно организовывал крестовые походы. Папа Иннокентий III 7 октября 1207 года послал свою буллу на Русь, обращаясь ко всем русским епископам, клирику и всему русскому народу, и призвал их отречься от православия и склонить голову перед могуществом католического Рима. Следующие понтифики, Целестин III, Иннокентий III, Григорий IX, Иннокентий IV, не раз объявляли крестовые походы против прибалтийских, финского и русского народов. Предлогом для вторжения рыцарей объявлялась необходимость крестить язычников, покарать еретиков, увещевать и привести к истинной вере отколовшихся отступников-христиан греко-православной веры.

В начале XIII века в результате IV Крестового похода была захвачена и разгромлена Византийская империя и на ее территории создана Латинская империя (1204). Участниками крестовых походов были рыцари Европы, что считали себя обладающими нравственным и духовным превосходством над другими, подчас не считая отличных от них людьми. Меченосцы вели непрерывные войны с прибалтийскими народами. Но поскольку новгородские князья стремились защитить своих давних союзников и данников, рыцари в конце концов скрестили мечи с русскими, первоначально на полях Эстонии и Ливонии. Об этом свидетельствуют Хроника Генриха Латвийского, немецкие хроники и русские летописи.

Всё началось еще в 10-е годы XIII столетия. В этих войнах активное участие принимали новгородские и суздальские князья, призванные на защиту Новгорода новгородским вече: князья Мстислав, Ярослав и его сын Александр. Нередко к ним обращались за помощью эсты, ливы или латгалы для защиты своих родных земель от немецкой агрессии. И новгородцы спешили на помощь, понимая, что против них идет страшная сила — вся Европа с королями и римским папой! В начале XIII века в битву за балтийские земли вступила Дания, чьи рыцари во главе с королем Вальдемаром вторглись в северную часть Эстляндии с городом Ревелем (по-русски Кольванью), после чего местные эсты назвали его «Датским городом» (Таллин). Меченосцы подали протест в суд Римской курии, но папа Гонорий III принял сторону датчан, и те надолго остались в Эстляндии. Римская курия постоянно поддерживала медленно и планомерно тлевшую агрессию. Интересы Святого Престола в Риге стал представлять специальный легат — епископ Моденский Вильгельм, склонявший псковских бояр к союзу с Римом. Действия Римской курии подкреплялись мощью двух военных орденов в Ливонии: меченосцев и Святой Марии (тевтонских крестоносцев).

В 1224 году ливонские рыцари-меченосцы захватили крепость Юрьев. Эту крепость основал еще в 1030 году великий князь Киевский Ярослав Мудрый. До 1224 года там находился русский гарнизон, но немцы изгнали русских, срыли крепость до основания и построили свою крепость — Дерпт, или Дорпат. С 1220-х годов крестоносцы усилили написк на восток под предлогом «крещения язычников». Авангардную роль взял на себя Тевтонский орден Святой Марии, приглашенный из Палестины в Восточную Пруссию польским герцогом Конрадом Мазовецким в 1230 году, после чего они стали владеть балтийскими землями, вплоть до естественного географического рубежа — реки Наровы.

Впервые о поселении, что было расположено на территории современного города Нарва, упоминается под именем Ругодив в Новгородских летописях, датированных 1171 годом. Неизвестно, когда точно на реке Нарве был возведен замок и когда возник город, но оба события относятся к периоду, который в истории Эстляндии (Estland, т. е. Восточные земли) называется датским периодом. Под предлогом распространения христианства Дания в 1219 году завоевала Виронию с центром в Ревеле (Таллин) и таким образом претендовала на всю Северо-Восточную Прибалтику. Для удобства покорения завоеванных территорий Дания начинает создавать опорные пункты — сначала в Ревеле (замок Том-

пеа), а затем в Руковор (Раквере) и в Ругодиве (Нарва). В последнем случае речь идет о стратегически важном расположенному на восточной границе датских владений месте, где находилась переправа через реку Нарова, которая являлась одним из важнейших торговых путей Средневековья.

Из документов мы знаем, что до этого уже прошла встреча правителей Ливонии, где обсуждалась «великая опасность торговли в Европе купцами из России», как свидетельствует Лаврентьевская летопись. На той встрече было решено в дальнейшем оказывать содействие в организации торговли товарами из России на территории Эстляндии и Ливонии, а также выделить для этой цели специальные торговые и складские места, защиту которых местные правители гарантируют обеспечить силами воинских гарнизонов. Для их дислокации было решено строить форпосты — замки. Точное время строительства неизвестно, но, вероятно, в 1223 году в месте пересечения реки Нарвы сухопутной дорогой датчане возводят деревянную крепость, вокруг которой выросло и торговое поселение. По данным из Новгородских хроник, вначале датчане решили возвести крепость на правом берегу реки Нарвы. Вероятно, они хотели создать плацдарм для распространения католичества среди финно-угорских племен, что населяли тогда эти земли: «Приидоша Свѣя и Емъ и Сумъ и Дидманъ со своею волостью и множеством рати и начаша чинити город на Наровѣ...», как говорится в Новгородской летописи Первого извода. Православный Господин Великий Новгород считал, что эта территория и ее жители принадлежат ему, поэтому, естественно, не мог этого допустить. Отряд Новгородской дружины, посланный князем Ярославом Всеялововичем (отцом Александра Невского), быстро разорил деревянную крепость, возведенную датчанами.

В марте 1234 года, после очередного нарушения датчанами договора о разграничении территорий, князь Ярослав Всеяловович, уже вместе со своим 14-летним сыном княжичем Александром, пришел из Переяславля с низовскими полками и вместе с новгородцами вторгся во владения Ордена, остановившись вблизи города Юрьева (Дерпт, ныне Тарту) и не переходя к осаде. Рыцари из Юрьева и из находившейся примерно в 40 км к югу от него Медвежьей Головы (Отепя) предприняли вылазку против русского войска, но были наголову разбиты. Часть их вернулась за крепостные стены, а другая часть, преследуемая русскими, провалилась под лед реки Омовжи (Эмайыги) и утонула: «...Иде князь Ярослав на Немци под Юрьев, и ста не дошел города, а князь Ярослав биша их на

реце на Омовыже... Немци же обломишася, и истопло их много, а иные, израненные, побежали в Юрьев и в Медвежью Голову...», отмечает Новгородская летопись Первого извода. Совершенно очевидно, что будущий великий русский полководец надолго запомнил свои юношеские впечатления от того, как под тяжелыми конными рыцарями ломался лед, после чего те тонули в холодных водах. Ту же методику он применит впоследствии в знаменитом Ледовом побоище. Новгородцы в битве не потеряли ни одного человека, а у сузальцев погибло всего пятеро, после чего русские дружины сильно разорили владения дерптского епископа и опустошили нивы.

Итогом битвы стал мир, о котором Новгородская летопись говорит так: «...и поклонишася Нѣмци князю, Ярославъ же взя с ними миръ на всеи правдѣ своеи», т. е. на своих условиях — восточная и южная часть Дерптского епископства отошла ко Пскову.

Я не стану пересказывать то, что известно о двух великих победах святого благоверного великого князя Александра Невского, что известны как Невская битва и Ледовое побоище. Я хочу рассказать о других, не столь известных победах великого воина, государственника и дипломата, заступника и святого земли Русской. Всего через полтора десятка лет после Ледового побоища новгородцам вновь понадобилась помощь, великая воинская слава и военный гений Александра Невского.

В 1245 году Александр Невский отразил несколько набегов литвинов, напавших на Торжок и Бежецк, после чего в 1247 году Александр и Андрей Ярославичи порознь отправляются в Орду — вначале в Сарай, а затем в далекую Монголию в Каракорум. Там регентша Огуль-Гамиш, вдова великого хана Гююка, отдала Андрею великокняжеский престол во Владимире, а Александру велела княжить в Киеве. По старшинству Владимир должен был достаться Александру, а не его младшему брату. О мотивах такого решения ханши уже долгие годы ломают головы историки. По одной версии, ханше не понравились дружеские отношения Александра с ордынским ханом, по другой она вступила в связь с красавцем Андреем. Зимой 1249–1250 годов Александр и Андрей вернулись на Русь — Андрей в столицу Руси Владимир, а Александр, не пожелав ехать в разоренный татарами Киев, остался на северной Руси.

Католическая церковь продолжала осуществлять планомерную экспансию на русские земли с попытками обращения русских князей в католичество. Так, папа Иннокентий IV послал к Александру Ярославичу двух легатов — Галду и Гемонта. Согласно «Повести о житии...», лега-

ты заявили Александру: «...земля великого князя велика и богата, а имя его прославлено по всему свету, и потому папа предлагает ему, великому князю, познакомиться с учением католической церкви. А еще папа знает, что отец Александра, великий князь Ярослав, находясь в Каракоруме у великого хана, по совету одного боярина якобы дал слово ученому монаху Иоанну дель Плано Карпини принять латинскую веру и исполнил бы это обещание, если бы Господь не призвал бы его к себе внезапно в Каракоруме. По сему, если сын любит и почитает отца своего, то обязан следовать его благому примеру и послушать католического учения, а после того будет ему разумно принять веру святой Римской католической церкви, если тот хочет душевного спокойствия и мира для своих земель. В противном случае князь Александр доказал бы всему миру свое безрассудство, так как князья и их подданные на Руси найдут тишину и славу лишь под сенью Римского престола и великий князь, как верный страж истинного христианства, немедленно должен уведомить магистра Тевтонского ордена в Ливонии в случае, если татарские полчища снова направят свои стопы против его братьев — христиан Европы. Затем великий князь для иноземных купцов обязан будет построить католические храмы во Пскове и Новгороде и пригласить к себе в гости епископа Прусского. Святой престол, в свою очередь, благодарит великого князя Александра за то, что тот не пожелал подставить свою вышу жестокому игу татарскому» (из древнейшей редакции повести об Александре Невском; Государственный исторический музей (ГИМ), Синодальное собрание, № 154). Очевидно, папа Иннокентий и его легаты тогда еще не знали, что летом 1252 года Александр Невский уже ездил к хану Сартаку и получил от него ярлык на великое княжение Владимирское.

Князь Александр поблагодарил послов и отпустил их с миром, пообещав, что скоро им будет вручен ответ. Затем он призвал к себе митрополита Кирилла и долго советовался с ним. Им было о чем поразмыслить, ибо разве не Римская курия организовала в 1240–1242 годах крестовый поход против Новгорода и Пскова? И теперь, потерпев поражение в открытых боях, не хочет ли Запад не мечом, но пером добиться прежних целей? И не одно ли только коварное лицемерие скрывается за словами папы? Александру Ярославичу и владыке было известно и то, что в 1248 году папа отправил письма галицким князьям Даниилу и Васильку, предлагая им перейти в католическую веру и пообещав взамен свое покровительство и помочь в организации крестового похода европейских рыцарей против татар. Знали они и то, что ранее, еще

летом 1245 года, на собранном папой Иннокентием IV Вселенском соборе в Лионе, волынский епископ Петр Акерович, посланный черниговским князем Михаилом Всеялодовичем и галицким Даниилом Романовичем, в своей яркой речи призывал к совместному походу против татар. Собор горячо поддержал владыку и даже принял решение об организации крестового похода, но затем ни папа, ни прелаты ничего не сделали для этого, потребовав за это не много не мало признания в Галицких землях и на Черниговщине власти Римской католической церкви. Более того, ни князь Александр, ни митрополит Кирилл не могли принять условия римских легатов, так как они противоречили основному принципу русской государственности: верности православной греко-славянской вере, утвержденной семью вселенскими и девятью поместными соборами. Стало понятно, что папа просто толкал Русь на войну с Золотой Ордой, причем именно тогда, когда военные силы монголов необычайно выросли. Подлинная цель Иннокентия IV стала ясна — чужими руками сокрушить Русь, открыв ливонским рыцарям пути для захвата Новгородских и Псковских земель.

Одновременно с переговорами с Русью папская курия предприняла новое дипломатическое наступление на Русь, обязывая католических прелатов завоеванной Прибалтики оставить внутренние распри и более энергично помогать братьям-рыцарям «советом и делом» готовить очередную агрессию. На Руси было хорошо известно и то, зачем папа посыпал на восток посольство во главе с францисканским монахом Иоанном дель Плано Карпини (1245–1246 годы) — с одной стороны, стремясь привлечь монгольских ханов к союзу с папской курией, а с другой — желая склонить русских князей к принятию католической веры и покорности Римскому престолу. За первым последовало второе посольство во главе с доминиканцем Асцелином (1247), а затем и третье — от французского короля Людовика IX во главе с Вильгельмом де Рубруком (Рубруквисом) (1252). Цели их были всё те же. После совета со своими боярами и духовенством князь Александр составил грамоту с ответом папе, в которой было написано: «От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от смешания народов до Авраама, от Авраама до прохода Израиля сквозь Красное море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида царя, от начала царствования Соломона до Августа царя, от власти Августа и до Христова рождества, от рождества Христова до страдания и воскресения Господня, от воскресения же его и до восшествия на небеса, от восшествия на небеса до

царствования Константина, от начала царствования Константина до первого собора, от первого собора до седьмого — обо всем этом хорошо знаем, а от вас учение не приемлем...» (Житие Александра Невского, ГИМ, Синодальное собрание, № 154), после чего папские легаты вернулись в Рим ни с чем.

В то же время Иннокентий IV налаживал отношения с князем юго-западной Руси Даниилом Галицким. Он коварно, по-иезуитски предложил Даниилу не саму перемену веры, а некое подобие унии. Так, папа соглашался, чтобы русское духовенство совершало службу на заквашенных просфорах, по греческому обряду и в одеяниях греческого образца, а самому галицкому князю была предложена королевская корона.

Даниил не сильно возражал против слияния церквей, а тем паче против короны короля, но вначале он требовал реальной военной помощи против татар. Он писал папе: «Рать татарская не перестает: как я могу принять венец прежде, чем ты подашь мне помошь?» В 1254 году Даниил был в Кракове у князя Болеслава; туда же явились и папские послы с его короной, требуя свидания с Даниилом. Даниилу удалось избежать встречи с ними под тем предлогом, что не годится ему, князю, принимать корону на чужой земле. На следующий год послы снова явились, и опять с короной и обещанием помоши от папы. Но Даниил, не веря пустым обещаниям, не пожелал принимать корону и в этот раз. Однако его мать вместе с польскими князьями уговорили его: «Прими только венец, а мы уже будем помогать тебе в походе на поганых...» В присланных вместе с короной письмах папа проклинал тех, кто хулил православную веру, обещая созвать собор для обсуждения будущего воссоединения христианских церквей. В конце концов Даниила уговорили, и он короновался в городе Дрогичине (город вблизи Бреста, Белоруссия). Стоит ли говорить о том, что реальной военной помощи от Рима король Даниил так и не получил. Вскоре, несмотря на упреки папы Александра IV, князь Даниил прервал все сношения с папским престолом. При этом королевский титул, данный от папы, Даниил Галицкий сохранил за собой и завещал его своим потомкам.

В самом начале 1256 года объединенное войско шведов, эстляндских датчан и набранного ими ополчения из местных племен чуди, суми и еми под началом рыцаря Дитриха фон Кивеля опять вторглось в новгородские пределы и стало лагерем на реке Нарове. Одновременно с этим в устье реки Наровы из Финского залива вошел объединенный

шведско-датский флот, после чего на двух берегах Наровы началось строительство крепостей там, где позже возникли Ивангород и Нарва. Оккупанты не скрывали своих намерений: завоевать Водскую и Ижорскую земли, а при случае развить порыв и захватить Карельскую землю и пресечь выход новгородцев к Новоградскому (Финскому) заливу. Ноевые крестоносцы, пришедшие сюда со своими епископами, имели предписание самого римского папы Александра IV об искоренении православия, уничтожении православных храмов и крещении людей на вновь завоеванных землях по католическому обряду.

Новгородцы в 1256 году не имели своего князя, поэтому им пришлось опять послать на поклон гонцов во Владимир за великим князем Александром Невским. Не помня прежние обиды и предательство, великий князь Александр Ярославич сразу принял грамоту от новгородцев и, быстро собрав войска, вместе с митрополитом Кириллом и дружиной в декабре 1256 года прибыл в Новгород. После молитвы и благословения митрополита Кирилла, добавив к своей дружине новгородские войска и ополчение, по дороге пополняя свое войско ополченцами из местных селений и беженцами с Принаровья, великий князь Александр Ярославич стремительно двинулся к Нарове. Услышав об этом, рыцари, бросив недостроенный город, уплыли за море. Видимо, они еще очень хорошо помнили и Невскую битву, и Ледовое побоище и учли эти уроки. Князь Александр Ярославич приказал срыть все укрепления на Нарове и направил войско к шведской крепости Копорье, которая была взята сразу. При штурме крепости погиб давний друг Александра Невского, знаменитый богатырь Гаврила Алексич.

После этого князь огласил истинную цель этого похода. Как говорит Новгородская летопись Первого извода: «...в войске никто не знал, куда идет князь. Александр выбил шведов из Копорья, но далее двинулся не на чудь, как думало всё войско и неприятель, а на емь...», то есть не в Эстляндию, а в Центральную Финляндию. Митрополит Кирилл благословил князя и всё войско русское и затем отправился с малой дружиной и пленными. Софийская первая летопись гласит: «Въ то же лѣто по възвращенію, побѣдѣ великаго Александра Ярославича, тое же зимѣ пакы придоша отъ Западныя страны Нѣмци и Чудь на Водь. И повоеваша все, и дань на них възложиша, и срубиша городъ въ Копорії въ отечествѣ великаго князя Александра Ярославича... Того же лѣта поиде князь Олександъ на Нѣмцы, на городъ Копорье, съ Новгородци и взя городъ, а Нѣмцы приведе въ Новгородъ».

Как уже говорилось выше, папство и благословляемое им рыцарство на востоке Европы совмещало лукавое и сладкое убеждение с жестоким принуждением. В 1249 году шведский король Эрик, как записала однотипная хроника, созвал «и рыцарей, и тех, кто близки к рыцарскому званию, а также крестьян и вооруженных слуг» (то есть объявил тотальную мобилизацию для похода на тавастов (емь). Тавастландия, то есть земля еми (земля тавастов — Тавастландия, южная Финляндия), была легко завоевана Швецией уже в 1249–1250 годах войском, что возглавил приближенный шведского короля Эрика Леспе, ярл Биргер фон Фолькетинг (тот самый ярл Биргер, которому Александр Невский «въложи печать на лице оstryмъ своимъ копиемъ» в легендарной Невской битве 1240 года, что зафиксировано в Житии князя). Тогда несколько десятков шведских кораблей пересекли Ботнический залив и высадили в Финляндии большое войско. Естественно, тавасты не могли и не стали в открытом бою противостоять численно превосходящему, лучше вооруженному и лучше обученному шведскому войску.

Шведы учинили кровавую бойню. Вот что писал ярл Биргер новому королю Швеции Вольдемару: «Всякому, кто подчинился и принял новое крещение, мы оставили жизнь и добро, позволив жить мирно, а тех язычников, которые этого не хотели, предали смерти… мною поставлена там крепость, в ней поставлены свои ратные люди, и нарекли эту крепость именем Тавастборг — беда от нее язычникам! А ту сторону, которая была нами вся крещена, русский князь, как я думаю, потерял навеки», — фиксирует «Хроника Эрика». Сильная, с мощными стенами из гранитных глыб крепость Тавастборг (другое название Тавастгус, ныне город Хямеэнлинна, Финляндия) воздвигнута на крутом и высоком скалистом неприступном холме. Отметим, что «Хроника Эрика» признает: во-первых, тавасты до шведского вторжения были русскими, точнее, подданными Господина Великого Новгорода; а во-вторых, русские не пытались силой навязывать тавастам (еми) православие, и они в подавляющем своем большинстве так и оставались язычниками.

Вслед за тавастами шведам удалось покорить племена сумь, жившие на юго-западе Финляндии. Коренное население Нюландии и Тавастландии шведы обложили тяжелой данью, и емчане через новгородцев многократно приглашали князя Александра Невского прийти и освободить их. Таким образом, князь Александр Ярославич имел основание надеяться на то, что восстание еми против шведского владычества поможет ему вернуть южную Финляндию под власть Новгорода.

Зимний путь войска великого князя Александра Ярославича на север пролегал через льды и торосы, дул пронизывающий ветер. Многие дружинные воины двигались на добрых новгородских лыжах, а путь во льдах торосов прокладывал целый отряд шестников из ополченцев-лесорубов. Об этом походе новгородский летописец писал: «И быть путь зол, якоже не видали ни дня, ни нощи, и проиша горы непроходимые, и повоева Поморье все». «Горами» летописец называет громадные снежные торосы на заливе, что вызывали у новгородцев благоговейное изумление и пройти которые было непросто. Тем большая радость и вера в небесное покровительство были у русских воинов после их преодоления. Несмотря ни на что, русские воины наголову разбили шведов (шведы никак не ожидали увидеть в этих землях и в это время русских). Все возведенные укрепления были взяты с наскока, после чего срыты до основания, Тавастландия была освобождена от шведских рыцарей, шведский оплот у русских рубежей был разорен и уничтожен, а войско русское вернулось в Новгород без потерь, с пленными и с богатой добычей. Этот поход Александра Невского на долгие годы отбил у шведов охоту совершать набеги на Новгородские земли: «И славен же быть приход его страхом и грозою на долгие годы для свеев и немцев», — завершает свой рассказ летописец.

То, как прозвучали итоги этого похода князя Александра Невского на Западе, лучше всего было написано в булле папы римского от 1256 года: «Из писем дражайшего во Христе сына нашего Вальдемара, прославленного короля Швеции, стало известно неприятнейшее для нашего слуха и души сообщение о тягчайших и жестоких нападениях, которые очень часто переносят верноподданные этого королевства от врагов Христа, называемых обыкновенно карелами, и от язычников других близлежащих областей. Действительно, среди всех прочих опасностей, которые причинили названному государству многие коварства и жестокости от этого племени, особенно в этом году, когда оно, неистово вторгнувшись в некоторые части данного государства, свирепо убило многих из его верноподданных, пролило множество крови, а многое усадеб и земель предало огню».

В 1262 году князь Ярослав Ярославич (братья Александра Невского) и его сын Дмитрий Ярославич решили пойти дальше и собрались вернуть «свою отчину город Юрьев» (Дерпт, ныне Тарту, Эстония). Они заключили союз с литовским князем Миндовгом и жмудским князем Тройнатом. Однако ливонцев спасла несогласованность действий рус-

ских и их союзников — князь Миндовг осадил центр Ливонского ордена и резиденцию его магистров крепость Венден (Кесь, ныне город Цесис, Латвия), но не дождавшись русских войск снял осаду, удовлетворившись лишь опустошением окрестных земель. После ухода литвинов туда явились русские полки и, не найдя там своих союзников, пошли и осадили город Юрьев. Немцы к этому времени сильно укрепили город. Новгородская летопись записала: «Был город Юрьев тверд, в три стены, и множество людей в нем всяких, и оборону себе пристроили на городе крепкую».

Русские взяли приступом посад, разграбили его и сожгли, захватили много пленных, но крепость взять не смогли и ушли назад. Ливонский же хронист утверждает, что русские ушли от Юрьева, узнав о приближении магистра Вергера фон Брейтгаузена, что магистр, преследуя русских, вторгся в их владения, опустошил их, но заболел и вынужден был возвратиться.

Это были последние при жизни Александра Невского боевые действия русичей на северных землях Русских. 14 ноября 1263 года князь Александр Ярославич по пути из Орды во Владимир, почувствовав себя плохо в Феодоровском монастыре города Городец-на-Волге, принял великую схиму с именем Алексий и почил. Тело было доставлено в тогдашнюю столицу Руси город Владимир. Митрополит Кирилл над его гробом сказал: «Дети мои милые! Знайте, что зашло солнце земли Русской», — и все люди на площади закричали в ответ: «Уже погибаем, владыка!» 23 ноября великий князь Александр Ярославич, прозванный русским народом Невский, был погребен во владимирском монастыре во имя Рождества Пресвятой Богородицы.

После смерти Александра его четыре сына длительное время правили северной Русью, хотя и сражались друг с другом. Младший его сын, Даниил, в 1277 году стал первым московским удельным князем (до этого Москва была столь мелким городком, что не имела своего князя). Внук Александра Невского, Иван Данилович Калита, стал «собирателем русских земель» вокруг Москвы.

Особо понадобилась поддержка прапрадеда Александра внуку Калите, московскому князю Димитрию Донскому накануне Куликовской битвы. И как известно, чудо всегда происходит тогда, когда люди нуждаются в нем: в одну прекрасную ночь в 1380 году иноку владимирского Богородицкого монастыря привиделся князь Александр Ярославич, после чего монахи монастыря вскрыли его могилу и им были явлены

нетленные мощи великого князя Александра Невского. Мощи были положены в раке поверх земли.

Согласно спискам Никоновской и Воскресенской летописей XVI века, во время пожара во Владимире 23 мая 1491 года рака с телом схимонаха Алексия была чудесным образом сохранена от огня, при этом многим людям было явлено чудесное небесное видение — князь Александр на коне поднимался вверх. По многочисленным свидетельствам о чудесах, явленных у раки с телом Александра Невского, и по молитвам к великому князю уже при митрополите Макарии на Московском соборе 1547 года великий князь Александр Ярославич был прославлен в лице святого чудотворца схимонаха Алексия. Это был год венчания на русское царство Ивана IV Васильевича, позже получившего прозвание Грозный, которого Господь сподобил воевать с теми же врагами, что побеждал его славный предок Александр: шведами, германцами и ливонцами.

Далее случилось совсем необычное для православия — по указу государя императора Петра Алексеевича великий князь Александр Невский был перепрославлен в новом лице — в лице святого благоверного великого князя Александра Невского, после чего его честные мощи были перенесены в новую столицу Великой Руси, теперь уже столицу Российской империи Санкт-Петербург, в специально построенный для содержания мощей первый каменный храм новой столицы империи — Благовещенскую церковь Невского монастыря (Свято-Троицкой Александро-Невской лавры).

Да и в дальнейшем мы легко можем заметить, что русский народ с особенными чувствами и молитвами вспоминал Александра Невского каждый раз в преддверии войн со шведами или немцами — в начале XVIII века в ходе Северной войны, перед Первой мировой войной и в конце 30-х годов XX века — при обострении отношений с гитлеровской Германией. Как оказалось, личность великого князя Александра Ярославича, святого благоверного великого князя Александра Невского всегда была более чем современна, а его слова и деяния более чем актуальны. Недаром имя великого князя Александра Невского во всероссийском опросе, проведенном в 2008 году, стало «Именем России».

На протяжении нескольких веков мы можем слышать от прозападных либеральных историков про так называемые проордынские и антирусские симпатии Александра Невского. Безусловно, вопросы истории всегда крайне спорны, но история не имеет сослагательного наклонения.

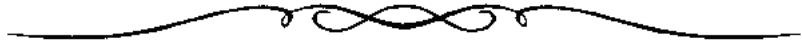
Поэтому сейчас бессмысленно гадать о том, что было бы, если великий князь Александр Невский не поехал к хану Сартаку в 1252 году, а напротив, поддержал бы своего брата Андрея и князя Даниила Галицкого в их стремлении к союзу с Римом (тем более мы все знаем про то, как были выполнены обещания, щедро данные католиками русским князьям). В то же время антизападная направленность политики Александра вполне понятна, логична и более чем оправдана. Несмотря на то, что орды Батыя и Неврюя и нанесли неисчислимый урон русскому народу, но всё же, правды ради, мы должны констатировать тот факт, что ханы Золотой Орды никогда не стремились к уничтожению Руси как таковой: им были нужны лишь верные вассалы и воины в их дружины, а еще больше деньги в казну Орды. Поэтому ордынские ханы никогда не разрушалиственные структуры русских княжеств и православную церковь, пытаясь использовать их в своих целях. В отличие от татар, рыцари-крестоносцы, по благословению понтификов Римской католической церкви, определенно преследовали иные цели. Русское государство даже в виде разобщенных удельных княжеств было им ни к чему. И требовалось им лишь рабы-славяне, чтобы те безропотно и смиренно трудились на своих европейских хозяев и регулярно вносили бы десятину римскому папе. Поражение в борьбе с крестоносцами грозило русским княжествам и всей Святой Руси полным, тотальным уничтожением и безусловной гибелью православной церкви, русской культуры, искоренению русского языка, а следовательно — и русской нации как таковой. Русь ждала в этом случае судьба Великой Моравии и славянской Пруссии, от которых «носители великих европейских ценностей, просвещения и истинной веры Христовой» не оставили и следа...

Самое удивительное, что за 100, 200, 300 и даже 800 лет в мире ничего не поменялось — перед нами те же персоналии, те же вызовы, те же ценности, те же обещания и те же угрозы... И так же, как тогда, звучат современно и актуально слова великого нашего земляка, святого благоверного великого князя Александра Невского: «Не в силе Бог, но в правде!»

Литература

- Аракчеев В.А. Александр Невский и военно-политическая стратегия России в XIII–XXI веках. Спорные проблемы истории Ледового побоища 1242 года. Псков, 2012.
- Бунин А. О месте битвы русских с немцами, бывшей 5 апреля 1242 года на льду Чудского озера // Труды Археологического съезда в Риге. М., 1899. Т. 1.
- Бунге Ф.Г. Орден меченосцев: сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. II.
- Житие Александра Невского // Государственный исторический музей (ГИМ). Синодальное собрание. № 154.
- Караев Г.Н. Ледовое побоище и его трактовка на основе работ экспедиции // Ледовое побоище 1242 года. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.; Л., 1966.
- Кирпичников А.Н. Две великих битвы Александра Невского. Александр Невский и история России. Новгород, 1996.
- Кучкин В.А. Александр Невский. Отечественная история. М., 1995.
- Лаврентьевская летопись. Российская национальная библиотека (РНБ). Ф. IV. 2. Ледовое побоище 1242 года. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.; Л., 1966.
- Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью (с приложением извлечений из монографии Б.М. Клосса «Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков») // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 13.
- Назарова Е.Л. Псков и Ливония в XIII веке // Псковская губерния online (публикация 14.03.2002) [Электронный ресурс: https://gubernia.media/number_84/8.php].
- Назарова Е.Л. Крестовый поход на Русь 1240 года. Организация и планы. Б. м., 1999.
- Новгородская летопись Первого извода // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 4.
- Патриаршая, или Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2004. Т. 12.
- Пашутко В.Т. Рифмованная хроника как источник по русской истории. Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963.
- Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1. Вып. 2. Стлб. 470.
- Потресов А.С., Шолохова Е.В. Древние водные пути новгородцев // Ледовое побоище. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.; Л., 1966.
- Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1.
- Псковские летописи. М.; Л., 1955. Вып. 2.

-
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. СПб., 1851–1879.
- Софийская вторая летопись / подгот. текста С.Н. Кистерева, Л.А. Тимошиной; предисл. Б.М. Клосса // Полное собрание русских летописей. М., 2001. Т. 6. Вып. 2.
- Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. М., 1997. Т. 1. Вып. 2.
- Тихомиров М.Н.* Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII–XV веках. М., 1941.
- Хорошевич А.Л.* Россия и Московия. Из истории политико-географической терминологии // Acta Baltico-slavica. 1976. Т. X. С. 47–57.
- Хроника Эрика. М., 1999.
- Хрусталев Д.Г.* Русь и Ливония: Русско-ливонские войны 1240–1242 годов // Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в восточной Прибалтике XII–XIII веков. СПб., 2009.
- Чешихин Е.В.* История Ливонии с древнейших времен. Рига, 1884–1885. Т. 1.
- Четыркин Ф.В.* Минувшие судьбы Петербургского края. По поводу 200-летия С.-Петербурга. Церковно-исторический очерк. СПб., 1903.
- Шенк Ф.Б.* Александр Невский в русской культурной памяти. Святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007.

Игорь Каракецов

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПИРОГОВСКОГО ОТДЕЛА К 100-летию музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»

Вот вам толстовские реки, толстовские берега,
толстовские саженцы, толстовские родники,
толстовский песок и толстовские камешки.

Борис Евсеев

Разбирая вырезки из старых газет в научной библиотеке музея-усадьбы «Ясная Поляна», я нашел очерк В. Ковалевой «Это наша с тобою земля», опубликованный 15 сентября 1989 года в газете «Знамя коммунизма»¹. Она пишет: «Не счесть дорог и троп, порой почти забытых, к памятным местам и творениям народным. В Щекинском районе таким памятным местом является село Пирогово, центральная усадьба колхоза имени Урицкого. Старожилы его хранят немало историй, связанных с приездом в Пирогово великих русских писателей Л.Н. Толстого и И.С. Тургенева». Рассказав о трудностях, с которыми сталкиваются сельские труженики в тяжелое перестроенное время, Ковалева закончила статью своего рода напутствием: «Надо как можно бережней отнести к старинному селу, которое должно стать заповедным, а может, даже одним из филиалов музея-усадьбы «Ясная Поляна». Ее слова оказались пророческими: в 2008 году был образован Пироговский отдел во главе с заведующим Геннадием Леонидовичем Опариным. А мне в это время посчастливилось работать там научным сотрудником, что определило направление всей моей научной деятельности на многие годы вперед. Мы расположились в восстановленном доме Марии Николаевны Толстой (1830–1912), сестры писателя, последними владельцами которого до печальных событий 1917 года была семья ее внука Николая Леонидовича Оболенского (1872–1934). Уже тогда я задавался вопросом: а что происходило здесь в 1990–2000 годах, до того как усадьба стала филиалом музея?

Рубеж 1980–1990-х годов для жителей села был переломным. На базе распущенного колхоза имени Урицкого образовалась ассоциация «Пироговская», куда вошло 45 фермерских хозяйств. У сельчан началась

---

¹ В 1990 году газета зарегистрирована с названием «Щекинский вестник».

новая жизнь, открылись новые перспективы, появилось новое видение себя и своей малой родины. В периодической печати неоднократно звучало желание пироговцев возродить имение, создать в доме Толстых — Оболенских филиал музея и сделать село привлекательным для туристов. В это время в доме жили учителя Пироговской средней школы и называли его, соответственно, учительским. В феврале 1991 года местные фермеры разослали в различные общественные организации письма с предложением «принять участие в возрождении памятных мест, связанных с именем писателя». В том числе и его потомкам, проживающим в Советском Союзе и за рубежом². Летом родственники Толстого приехали на 70-летний юбилей музея-усадьбы «Ясная Поляна» и впервые «после длительного перерыва» посетили Пирогово. Внук писателя Сергей Михайлович Толстой (1911–1996) с женой Колетт из Франции³ и правнук — Петр Петрович Толстой (р. 1935) с дочерью Татьяной из Швеции⁴ гуляли по старому Пироговскому парку, в котором, по свидетельству старожилов, три дерева еще помнили жизнь обитателей дома и приезды Л.Н. Толстого. Они пили воду из родника, за чаем в пироговской школе «вели предметный разговор о возможности возрождения Пирогова, о помохи местным фермерам»⁵. Сельчан особенно тревожили проблемы, связанные с созданием Верхне-Упинского водохранилища, после постройки которого вода затопила бы 408 га лугов и, по слухам, должна была подойти к их фермам и дому Оболенских (точной отметки воды никто не знал)⁶. Ввод в действие водохранилища емкостью 100 млн куб. м (крупнейшего из строящихся тогда в Центральной России) планировался в 1992 году⁷. К счастью, этот проект так и не был доведен до конца.

Побывавший в Пирогове зимой 1998–1999 года корреспондент «Щекинского вестника» отметил, что «мысль о восстановлении старин-

---

² См.: Возродим Пирогово? // Щекинский вестник. 26.02.1991.

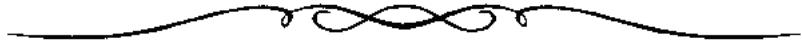
³ С.М. Толстой, врач, президент общества друзей Льва Толстого во Франции — сын Михаила Львовича Толстого (1879–1944), владельца сельца Чифировка, в 8 км от Пирогова.

⁴ П.П. Толстой, агроном, вице-председатель Союза сельхозработников, эксперт ЮНЕСКО — сын Петра Львовича Толстого (1905–1970) и внук Льва Львовича Толстого (1869–1945).

⁵ Ковалева В. Лето в Пирогове // Щекинский вестник. 14.06.1991.

⁶ Ковалева В. Это наша с тобою земля // Знамя коммунизма. 15.09.1989.

⁷ Постановление Совета министров РСФСР от 17 декабря 1987 г. № 495.

ного дома в деревне Малое Пирогово, называемого местными жителями домом Оболенских, прочно овладела умами сотрудников музея-усадьбы «Ясная Поляна»... Заместитель директора... А.Г. Заикин и заведующая отделом мемориации и музеефикации... Н.А Никитина с большим энтузиазмом взялись за реализацию замечательной идеи — не только восстановить дом в его первозданном виде... но и постепенно возродить здесь очаг усадебной жизни с натуральным хозяйством. Наличие по соседству фермеров вполне могло бы способствовать воссозданию задуманного: здесь можно разводить лошадей, овец, открыть гончарное дело и т. д. Удаленность от цивилизации не нанесла вреда природному ландшафту, он хорошо сохранился... 1998 год можно считать первым шагом на пути к возрождению дворянской усадьбы второй половины XIX века. В городском комитете по образованию поддержали яснополянцев и передали дом на баланс музея-усадьбы... В доме разобраны печи, поставленные в 30-е годы. За ними обнажились «родные, графские» печи интересной конструкции, без колосников, напоминающие яснополянские. Нынешней зимой они вновь заработали. Школьный сторож отапливает здание, и оно уже отчасти принимает жилой вид»⁸.

На самом деле об открытии в доме музея изначально речь не шла, но само здание надлежало спасти. По мысли Владимира Ильича Толстого, директора «Ясной Поляны», в нем «мог бы быть дом творчества писателей и художников»⁹.

С началом работ по восстановлению дома и благоустройству прилегающей территории в усадьбе стали проводить различные культурные мероприятия. Еще осенью 1996 года впервые состоялись Международные Яснополянские писательские встречи, приуроченные ко дню рождения Л.Н. Толстого — 9 сентября (по новому стилю). С тех пор стали традиционными организованные выезды участников встреч в места, связанные с Толстыми. На черно-белых фотографиях 1999 года можно увидеть в Пирогове Бориса Евсеева, Вячеслава Дегтева, Ларису Пастух¹⁰, сажающих сосновую аллею Владимира Березина¹¹, Петро де ла Пенья (Испания), Розу Бельтран (Мексика), Мануэля Кирога Клериго

---

⁸ Дом в Пирогове // Щекинский вестник. 13.02.1999.

⁹ Шавырин В. «Ясная Поляна»: двадцать первый век, далее везде... // Мир и музей. 2000. Вып. 5. С. 84.

¹⁰ Яснополянские писательские встречи: 1999. Тула, 2001. С. 43, 141.

¹¹ Музей-заповедник «Ясная Поляна» (МЗЯП). КП-3142/125.

(Испания), Антонио Порпетта (Испания)¹². Об этой первой поездке писателей в Пирогово вспоминает Валентин Курбатов в небольшом эссе «Встреча». Его сосна тоже растет на усадебном склоне. К сожалению, этой весной Валентина Яковлевича не стало, я так и не успел у него спросить, какое из деревьев он посадил. Хотя писатель часто приезжал в Ясную Поляну, виделся я с ним и в Пушкинском Заповеднике, куда почти каждый год езжу на февральские конференции. И в память о Валентине Яковлевиче хочется привести несколько строк из его наброска: «Кажется, впервые мы были в Пирогове лет пятнадцать назад. Во всяком случае, мы там на фотографии сборника Яснополянских писательских встреч за 1999 год. День был еще вполне летний, и мы даже поплавали с Владимиром Ильичом в Упе, такой узкой, что если переплыть, то вдоль. А потом сажали аллею сосен. Петро де ла Пенья и Роза Бельтран, Володя Личутин и Борис Екимов, мы со Славой Дегтевым, Петр Краснов с Верой Галактионовой. Сосны были детьми и все одного роста. А вот выросли и, как у людей бывает, все вышли разные. Наша со Славой высока и редковата, а у Володи Личутина — приземистей, да зато вся вширь и вся в своеолие. Посадили на спуске к Упе, и, видно, всем по-разному выпало воды и солнца, да и простор — расти не хочу, не в лесу — вот и вышли всякая на особицу. Зато вот теперь чувствуешь Малое Пирогово как будто родным...»¹³

В 2000 году один день Международного съезда семьи Толстых также прошел в Пирогове. В фондах музея-усадьбы «Ясная Поляна» хранятся две фотографии Павла Кривцова, сделанные 18 августа возле дома Оболенских, под названием «Пикник»¹⁴ и «Русские забавы»¹⁵. На других его фотографиях потомки писателя пьют воду из родника¹⁶, водят хоровод на пологом участке спуска к реке¹⁷.

В 2001 году была утверждена Программа развития музея-усадьбы «Ясная Поляна» на 2002–2005 годы. По идее ее авторов «усадьбы-филиалы могли бы стать, что называется, «подворьями» музея-заповедника, осуществляющими функцию культурно-информационных

---

¹² Яснополянские писательские встречи: 1999. С. 147.

¹³ Курбатов В.Я. Встреча // Пироговские имения графов Толстых XVIII–XXI веков. Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», 2014. С. 205.

¹⁴ МЗЯП. КП-3142/76.

¹⁵ МЗЯП. КП-3142/77.

¹⁶ МЗЯП. КП-3142/118, КП-3142/172.

¹⁷ МЗЯП. КП-3142/144, КП-3142/205.

центров и гостиничных комплексов различного класса одновременно, на базе которых можно реализовывать образовательные, просветительские, научно-исследовательские и туристические задачи. Такие «подворья» дополнят сеть музейной инфраструктуры по всему пути следования туристов, выбравших многодневные туры по Тульскому региону с охватом соседних областей»¹⁸ и путешествующих по трассе Москва — Симферополь, вдоль которой так удобно расположились Ясная Поляна и ее филиалы: Малое Пирогово, Покровское, Никольское-Вяземское.

В частности, в программе отмечалось, что верховья Упы (от села Верхоупье до ареала Пирогова) с приречной, почти непрерывной полосой сел и деревень имеют значение в туристическом плане как начало пешего и водного пути вдоль основной реки южной и центральной части Тульской области¹⁹. В проекте зон охраны музея-заповедника особенно подчеркивалось, что «для перспективного освоения бывших усадеб «Большое и Малое Пирогово» и окружающего их района большое значение имеет наличие исторически сложившихся внешних связей. Наиболее характерными являются мемориальные трассы, соединяющие усадьбы с деревнями Ржава, Сорочинка, Царево, Змеево, Скородумово, Зубаревка. На этих трассах, проходящих по пересеченной местности, имеется большое количество точек... панорамного раскрытия, существует возможность дальнего обзора местности с явно видимым горизонтом»²⁰. По словам Н.И. Безрукой, «сохранность ландшафтных видовых связей пироговских усадеб является важным условием для воссоздания их исторического облика. Ландшафтная среда — это важнейшее звено планировочной системы имений помещиков Толстых. Усадебные дома, как правило, непрятательные и лишены архитектурных излишеств. Главным критерием усадебного строительства Толстых было удобство, а также рациональный и грамотный подход к планировке. Вокруг господских домов непременно располагались обширные садово-

---

¹⁸ Программа развития Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» на 2002–2005 годы по реализации федеральной целевой программы «Культура России. 2001–2005». Москва, 2001. С. 25.

¹⁹ Там же. С. 8.

²⁰ Проект зон охраны Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», пос. Крапивна, бывшие усадьбы Большое и Малое Пирогово, Никольское-Вяземское: научно-проектная документация. Т. 2. Кн. 1. С. 24–25.

парковые зоны и лесопосадки; всегда развита и добротно обустроена хозяйственная часть усадьбы»²¹. Вот почему так важно сохранить не только кусочек небольшой усадебной территории²², но, по возможности, и окружающую дом Толстых — Оболенских подлинную историческую среду, развивать здесь познавательную экскурсионно-туристическую деятельность. Варианты подобных экскурсионных маршрутов: Ясная Поляна — Пирогово — Богородицк (вдоль Упы и ее правого притока Уперты) и Пирогово — Змеево — Царево (по верхнему течению Упы) предложены мной в публикациях «Дорогами Л.Н. Толстого: Богородицк — Пирогово»²³ и «Змеилась речка в тишине, плетя витки излучин...»²⁴

Второй этап реализации программы (2003–2004 годы) включал реставрацию дома в Пирогове. Однако в дальнейшем, по всей видимости, в силу приведенных выше причин, в нем проводились только ремонтно-восстановительные работы.

Из письма Л.Н. Толстого известно, что строительство дома было завершено в 1859 году²⁵. Он вспоминал, как в молодости сам присмотрел это место для усадьбы. Семейный врач Д.П. Маковицкий в 1905 году был с Толстым в Пирогове и 3 августа²⁶ записал в своем дневнике: «Лев Николаевич купался в речке, у того места, где в нее втекает глубокий ключ; этот хороший ключ навел Льва Николаевича на мысль лет 50 тому назад выбрать это место для будущей усадьбы; вымерил аллеи и дороги и обсадил их деревьями. Через несколько лет здесь построилась Мария Николаевна»²⁷. Через год Толстой в своих воспоминаниях был более конкретен и на прямой вопрос В.Г. Черткова об этой усадьбе от-

²¹ Безрукая Н.И. По тульским окрестностям // Русские провинциальные усадьбы XVIII — начала XX века / сост. Р.В. Андреева, Л.Ф. Попова. Воронеж, 2011. С. 577.

²² Площадь музейной территории сейчас составляет 14 351 кв. м.

²³ Каракачевцев И.Е. Дорогами Л.Н. Толстого: Богородицк — Пирогово (современное состояние бывших дворянских усадеб на реке Уперте) // Мансуровские чтения. Вып. 7 / сост. И.Е. Каракачевцев. Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», 2019. С. 65–88.

²⁴ Каракачевцев И.Е. «Змеилась речка в тишине, плетя витки излучин...» // Отчий край. Из глубины веков. Краеведческий альманах, посвященный 500-летнему юбилею Тульского кремля. Вып. 3. Тула, 2020. С. 124–134.

²⁵ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 48. М., 1952. С. 21.

²⁶ Все даты по 31 января 1918 года даны по старому стилю.

²⁷ Маковицкий Д.П. У Толстого. 1904–1910: Яснополянские записки. В 5 кн. Кн. 1. М., 1979. С. 366.

ветил, «что он выбирал место для нее», когда «происходил дележ Пирогова между братом Сергеем Николаевичем и сестрой Марией Николаевной». Толстому было тогда 18 лет, а годы спустя его зять Валерьян Петрович Толстой (1813–1865) построил здесь дом²⁸.

Действительно, Пирогово купил отец писателя Николай Ильич Толстой (1794–1837) в 1837 году, а после его смерти по разделльному акту 1847 году большая часть имения с конезаводом и барским домом перешла С.Н. Толстому (1826–1904), позже его усадьбу стали называть Большое Пирогово, а меньшую часть с водяной мельницей получила М.Н. Толстая. В ноябре она вышла замуж за своего троюродного брата В.П. Толстого. После свадьбы супруги поселились в сельце Покровском Чернского уезда Тульской губернии.

Однако в июне 1857 года Мария Николаевна оставила мужа, уличив его в измене, и с тремя детьми переехала из Покровского в Пирогово. Ее младшая дочь Елизавета, в замужестве Оболенская (1852–1935), вспоминала, что их дом еще не был готов, и пока он строился, они жили в Большом Пирогове у Сергея Николаевича или в Ясной Поляне у Льва Николаевича²⁹. Толстой отмечал, что после разрыва с женой поступки Валерьяна Петровича «в отношении ее всегда были вполне благородны», он давал деньги на содержание детей³⁰. Вполне возможно, что дом в Малом Пирогове строился, в том числе, на его средства. И началось это строительство еще до расставания с семьей, ведь известно, с каким энтузиазмом он обустраивал свое Покровское.

В июне 1858 года Марию Николаевну в Пирогове навестил Тургенев. Их встреча произошла в усадьбе С.Н. Толстого. В длинном письме к Полине Виардо от 25 июня Тургенев рассказывает об этом визите и называет три дня, проведенные в обществе двух братьев³¹ и сестры Толстых, очень приятными³². Весной 1859 года в Большом Пирого-

---

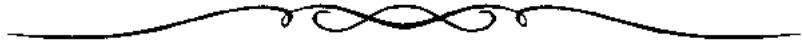
²⁸ Маковицкий Д.П. У Толстого. 1904–1910: Яснополянские записки. Кн. 2. М., 1979. С. 200–201.

²⁹ Оболенская-Толстая Е.В. Моя мать и Лев Николаевич // Октябрь. 1928. Кн. 9–10. С. 209.

³⁰ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 61. М., 1953. С. 36–39.

³¹ Речь идет о Николае Николаевиче (1823–1860) и Сергее Николаевиче Толстых.

³² Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Письма. В 18 т. Письма. Т. 3. М., 1987. С. 396–397. В комментариях к письму делается ошибочное предположение, что Тургенев приезжал в Покровское.

ве два дня гостил А.А. Фет. В воспоминаниях он пишет о прогулках с М.Н. Толстой в обширном Пироговском парке с широко расчищенными дорожками³³.

К сожалению, дом С.Н. Толстого, где останавливались Тургенев и Фет, до наших дней не сохранился. Крестьяне разорили его и сожгли в октябре 1917 года. Но и сейчас в Большом Пирогове остались следы роскошного усадебного парка и полуразрушенное здание церкви Рождества Пресвятой Богородицы, прихожанами которой были Толстые и Оболенские.

2 июня 1897 года Н.Л. Оболенский женился на Марии Львовне Толстой (1871–1906). Проведя лето в Овсянникове Тульского уезда и почти год в Покровском, где жила мать Оболенского, его братья и сестры³⁴, молодожены покупают у М.Н. Толстой пироговский дом с небольшим участком земли в 35 десятин. И в начале 1899 года переезжают в свой «хутор», как все вокруг называли усадьбу. Навещая в Пирогове dochь и ее мужа, своего крестника, Л.Н. Толстой останавливался и работал в большой комнате на втором этаже, окна которой выходят на Упу и втекающий в нее родник. Он-то и навел писателя на мысль построить здесь усадьбу. В этой комнате Толстой занимался драмой «Живой труп», статьями «Рабство нашего времени», «Патриотизм и правительство», «Одумайтесь!», «Единое на потребу», «Конец века». В письмах к дочери он признавался, что рад «пожить над ключом»³⁵, «хотя бы побывать» для нее и «для уединения»³⁶, здесь ему было хорошо.

Последний раз Толстой гостил в Пирогове 7–10 августа 1906 года. Как уже отмечала Т.Н. Архангельская, в конце текста одного из вариантов статьи «О значении русской революции», над которой он работал у Марии Львовны, стоит авторская дата «9 авг. 1906 г. Пирогово. Л.Т.». Вероятно, в эти дни Чертков сделал фотографии дома Оболенских, окрестностей Пирогова и Л.Н. Толстого с вдовой его брата Марией Михайловной Толстой, урожденной Шишкойной (1833–1918)³⁷. Вряд

---

³³ Фет А.А. Воспоминания. М., 1983. С. 365–367.

³⁴ После смерти В.П. Толстого Покровское перешло его дочери Е.В. Оболенской.

³⁵ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 72. М. ; Л., 1933. С. 525.

³⁶ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 75. М., 1956. С. 253.

³⁷ Толстой в жизни: альбом. В 2 т. Тула, 1988. Т. 1. Л.Н. Толстой в фотографиях С.А. Толстой и В.Г. Черткова. С. 200–201.

ли писатель приезжал сюда после смерти Марии Львовны от крупозного воспаления легких 27 ноября 1906 года³⁸.

23 января 1909 года Оболенский женился на Наталье Михайловне Сухотиной (1882–1925)³⁹. В Малом Пирогове у них родилось четверо детей: Сергей (1909–1992), Мария (1911–1925), Дмитрий (1914–1984)⁴⁰ и Елена (1916–1996)⁴¹. Однако жили в усадьбе они недолго. 19 октября 1917 года Оболенские с прислугой бежали в Ясную Поляну, опасаясь погромов, которые прокатились по югу Крапивенского уезда. Осенью 1925 года уехали за границу, и сейчас их потомки по линии дочери Елены, в замужестве д'Идевалль (d'Ydewalle), живут в Бельгии.

Когда 10 июня 1921 года по Декрету ВЦИК усадьба Л.Н. Толстого Ясная Поляна была национализирована и стала музеем⁴², дом Оболенских в Пирогове представлял собой жалкое зрелице. Согласно архивным документам, в нем были выломаны полы, окна, двери, большинство хозяйственных построек было разрушено⁴³. Правда, вскоре здание отремонтировали и в доме открыли начальную школу⁴⁴; по рассказам местных жителей, была здесь контора колхоза. Во время недолгой оккупации в доме квартировал немецкий офицер⁴⁵, а сохранившиеся до наших дней остатки окопов напоминают, что через Пирогово проходил передний край Тульского укрепрайона № 160⁴⁶. Но большую часть времени,

³⁸ См.: Архангельская Т.Н. Л.Н. Толстой в Пирогове // Л.Н. Толстой в Тульском крае. Тула, 1978. С. 159, 161.

³⁹ Падчерица Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой (1864–1950), старшей дочери писателя.

⁴⁰ См. о нем: Демин Л. Туляк из Бандунга // Коммунар. 26.09.1981; Игнатьев О.К. Путешествие на «Каллисто». М., 1988. Гл. 4.

⁴¹ В семейном архиве потомков Н.Л. Оболенского сохранилось несколько фотографий его детей в Пирогове и в эмиграции (предоставлены сотрудником музея А.Е. Муляром).

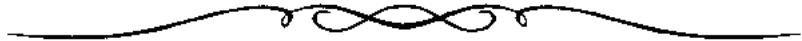
⁴² См.: Постановление Президиума ВЦИК о национализации усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» от 13 июня 1921 года // Декреты Советской власти. В 18 т. М., 1957–2009. Т. 16. М., 2004. С. 70–73.

⁴³ Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 109. Л. 3–4 об.

⁴⁴ ГАТО. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 140.

⁴⁵ Рассказывала учительница и директор Пироговской школы Елена Николаевна Наумова.

⁴⁶ См.: Схема системы огня и организация опорных пунктов наличными

вплоть до 1995 года, в доме жили местные учителя, которые как могли приспосабливали бывшее дворянское гнездо под собственные нужды, превратив его в обычную коммуналку. После того как помещения дома силами музейных работников были приведены в порядок, здесь появился первый постоянный сотрудник филиала Андрей Владимирович Титов (1964–2012). С 1999 по 2008 год он исполнял в усадьбе обязанности сторожа, истопника, зеленого рабочего и отчасти научного сотрудника, записывая рассказы местных жителей о Пирогове и его обитателях, в основном легенды⁴⁷. Например, о шашке Оболенского, изготовленной в Златоусте в 1913 году и найденной в марте 1989 года в обвалившейся стене кучерской. О строительных лесах вокруг церкви, по которым телеги с кирпичом поднимались к самому куполу⁴⁸. О режиссере Сергее Бондарчуке, который жил в доме Оболенских, когда снимал пироговскую церковь в фильме «Судьба», а после приезжал сюда поохотиться⁴⁹. Видимо, речь шла о фильме «Судьба человека». 11 июля 2015 года я беседовал с вдовой режиссера И.К. Скобцевой, и она подтвердила, что «это выдумка, таких выдумок много».

В 2008 году был сформирован штат и утверждено Положение о Пироговском отделе, в котором прописаны основные направления его деятельности:

- 1) создание на базе отдела международной творческой дачи для работы и отдыха деятелей науки, искусства и культуры, проведение творческих конференций и встреч в условиях русской дворянской усадьбы XIX века;
- 2) создание и обеспечение условий для детского и семейного отдыха на территории отдела.

Однако со временем от идеи творческой дачи отказались, решили, что всё-таки здесь должен быть музей М.Н. Толстой и Оболенских. Этому поспособствовали и успешные архивные изыскания. В 2012 году в Российском историческом архиве был найден план усадьбы 1892 года

средствами 160 УР 1943 г. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 450. Оп. 11158. Д. 220.

⁴⁷ К сожалению, 1 декабря 2012 года после тяжелой болезни Андрей Владимирович скончался и был похоронен на кладбище села Пирогово.

⁴⁸ Рассказывал житель Пирогова Николай Николаевич Новиков.

⁴⁹ Рассказывала учительница Пироговской школы Анна Михайловна Секлетеева.

с описанием построек⁵⁰ (*см. Приложение в конце статьи*), а спустя время в Тульском архиве найдены поэтажные планы дома Оболенских 1921 года⁵¹. Кроме того, при работах по благоустройству территории обнаружены фундаменты флигеля и конюшни, построенных при Оболенских в начале XX века⁵². Таким образом, появилась возможность восстановить исторический облик имения и внутренних помещений дома.

Для возрождения усадьбы, привлечения сюда посетителей за последние годы сделано немало. В доме проведены ремонтно-восстановительные работы. Его комнаты постепенно наполняются мебелью и предметами ушедшей эпохи, в том числе принадлежавшими потомкам М.Н. Толстой (столы, стулья, фортепиано, фотографии, почтовые карточки и др.). Создается тематическая экспозиция, посвященная жизни Толстых и Оболенских в Пирогове. Для гостей усадьбы проводятся экскурсии. Для детей организуются творческие занятия. В Пирогове звучит музыка, которую любили слушать в семье Толстых. 3 июня 2016 года усадьбу впервые посетили внуки Н.Л. Оболенского — Хьюго д'Идевалль (d'Ydewalle) с женой Беатрис и Катерина ван дер Хаерт (van der Haert) с мужем Кристофером. В музее они оставили великолепное исследование их старшего брата Николаса о своих предках на французском языке. Приезжал в Пирогово и правнук С.Н. Толстого, полный тезка писателя, генерал-майор в отставке Л.Н. Толстой. К сожалению, в 2013 году он скоропостижно скончался и похоронен на кладбище города Ялты.

Рядом с домом созданы новые мемориальные объекты, которые имеют уже современную историю. В 2010 году на краю поля при въезде в усадьбу был установлен памятный камень литературному герою последней повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат». Камень привезли с родины настоящего Хаджи-Мурата дагестанского аула Хунзах. Замысел произведения родился в Пирогове, а идею памятника поддержал известный русский писатель и частый гость отдела Андрей Георгиевич Битов. В 2017 году, к его 80-летию, на усадебном склоне установлена именная

⁵⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 593. Оп. 22. Д. 1437. Л. 53 об.–54. См.: Каракаевцев И.Е. Неизвестный план строений в усадьбе М.Н. Толстой Малое Пирогово // Яспополянский сборник: 2016. Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная поляна», 2017. С. 438–453.

⁵¹ ГАТО. Ф. Р-810. Оп. 1. Д. 172.

⁵² Назначение фундаментов подтверждается письмом из ГУК ТО «Центр по охране и использованию памятников истории и культуры» № 01-22/667 от 24.07.2008 г.

скамейка А. Битова. Напротив дома 12 апреля 2019 года волонтеры и сотрудники музея-усадьбы «Ясная Поляна» посадили фруктовый сад из сливы, груши и вишневых деревьев сорта Тургеневская в память о посещении писателем этих мест.

В Пирогове проводятся праздники (например, Масленица), международные историко-литературные конкурсы, фестивали (русско-цыганской культуры, авторской песни, самодеятельных театральных коллективов и др.), организуются детские летние лагеря. Сюда приезжают на пленэры студенты и преподаватели Тульского колледжа искусств имени А.С. Даргомыжского, здесь работали известные тульские художники: В. Власов, В. Голубов, В. Захаров, Ю. Честников, Н. Воробьева. Усадьбу облюбовали для своих писательских встреч литераторы из Тулы, Москвы, Санкт-Петербурга и других городов⁵³. В 2017 году здесь проходили съемки фильма Авдотьи Смирновой «История одного назначения», декорации и костюмы теперь включены в экспозицию. И совсем свежие новости: в январе этого года два отдаленных филиала Ясной Поляны — Покровское в Чернском районе и Малое Пирогово в Щекинском (т. е. два имения Толстых — Оболенских) — объединили в один отдел — Покровское-Пирогово, его руководителем стал А.Г. Заикин. Таким образом, спустя 20 лет он опять вернулся в усадьбу, которую начинал восстанавливать.

Так, постепенно, шаг за шагом на просторах средней полосы России оживает еще одно памятное место, связанное с жизнью Л.Н. Толстого и близких ему людей. Хочется верить, что никакие экономические трудности не остановят этот процесс и в будущем пусть не всё село, а хотя бы его часть, которую местные жители называют Оболенкой, станет действительно заповедной. Как писал В. Курбатов: «В альманахе «Воскресение», выпущенном как раз в год, когда мы сажали сосны, автор статьи о Пирогове тревожился: «Сегодня эти памятные места еще можно сохранить. Сумеем ли мы это, не опоздаем ли?»⁵⁴ Теперь было несомненно ясно, что сумели и не опоздаем. И Пирогово глядит на чудный простор дальних сел, на храм за Упой, на золотые поля уверенно, живо, покойно... И Льву Николаевичу здесь по-прежнему хорошо»⁵⁵.

⁵³ См.: Котельникова А. Пироговские имения графов Толстых. Люди, встречи, события // Вестник «Ясная Поляна». 2012. Декабрь. С. 26–27.

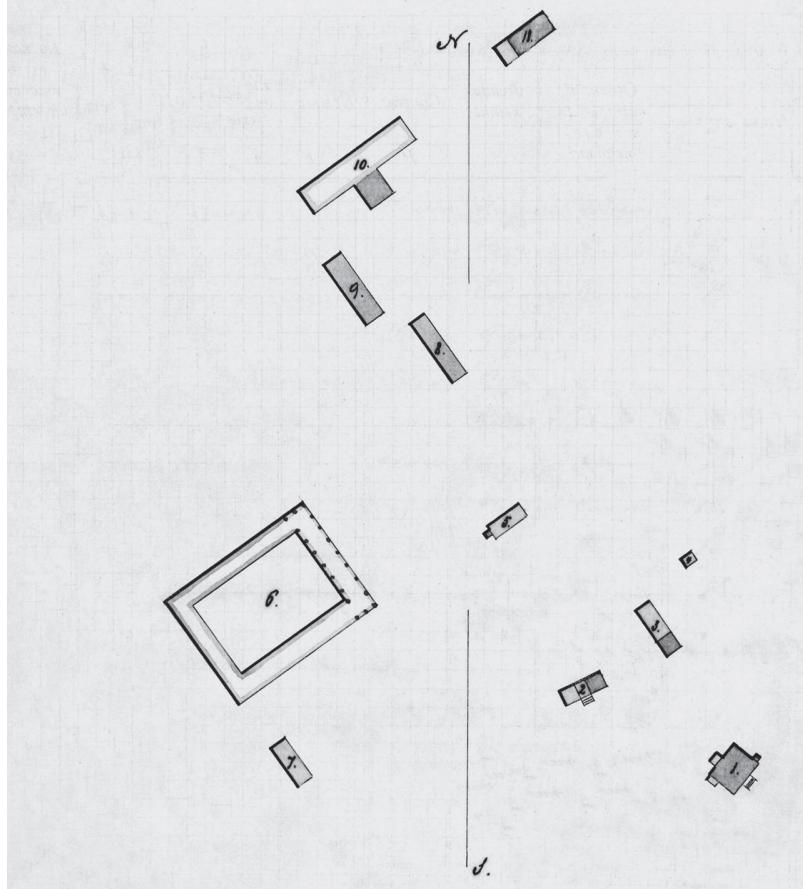
⁵⁴ Белоус А. Пирогово // Воскресение. 1998. № 3. С. 135–145. На самом деле сосны сажали в сентябре 1999 года.

⁵⁵ Курбатов В. Встреча. С. 206.

Приложение

ПЛАНИ

строений, съ обозначеніемъ (саженями) разстоянія между ними.

План строений в усадьбе М.Н. Толстой Малое Пирогово. 1892 год.

Российский государственный исторический архив.

- 1 — Господский дом. 2 — Контора. 3 — Кухня и людская. 4 — Ледник.
5 — Амбар, под ним подвал. 6 — Скотный и конный дворы. 7 — Скотные избы.
8, 9 — Кормовые сараи. 10 — Молотильный сарай. 11 — Сушилка

*Б.И. Толстой и А.В. Титов в Малом Пирогове.
2000 год. Фото А.Е. Муляра*

*А.Г. Заикин в Покровском.
2018 год. Фото А.Е. Муляра*

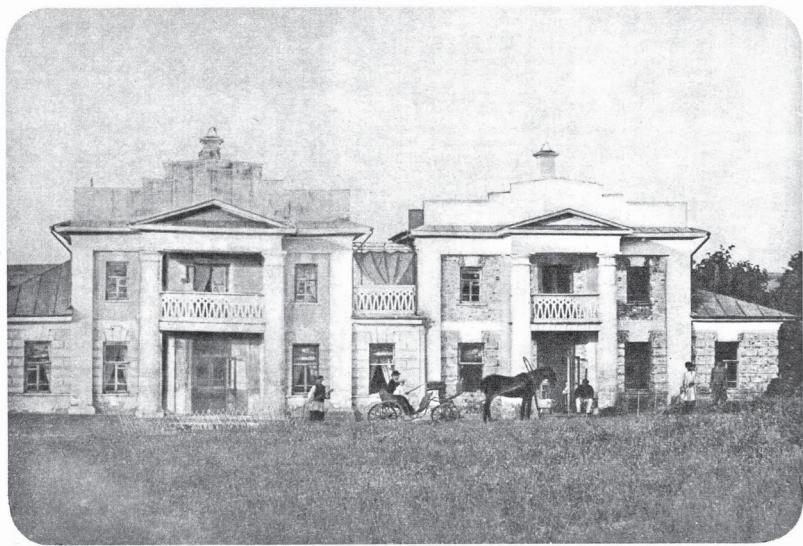
*Мемориальный дом М.Н. Толстой и Оболенских в Малом Пирогове.
2015 год. Фото автора*

Покровское. 2018 год. Фото автора

*С.Н. Толстой.
С daguerreotipa. 1855 год*

Дом С.Н. Толстого в Большом Пирогове.
Фото конца 1890-х годов

М.Л. Оболенская (Толстая)
с мужем Н.Л. Оболенским.
1897–1899 годы.
Фото С.А. Толстой

М.Н. Толстая.
Фото начала 1860-х годов

Г.Л. Опарин в Малом Пирогове.
Фото А.Е. Муляра

*Г.Л. Опарин со студентами Казанского университета в Малом Пирогове.
2016 год. Фото А.Е. Муляра*

*Потомки Л.Н. Толстого у родника в Малом Пирогове.
2000 год. Фото А.Е. Муляра*

*Посадка фруктового сада в Малом Пирогове.
2019 год. Фото А. Плякина*

*Открытие памятного камня литературному герою повести Л.Н. Толстого
«Хаджи-Мурат» в Малом Пирогове. 2010 год. Фото Ю.И. Жукова*

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В СТАНОВЛЕНИИ МУЗЕЯ. ИМЕНА В ИСТОРИИ МУЗЕЯ

Модест Петрович Мусоргский был композитором в высшей степени национальным, в полном смысле слова певцом России. Ее судьбами, ее болью и радостями наполнено творчество композитора. Музыка была для него не профессией, а жизненным предназначением. Посредством музыки он поведал нам свой взгляд на судьбу народа нашего, свой взгляд на природу человека и смысл его жизни...

Он оставил нам в наследство непревзойденные образцы оперного и симфонического искусства, шедевры вокальной классики, признан одним из величайших композиторов во всём мире. Творчество Мусоргского глубоко народно и реалистично, он служил народу всеми силами творческого гения. Его оперы «Борис Годунов» и «Хованщина» пополнили золотой фонд мировой классической музыки. Он был новатор по призванию, боец по духу и всегда оставался верен девизу: «Дерзай, вперед к новым берегам!..»

* * *

Вот выписка из метрической книги Торопецкого уезда погоста Пощивкина Одигитриевской церкви, статья № 2, от 1839 года (напечатана в журнале «Музыкальный современник» в 1917 году; сделана музыко-ведом Б.К. Каратыгиным в 1910 году в его приезд на родину Мусоргского в Псковскую губернию): «Родился 9-го, крещен 13-го марта месяца Модест. Родители его сельца Карева: отставной помещик, коллежский секретарь, Петр Алексеевич Мусоргский и законная жена его, помещика, губернского секретаря Ивана Чирикова дочь, Юлия Ивановна, оба православного исповедания».

С тех пор прошло много лет, но о композиторе Мусоргском на его родине не было информации, о нем просто забыли. Эту несправедливость решил устраниТЬ директор Жижицкой школы Алексей Иванович Качнов. Он обратился в Союз композиторов СССР, Министерство культуры с инициативой о создании музея композитора и за поддержкой в этом начинании. Фраза «Здравствуйте, я — с родины Мусоргского!» имела чудодейственную силу.

Завучу школы Сергею Терентьевичу Богданову поручили создавать экспозицию и назначили его летописцем.

Под музей отвели две классные комнаты. Стеллажи, макеты, рамки делали ученики и учителя. Строительные материалы для этого обеспечили леспромхоз и совхоз «Наумовский». Все колхозы и совхозы Кунинского района перечислили школе по 100 рублей.

29 июня 1968 года в школе торжественно открыли народный музей Модеста Петровича Мусоргского. Инициаторов создания народного музея наградили почетными грамотами, а школе присвоили имя М.П. Мусоргского.

С этим важным событием школу поздравил Союз композиторов СССР.

Выписка из протокола заседания секретариата Союза композиторов:
«Горячо приветствовать решение Кунинского РК КПСС об открытии в Жижицкой средней школе первого в СССР музея М.П. Мусоргского. Передать в дар музею магнитофон, радиолу, пианино... Заказать за счет средств Музфонда СССР для музея копию портрета кисти Репина. Обратиться в правительство с просьбой принять решение об организации в доме матери композитора (в Наумове) Всесоюзного дома-музея М.П. Мусоргского и выделении необходимых средств на реставрацию дома».

Документом, который определил будущее государственного музея, было решение исполкома районного совета от 12 декабря 1969 года «Об установлении охранных зон мемориального музея М.П. Мусоргского».

Решением от 24 марта 1970 года исполком утвердил охранные зоны музея. Это послужило началом создания единственного государственного музея великого русского композитора Модеста Петровича Мусоргского. Директором музея назначили Татьяну Семеновну Ермакову.

С 1970 года народный музей переходит в статус государственного — становится филиалом Псковского музея-заповедника. Его директором была Антонина Федоровна Васильева.

Предыдущим хозяином территории, на которой открыли музей, был Наумовский сельскохозяйственный техникум. Руководил им Александр Сергеевич Пархоменко.

При сложном положении с жильем и финансами он вывел за пределы усадьбы Чириковых 37 современных сооружений, жилые дома, магазин, столовую.

Старая барская усадьба помещиков Чириковых, принадлежавшая деду Мусоргского Ивану Ивановичу, в которой родилась мать композитора Юлия Ивановна и гостила сам Модест, неплохо сохранилась. Чудом уцелели главный господский дом с мезонином, флигель, людская, оранжерея, амбар, парк с прудами и насыпным островом. Все постройки нуждались в проведении серьезных реставрационных работ.

По проекту Московского лесоустроительного предприятия начались восстановительные работы в старинном парке. В нем сохранился 400-летний дуб. Лечили дуб-великан преподаватели и студенты Великолукского сельскохозяйственного института. Территорию парка расчистили от кустарников и поваленных деревьев, провели планировку. Восстановили подъездной круг, высадили кусты боярышника. Очистили от ила и углубили семь прудов в парке и в подъезде к усадьбе. Расчистили от камыша берег Жижицкого озера. На это ушли годы.

Первая экспозиция музея в Наумове была открыта во флигеле, в 1972 году. Оформил ее главный художник Великолукского драмтеатра Артур Валентинович Алымов.

На творчество композитора оказали могучее влияние крестьянская песня и фольклор родных мест. После открытия музея Татьяна Семеновна Ермакова организовала фольклорную группу. В нее вошли старожилы окружающих деревень. В собственных костюмах исполняли они старинные песни, которые веками передавались от матери к дочери. Эти песни в детстве слышал сам М.П. Мусоргский. Они вдохновили его на создание многих произведений. Песни бабушек были записаны на пластинку, которую выпустила фирма «Мелодия».

Истоки творчества М.П. Мусоргского — Псковская земля. Композитор писал: «Недаром в детстве мужиков любил послушивать и песенками их искушаться изволил...»

Сотрудники музея под руководством Т.С. Ермаковой ездили в экспедиции, привозили экспонаты из Москвы, Ленинграда, Пскова, Великих Лук, Торопца и из деревень Кунынского и других районов.

В 1973 году во время реставрации людской крышу накрыли дранкой и открыли экспозицию «Быт крестьянина».

В 1973 году в парке установили бюст М.П. Мусоргского работы скульптора Александра Измалкова.

По проекту архитектора Псковских реставрационных мастерских Веры Алексеевны Лебедевой, профессионала и энтузиаста, приступили к реставрации господского дома.

Дом разобрали, укрепили фундамент, заменили некоторые прогнившие бревна. Реставрация длилась пять лет, и в 1979 году, к 140-летию со дня рождения М.П. Мусоргского, открыли первую экспозицию в доме матери композитора.

Экспозицию оформила художник-архитектор из Ленинграда Татьяна Воронихина. Первая экспозиция была временной, информация размещалась в витринах, на щитах, стеллажах.

Дом, выкрашенный в желтый цвет, с белыми колоннами, балюстрадой торжественно возвышался на холме.

Первый концерт в этом доме открыл народный артист СССР Борис Штоколов.

Реставрационные работы продолжались. В здании оранжереи восстановили стеклянную крышу. В 1989 году открыли экспозицию «Зимний сад».

1989 год ЮНЕСКО объявило годом М.П. Мусоргского, весь мир отмечал 150 лет со дня рождения композитора. В музее произошли грандиозные перемены. В главном доме открыли обновленную литературно-бытовую экспозицию о жизни и творчестве композитора, представленную предметами XIX века, некоторые из них мемориальные. Над созданием новой экспозиции работали сотрудники Псковского музея-заповедника во главе с директором Александром Ивановичем Голышевым и сотрудники музея М.П. Мусоргского.

Во время открытия экспозиции в главном доме ленту разрезали Алексей Иванович Качнов и Татьяна Семеновна Ермакова.

Во флигеле открыли экспозицию «Постановки произведений Мусоргского».

На Каравском холме, на берегу живописного Жижицкого озера когда-то была усадьба помещиков Мусоргских: здесь в 1839 году родился будущий композитор, здесь он провел детство и получил ее в наследство; но дом был продан с молотка в XIX веке и увезен в неизвестном направлении, сохранился лишь флигель.

В 1981 году под руководством архитектора Веры Алексеевны Лебедевой проводились раскопки, нашли фундамент главного дома и птичку-свистульку. К юбилею фундамент дома восстановили.

На Лысой горе установили первый памятник композитору в полный рост. Постамент в виде колокола выполнен из бронзы (скульптор Виктор Хачатурович Думанян, архитектор А.В. Степанов).

В упорной борьбе с оппонентами место установки памятника было

выбрано народным артистом СССР Евгением Нестеренко, чтобы увековечить место рождения композитора.

«Как меня тянуло и тянет на эти родные поля...» — писал Мусоргский.

На родине Мусоргского торжества по случаю юбилея композитора прошли грандиозно, было много гостей из Союза композиторов СССР, артистов, музыкантов, из Англии приезжал композитор Дэвид Ллойд Джонс. Компания BBC снимала фильм о музее, о водных просторах Жижецкого озера, знакомились с народным творчеством местных жителей. В Белом зале музея состоялся концерт с участием Евгения Евгеньевича Нестеренко.

«Ничего не знаю выше музыки Мусоргского, счастлив, что пою ее», — автограф Нестеренко, подаренный музею.

С 2000 года директором музея назначили Лидию Дмитриевну Николаеву. Под ее руководством открыли новый музейный объект. На могиле Юлии Ивановны Мусоргской, матери композитора, установили надгробную плиту. Модест любил свою мать благоговейно. На погoste Пошивкино провели музеефикацию семейного склепа Чириковых, в котором похоронена Юлия Ивановна и другие родственники композитора.

Доктор биологических наук, профессор Альберт Анатольевич Козлов (Москва) профинансировал работы по восстановлению этого музейного объекта, оказывал материальную помощь в решении других проблем.

В музее в этот день состоялся незабываемый концерт. В исполнении лауреата международных конкурсов, пианиста Василия Щербакова прозвучали «Картинки с выставки» М.П. Мусоргского. Второе отделение концерта прошло с участием лауреата международных конкурсов камерного хора «Кант» (Великие Луки), прозвучали народные мелодии и церковные песнопения.

Первоначально комплектованием коллекции музейных предметов занимались сотрудники музея во главе с Татьяной Семеновной Ермаковой. Человек она инициативный, все силы отдавала созданию музея, который заменил ей семью. Командировки, работа в архивах отнимали много времени. Она активно работала с коллекционерами, благодаря этому фонды пополнялись мемориальными предметами.

В жизни музыкального музея важную роль играют праздники, фестивали. С 1975 года в музее работал народный университет музыкаль-

ной культуры. Вела эти занятия музыковед Центрального телевидения, заслуженный деятель искусств Светлана Викторовна Виноградова.

На родине Мусоргского выступали с концертной программой Ирина Архипова, Георгий Свиридов, Александр Ведерников, Святослав Рихтер, Людмила Филатова, Елена Образцова, Дмитрий Степанович, Федор Тарасов, Екатерина Мечетина и многие другие солисты, музыканты, талантливые исполнители.

Традиционным стал фестиваль русской музыки, посвященный Мусоргскому и Римскому-Корсакову. Проходит он в марте и приурочен к дню рождения композитора.

К 175-летию со дня рождения М.П. Мусоргского в Белом зале музея состоялся торжественный концерт с участием юношей хорового училища имени Александра Васильевича Свешникова в составе Академии хорового искусства имени Виктора Сергеевича Попова.

Музей проводит пленэры, театрализованные экскурсии.

В 2015 году «Псковская лента новостей» проводила конкурс «15 чудес Псковщины». От жителей Псковской области поступило более 200 предложений. По итогам общенародного голосования в финал вышли 15 победителей — памятников культурного наследия, лучших туристических объектов. Музей М.П. Мусоргского занял шестое место, о чем получил диплом.

Благодаря энтузиастам, неравнодушным людям, профессионалам создан единственный музей композитора Модеста Петровича Мусоргского — филиал Псково-Изборского объединенного музея-заповедника.

Наталья Шеринева

ЛИЧНОСТЬ И МУЗЕЙ

Именно так: личность и музей, а не наоборот. Личности строят музеи. Для меня создатели музеев — великие люди: благодаря их воле и знаниям, любви к истории России созданные ими музеи хранят для многих поколений материальную, реальную память о нашей Родине, о наших людях. Не случайно традиция создания музеев началась с царственных особ, когда императорским двором России собирались миевые шедевры живописи и графики. Естественным образом царская коллекция затем выросла в огромное уникальное собрание Эрмитажа. Музеев в нашей стране огромное количество, кто б посчитал. Их много, они очень разные по концепции, по коллекциям, проблематике. От гедонистических, созданных для наслаждения: Эрмитажа, Государственного музея изобразительных искусств (ГМИИ) имени А.С. Пушкина, Русского музея и Третьяковской галереи и историко-художественных музеев, исторических и краеведческих, до современных музеев утюгов, мышей, современного искусства и конкретных личностей.

Пока я вижу несколько вершин музеиного феномена: Эрмитаж, Русский музей, Третьяковская галерея, Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина (неплохо было бы переименовать его в Музей искусств имени Ирины Антоновой), Исторический музей России на Красной площади — единственный в своем роде, открытый к 75-летию Победы Музей Великой Отечественной войны в Алабине и отдельная вершина музеиного делания — Пушкинский Заповедник.

Просто Пушкинский Заповедник.

Я много видела музеев в своей жизни: в Вене, в Цюрихе, Будапеште, Риме и Флоренции, но мои родные музеи — маленькие и большие, иногда убогие или с широким размахом усадебных картин, очень искренние и яркие, представляющие русскую жизнь как она была, — мне дороже великолепия западного музеиного творчества. В наших музеях я вижу прошлую жизнь, я вижу историю народа. С середины 1970-х и до конца 1990-х годов мне довелось работать в разных музеях, контактировать с их создателями, и сейчас мне хочется их вспомнить с благодарностью, поделиться с вами впечатлениями об этих великих людях. Они достойны того, чтобы их вспомнить.

Юдифь Израилевна Левина (1918–2009)

Скобарка, я с юности мечтала работать в первом в СССР музее-заповеднике А.С. Пушкина в Михайловском. Это была большая мечта, которая исполнилась наполовину. Много лет я работала в Заповеднике экскурсоводом, приезжая с туристами из Пскова. Но у меня была попытка устроиться на работу в Заповедник.

Договорилась о встрече с С.С. Гейченко. Специально сшила себе бархатную ленточку для бантика к белой блузке, чтобы всё было интеллигентно, как положено сотруднику такого Музея — так мне представлялось. Семен Степанович поговорил со мной, расспросил о семье, чем занимаюсь, почему хочу работать в Заповеднике, — и не взял меня. Мне был 21 год, я была студенткой филологического факультета Псковского педагогического института и попутно экскурсоводом Псковского бюро путешествий — то есть никем.

Но желание работать именно в музее-заповеднике было так сильно, что как-то я рассказала о нем своему преподавателю, дорогому иуважаемому Евгению Александровичу Маймину, профессору Псковского пединститута. Евгений Александрович тут же написал письмо директору Пушкинского заповедника в селе Большое Болдино Юдифи Израилевне Левиной, с которой был знаком: может ли Юдифь Израилевна взять на работу девушку без профессии и пока еще без образования? Левина согласилась, и, набив дорожную сумку подушками и постельным бельем, я тронулась в дальний путь на поездах и самолете-кукурузнике — так называли тогда Ан-2, который летал от Горького до Болдина. Дело было осенью 1975 года.

Много позже я оценила способность Юдифи Израилевны мыслить абсолютно самостоятельно, рисковать и верить в лучшее. Взять псковскую девчонку на работу в Болдино — это рискованно: а куда потом ее девать, если что, — если не справится? Но я была готова на любые условия жизни: и на угол, который мне выделила в избе старушка Анна Васильевна, и на магазин с единственным продуктом — копченой ставридой, и на одиночество, оставив друзей в Пскове. Зато мой рабочий стол был в кабинете мезонина усадебного дома, прямо возле окна, и я могла видеть то, о чем А.С. Пушкин писал в сентябре 1830 года П.А. Плетневу: «Ах, мой милый, что за прелест здешняя деревня! Вообрази: степь да степь; соседей ни души; езди верхом сколько душе угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помешает...»

Музей благоухал тем ароматом, который свойствен усадебным музеям: это смесь запахов восковой мастики, старого дерева и мебели, хранящей воспоминания о былых временах и бережных руках реставраторов. Музейный воздух — это особенный воздух.

Юдифь Израилевна Левина, тогда, в 1966–1977 годах, директор Болдинского музея-заповедника — питерский человек, ленинградка, была музейным сотрудником Всесоюзного Пушкинского музея с еще довоенным стажем. Она помнила молодого коллегу, с которым приходилось встречаться, — красавца Семена Гейченко. Оставив Ленинград, Юдифь Израилевна приехала в нижегородскую глушь восстанавливать болдинскую усадьбу Пушкиных единственно из большой любви к Александру Сергеевичу и музейному делу. Над экспозицией она работала вместе с молодым тогда художником Т.Н. Воронихиной. Я уже увидела настоящий усадебный музей с прекрасной и хорошо продуманной экспозицией. При всей своей деликатности Левина твердо руководила заповедником и сотрудниками. Иногда доставалось и рабочим усадебного хозяйства, которые по нашей всегдашней русской привычке норовили то выпить лишнего, то забыть сделать дело. А музейные болдинские смотрители — это такие ангелы в фуфайках, не просто смотрители, а истинные хранители Музея.

В Левиной сочетались редкие качества: она была требовательна профессионально, она учila молодых сотрудниц музеиному делу и заботилась о своих подчиненных по-матерински. И мы часто слышали: «Приходите на суарэ, будут биточки». Для нас, не очень умеющих устраиваться в быту, это было подарком, а потом стало нашей традицией: Юдифь кормила и учila. Это была не просто еда, а еще и разговоры о Пушкине, о музеях. Она ставила пластинки с музыкальной классикой, и мы сидели в ее чистом и светлом небольшом домике, устланном веселыми болдинскими половиками, украшенном местной керамикой: горшками, солонками, кружками и золотыми тарелями Хохломы. А вокруг дома рос тихий болдинский парк с его прудами, старыми ветлами и дорожками.

Специфика болдинского музея в том, что располагается заповедник в центре большого села, хранящего в общем ту же планировку, что и при Александре Пушкине. Если смотреть шире, то располагается заповедник в глубине России, вдали от больших дорог и важного начальства. Как удалось восстановить усадебный дом с хозяйственными постройками, построить экспозицию, привести в порядок и восстановить за-

пущенный парк, сделать Болдинский музей-заповедник А.С. Пушкина одним из центров паломничества к великому поэту, организовать Болдинские чтения с участием интеллектуалов-исследователей пушкинского творчества от Сергея Фомичева до Александра Чудакова, нижегородских пушкинистов? Ко всему этому постоянная работа в архивах Москвы, Ленинграда, Горького! Болдинский музей-заповедник трудами Юдифи Израилевны стал центром встреч пушкинистов, интеллектуальным праздником в глубинке, освященной гением великого поэта. Можно было не только слушать доклады, но и потом всем вместе гулять по ночному парку, сидеть за бокалом вина и говорить о Пушкине, не уставая. Как удалось совершить этот великий труд скромной, хрупкой, интеллигентной домашней женщине — я не понимаю.

Помимо этого она организовала прекрасный фольклорный ансамбль из местных бабушек, которые пели еще не забытые тогда старые песни, и приезжающие в Болдино музейщики, начальники, артисты тихо плачали, слушая сердечное народное пение. И как же не плакать: некоторые солистки этого ансамбля еще были и плакальщицами. Существовало такое занятие в тех краях: на похороны звали плакальщиц, чтобы растопляли они сердца страдавших от потери.

У одной из таких плакальщиц, тети Кати, мне пришлось снимать угол. Утром меня будили пыхтящим самоваром с колотым сахаром, а иногда, по праздничному случаю, тетя Катя с товарками пела гостям печальные болдинские песни: «Потеряла я колечко, ох, буду плакать и страдать...» Помню, будучи заведующей культурно-массовым отделом Заповедника, я ходила за пять километров в деревню читать лекцию о Пушкине. Это был август, тепло, еще чирикали птицы, а яблони в садах были усыпаны малиновкой. Бывало, и в музей приходил деревенский народ на наши лекции просвещаться: люди сидели среди изящных шкафчиков, ломберных столиков, и им приходилось слушать, например, заумные размышления о друге Пушкина — Антоне Дельвиге. Сейчас бы я совсем по-другому рассказала о нем.

В Юдифи были соединены способности, необходимые для руководителя музея, особенно такого сложного, как заповедник. Это прекрасное знание Пушкина и его творчества, знание музейной традиции, умение руководить, ставить задачи сотрудникам и спрашивать за труды. В директорах больших музеев такие таланты, как управление огромным хозяйством и интеллектуальное знание предмета, соединяются чудесным образом. И все эти искусствоведы, филологи, историки, будучи

директорами музеев, неплохо разбирались в качестве кирпича, досок и строительных сметах. Но Юдифи Израилевне была еще большая любовь не только к Пушкину, но и к людям, которыми она руководила. Работа в заповеднике кипела, а уж отношения Левиной с местным и горьковским партийным руководством — это отдельный рассказ.

В конечном итоге она была вынуждена уехать обратно, в Ленинград. И на 90-летнем юбилее Юдифи Израилевны было немного грустно от того, что мы, гости, сидим с нею за столом в Петербурге, а не в ее Болдинском гостеприимном доме. Но после ее отъезда остался знаменитый на всю страну Болдинский музей-заповедник А.С. Пушкина, надеюсь, навсегда. Наша дружба, невзирая на перемены места (Юдифь жила в Ленинграде, а я — в Пскове), продолжилась до кончины моего друга и учителя, моей любимой Юдифи Левиной.

Константин Михайлович Громов (1917–2001)

В конце 1985 года меня приняли на работу в Псковский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник в отдел фондов, что было большим счастьем: хочешь быть настоящим музейщиком, надо начинать с фондов. Фонды — это коллекции музея, а значит — возможность изучать их и публиковать в каталогах результаты работы. Работа с музеинными фондами есть фундамент музейного развития. Если ты знаешь фонды, ты сможешь создавать интересные выставки и экспозиции. Я начала свою работу в фондах Псковского музея-заповедника с описания небольшой коллекции фарфора Гарднера по мотивам повестей Н.В. Гоголя.

Вскоре меня попросили заменить уходящую в декретный отпуск директора Себежского краеведческого музея. В 1986 году я приехала в районный город Себеж, который был мне известен благодаря Константину Михайловичу Громову, многолетнему директору Себежского краеведческого музея. Он был еще и художником, и я видела его наивные живописные работы: некоторые тянули на шедевр.

Константин Михайлович восстанавливал музей после войны; основывался же Себежский краеведческий музей в 1927 году. Это старейший краеведческий музей Псковской области. Его основателем был выпускник юридического факультета Петербургского университета Борис Викторович Сивицкий.

Замечу, что Сивицкий был очень необычным директором, так как

emu пришлось быть первоходцем в деле создания музея. После освобождения Себежа от фашистов он провел опрос жителей района о видах и количестве рыб, грибов, лесных зверей. Оказалось, что после войны всё это умножилось многажды.

Карательные отряды эсэсовцев сожгли в районе немало деревень вместе с народом. В документальном фонде хранился опросник о жертвах фашистской оккупации: сколько было жителей в деревне, кто погиб, сколько осталось в живых. Б.В. Сивицкий сохранил документальный архив партизанской бригады, действовавшей в Себежском районе: он не был сдан в Центральный военный архив СССР (что было законом — партизанские архивы были засекречены). И поэтому в себежском архиве хранились редчайшие документы — от записок карандашом, в которых партизаны отчитывались по диверсиям: что взорвано, сколько убитых фашистов и т. п., до «стенгазеты» партизанской бригады с названием «В засады».

Б.В. Сивицкий был освобожден от должности в 1953 году за «идеологически неверно создаваемую экспозицию». Там было действительно всё: и церковные ризы, и оружие, от французских пулеметов до канадских винтовок, и немецкие указатели наших дорог; была и богатейшая, разнообразнейшая коллекция исторической жизни Себежской земли.

Себежский музей, каким увидела его я, был сам в себе музей. Его эстетика была консервативной эстетикой еще дореволюционного времени. Два этажа бывшей тюрьмы XIX века плотно заставлены всевозможными предметами военной, крестьянской и городской жизни. Там даже были идолы, выкопанные во время археологических раскопок: Себежская земля представляла немалый интерес для археологов. Музей был оформлен традиционными витринами, а также диорамами, представлявшими весьма живо события революции в Себеже, моменты Великой Отечественной войны, лесные богатства края. Казалось, всё прошлое оживало в этих музейных залах.

Автором диорам и экспозиции был Константин Михайлович Громов, почти 40 лет руководивший Себежским музеем. Всё, что можно приобрести у себежан, что передавали археологи, что делали таксидермисты, — всё он нес в музей. Стены музея были украшены его картинами по темам экспозиций. Музей был уникален, потому что в нем всё было смешано — и всё было исторической правдой.

Музейные смотрители — особый разговор. Ими были два бывших директора школ: один, Василий Иванович — участник партизанского

движения, другой, Илья Никандрович — воевал. Это были какие-то особых люди, я с ними горя не знала в оформлении выставок и других музейных заботах. Они всегда были готовы помочь. Это такие мощные типы прежнего русского народа, каких уже нет.

Сам Константин Михайлович, создатель этого невероятного музея, будучи в должности старшего научного сотрудника, ни словом ни жестом не показал мне разницу между мной — приезжей, не очень знающей историю места и музея директоршей, и им, создателем этого необычного краеведческого музея. И более того, он всегда готов был помочь, продолжая заниматься организацией национального природного заповедника, доказывая из года в год разному начальству вплоть до министров, что Себежская земля имеет уникальную морфологию, богата реками и озерами, сохраняет традиционные пути перелетов птиц на зимовку в Европу и жаркие страны. Он начал заниматься этой проблемой в конце 1950-х годов и добился создания Национального природного парка в Себежском районе в 1996 году.

Себежский музей был культурно-историческим явлением благодаря насыщенной экспонатуре «от ледника до советских колхозов» и эстетике старой музейной традиции. Те, кто видели музей, а это часто бывали москвичи, были впечатлены этой «машиной времени» — и необычными живописными работами Константина Михайловича Громова.

Пока я директорствовала, мы смогли отремонтировать музей при помощи местной власти, сделать его чистым и светлым. Надо сказать, что сам город Себеж как бы зажат с двух сторон озерами и очень красив; на горе высится колокольня Троицкого храма — с «историческими» дырами от снарядов времен войны. Увидев колокольню, я с моими мужчинами — Константином, Василием и Ильей через местную газету бросила клич к себежанам — собрать средства на ее ремонт, кто сколько может пожертвовать. Собрали почти 30 тысяч. По тем временам — для примера, моя зарплата составляла 160 рублей в месяц — это была очень большая сумма. Колокольню отремонтировали, она стала украшением города, а потом приехал священник и начался ремонт самого храма Святой Троицы. Но это было уже потом. И так же потом, позже, я узнала, что из 30 тысяч рублей девять тысяч были внесены на счет К.М. Громовым, отцом пятерых детей и дедом множества внуков. Эти деньги были им заработаны от продажи картин.

Работая в архивах, я выяснила, что известный актер Зиновий Гердт в детстве жил в Себеже. Мы связались с ним, пригласили в город. И

Гердт приехал с женой и своими друзьями: знаменитым поэтом-бардом Б. Окуджавой с семьей. Эта незабываемая для себежан встреча проходила в местном отделении милиции, где был зал и можно было послушать выступление Зиновия Гердта и песни Булаты Окуджавы.

Моя двухлетняя командировка в Себеж закончилась. Позже Константина Михайловича попросили уволиться, и его каждодневные походы в музей под руку с изящной маленькой женщиной, его супругой Александрой Степановной, закончились. Все эти годы она, зная, что ее муж почти лишен зрения (Константин Михайлович носил очки с толстыми стеклами), поддерживала его, вместе с ним шла в музей, работала смотрительницей. Как-то он один пошел известной ему много лет дорогой, которой ходил каждый день на работу в музей в течение 50 лет, а потом, видимо, понял, что туда нельзя, повернулся в другую сторону и упал замертво.

Несколько лет назад, побывав в Себеже, я застала музей в полном разорении. Неизвестно, куда делился его редкий документальный архив, где хранилась в том числе и тетрадь в дерматиновом переплете с документальными свидетельствами себежан о зверствах фашистов на Себежской земле. Нашли ли ее после разорения старого музея? И что странно — на сайте Себежского краеведческого музея ни словом не упоминается имя К.М. Громова.

Ольга Константиновна Аршакуни (1908–1991)

После моей работы в Себежском краеведческом музее в качестве исполняющей обязанности директора музея я вернулась в Псков. И в 1988 году была назначена заведующей музеем-квартирой Ю.П. Спегальского, по договоренности с его вдовой Ольгой Константиновной Аршакуни. Мы с ней познакомились, занимаясь постановкой на госучет фондов нового музея архитектора-реставратора Ю.П. Спегальского (1909–1969). Тогда меня потрясла необычность жилища Спегальских, и мне очень хотелось работать в таком удивительном музее. Здесь всё рассказывало о талантах Юрия Павловича: и прекрасные деревянные люстры, одна из которых называлась «Петух», и расписанные им столешницы, и выполненные им изразцы, и его рисунки... Всё-всё в этой квартире говорило о том, что владелец имел много дарований и очень любил Псков. И даже проживая в блокадном Ленинграде, в 1943 году он сделал серию рисунков — очень живых, сюжетных, «Псков и псковичи в XVII столетии».

Здесь напомню, кем был Ю.П. Спегальский и почему основан музей его имени. Юрий Павлович Спегальский родился в Пскове в 1909 году. Со временем родной город, его неповторимая архитектура, его история стали его самой большой любовью.

В 16 лет, в 1927 году, он опубликует свою первую статью «Значение памятников древнепсковской архитектуры». Целью своей жизни Спегальский поставил превратить Псков, его историческую часть, в архитектурный музей-заповедник, вполне естественно полагая, что Псков сохранил в своих церквях, крепостных стенах, башнях и гражданских постройках XVII века древнюю русскую историю: она здесь видима, она материальна.

Юрий Павлович был и каменщиком, и резчиком по дереву, и художником; архитектором по образованию и реставратором по призванию. До войны он вел реставрацию Гремячей башни в Пскове. Он своими руками, своей душой чувствовал эти псковские камни, из которых были сложены шедевры русской архитектуры. Он занимался верхолазными работами в Питере во время блокады, закрывая купола высотных храмов Ленинграда от обстрела: Морской собор, Петропавловский собор... В 1950-е годы Спегальский занимался исследованием состояния куполов Исаакиевского и Петропавловского соборов, Александровской колонны на Дворцовой площади.

Но одна только мысль и одно стремление руководило всей его жизнью: сохранить древний Псков. Он возвращается в Псков из Ленинграда сразу после освобождения города от фашистов в 1944 году, когда Псков был разрушен и, как вспоминали очевидцы, просматривался от вокзала до Троицкого собора. Юрий Павлович как скобарь и как архитектор и реставратор понимал, что надо делать. Он составлял концепцию архитектурного развития древнего города: что надо восстанавливать, что сокращать, где можно строить новое, а где нельзя.

В Псков он вернулся вместе с супругой — Ольгой Константиновной Аршакуни. Когда-то в блокадном Ленинграде он уступил ей, голодной и обессиленной после смерти ребенка, больничную койку — так состоялось их знакомство. А затем их союз стал союзом не только любящих друг друга сердец, но и союзом единомышленников. Аршакуни была не только женой, но и преданным другом, как никто другой понимавшим жизненные цели Юрия Павловича. Она сама была художником-архитектором, выпускницей Академии художеств, с 1940 года — членом Союза архитекторов. Только она понимала чаяния своего мужа и

цель его архитектурных проектов восстановления города. Ольга Константиновна сделала бесценные рисунки, монотипии разрушенного после войны Пскова, его храмов и сохранившихся зданий.

Ситуация для принятия властями концепции Спегальского по планировке и восстановлению Пскова в старой его части была идеальная: всё можно начинать с нуля. Но эта концепция не была принята, власти не понимали ее смысла и сути, и Юрий Павлович возвращается в Ленинград.

В конце 1960-х годов Ю.П. Спегальского пригласили в Псковвести проекты по реставрации псковских архитектурных памятников. Он вернулся в Псков навсегда, еще надеясь, что сможет объяснить, доказать своим коллегам и начальству необходимость превращения города в архитектурный музей-заповедник. Юрий Павлович был одержим Пskовом, он верил, что всё получится.

Но Спегальский умер в январе 1969 года от сердечного приступа после очередного производственного совещания в реставрационных мастерских, не найдя поддержки своим планам даже у коллег архитекторов-реставраторов. Это был умный, знающий и мужественный человек, понимающий внутреннюю русскую историческую жизнь, что было редким даром.

Внешне история жизни архитектора-реставратора Ю.П. Спегальского — история краха идеи. В 2020 году, спустя 50 лет после его смерти — ровно на столько вдова Спегальского О.К. Аршакуни закрыла его архивы в Музее архитектуры имени А.В. Щусева — появляется книга, изданная государственным музеем-памятником «Исаакиевский собор». Она называется «Отверженный провидец». Нечасто случается, когда название книги совершенно соответствует ее содержанию. Правда, автором труда стал не наш соотечественник, а живущий в Австралии Ларри В. Котрен. Видимо, австралиец лучше нас, русских, понимает, кого мы отвергли. А ведь для осуществления великой идеи Спегальского нужно было только желание специалистов и псковского начальства.

После кончины Юрия Павловича его вдова Ольга Константиновна практически сразу стала заниматься устройством музея его памяти. Для этого было всё: и документы, и графические работы, и мемориальные вещи, и квартира. Она ходила по кабинетам, она доказывала необходимость создания такого музея — не столько «музея своего мужа», сколько музея героя, сражавшегося с ветряными мельницами. Борясь за созда-

ние музея, Ольга Константиновна была тверда и неумолима в своем желании увековечить память великого псковича.

Таких женщин, как Ольга Константиновна, замечаешь сразу: гордая осанка, взгляд поверх, четкая артикуляция просьб и аргументаций. Вдовствующая королева. В коридорах псковской власти ее хорошо знали, ей помогали друзья Юрия Павловича, но в основном вся невозможная работа по созданию и открытию мемориальной квартиры-музея Ю.П. Спегальского в Пскове, в доме на Октябрьском проспекте, 14, лежала на ее плечах. Задача перед властью стояла сложная: надо было дать Ольге Константиновне другое жилье, и здесь же, рядом с музеем, но всё получилось. Вдовы — железные люди: пережив катастрофу профессионального поражения Юрия Павловича в любимом деле и его кончину, она ничего не боялась и ничего ей не было трудно. Она работала много и методично в столичных архивах, она мало замечала людей, вся ее воля, ее жизнь были направлены на дело создания этого музея, единственного в своем роде в Псковском регионе. 20 лет оставшейся ей жизни Ольга Константиновна посвятила служению памяти мужа и созданию его мемориального музея для нашего научения любить родину.

Она детально разбиралась в научно-исследовательской и практической реставрационной работе мужа, что помогло ей подготовить для публикации многие труды Юрия Павловича: «Гражданская архитектура Пскова», «Народное зодчество Пскова». Одна из ее последних работ — книга-воспоминание о муже «Предчувствие». Ольга Константиновна писала, что назвала книгу так, потому что Юрий Павлович понимал свой дар, свое назначение, понимал его как самое важное дело своей жизни.

Мы всё дальше уходим в нашей жизни от понятия жертвенности, служения Родине, Отечеству — от того, что было основой личности для Юрия Павловича и Ольги Константиновны. Я не уверена, что музей Ю.П. Спегальского знают, любят и посещают в нынешние времена. Он находится в центре города, но псковичи проходят мимо.

* * *

И закончу я свое воспоминание об этих великих людях, строителях музеев, тем, с чего начала: всё-таки создание музея — это царское дело. К таким большим делам и таким людям вполне применимы слова Екклезиаста: «Праведного и нечестивого будет судить Бог; потому что время для всякой вещи и суд над всяkim делом там».

*Всеволод Пежемский,
Ольга Яблокова*

ПРАКТИКА ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОЗДАЮЩИХСЯ МУЗЕЯХ ФОРТОВ КРОНШТАДТСКОЙ КРЕПОСТИ

Это сообщение посвящено практике привлечения волонтеров в помощь создающимся музеям на примере фортов Кронштадтской крепости.

Сначала стоит рассказать вкратце о создании музеев на фортах Кронштадта. Система обороны Петербурга с моря складывалась с конца XVIII века. Апогеем ее развития стала Первая мировая война, при подготовке к которой Кронштадт и окружающие его форты стали ядром огромной «Крепости Петра Великого». Ее элементы расположились на пространстве от Ревеля до крепостей княжества Финляндского.

Удивительно, но именно в годы Первой мировой войны почти все элементы этой крепости устарели и в значительной мере потеряли свою актуальность. Конечно, в ходе Второй мировой войны часть из них принимала участие в боевых действиях, но с большими оговорками. А после войны они остались в руках Министерства обороны.

В 1990-е годы из большей части объектов Министерство обороны ушло. Форты подверглись беспрецедентному разграблению. Но в те же годы у энтузиастов, знатоков истории и шире — у образованной общественности возникло ясное понимание, что большая часть фортов имеет ценность как памятники фортификации и как памятники истории, своеобразной военной культуры. Вокруг лидеров, взявшихся за создание музеиных комплексов как минимум на трех береговых фортах, стали собираться группы энтузиастов. Мы осознанно оставляем за бортом нашего рассказа все островные форты Кронштадтской крепости, хотя на форте Тотлебен также была предпринята подобная попытка. Просто существование музея на острове без регулярного с ним сообщения является задачей трудновыполнимой. А с береговыми фортами проще.

Раньше других создан был музей на форте Красная Горка. Его возглавил энтузиаст своего дела Александр Иванович Сенотрусов.

Форт был окончательно достроен в годы Первой мировой войны, пережил подрыв, восстание, участвовал в подавлении восстания в

Орудие форта Красная Горка

Кронштадте, в годы Великой Отечественной обороныял рубежи Ораниенбаумского плацдарма.

В двухтысячные форт был оставлен военными и стал бесхозным. Усилиями Александра Ивановича и его соратников форт обрел вторую жизнь. Первоначально был расчищен один из казематов, в нем открыт небольшой музей, состоявший из нескольких комнат. Потом началась системная работа по сохранению и расчистке территории форта (ныне открытая территория составляет десятки гектар и включает три батареи из четырех). Было создано военно-историческое общество, которое и стало, в статусе некоммерческой организации (НКО), инициатором создания народного музея.

По сути все, участвовавшие в создании музея, все участники инициативной группы уже были волонтерами. Но с первых же лет форт стал привлекать организованные отряды добровольцев. Одним из таких отрядов стал и наш клуб. Для нас это был прорыв. Приведу только один пример. После загадочного взрыва значительная часть форта была

Граффити форта Красная Горка. 1916–1917 годы

разминирована и засыпана песком (в 1920-е годы). В часть подземных помещений не было доступа до начала расчистки их волонтерами. Получилось, что мы смогли первыми войти в законсервированные в годы революции помещения. Особенных находок не было, но были, например, обнаружены уникальные граффити, сделанные солдатами до взрыва — предположительно в 1916–1917 годах. Этим граффити был посвящен отдельный исследовательский проект нашего клуба.

*Форт Серая Лошадь. Расчистка волонтерами Археологического клуба
входа в батарею*

Работа по расчистке территорий и превращению их в музейное пространство продолжается, последнюю такую «капсулу времени» мы вскрыли в январе 2021 года. В целом работы на форте Красная Горка привели к возникновению популярного музея, получению статуса памятника, а также внесению его в число памятников, охраняемых ЮНЕСКО. Рядом с музеем форта открылся музей поселка Лебяжье.

На стадии создания находится еще один музей неподалеку — на месте вспомогательной батареи «Серая Лошадь». Работа по организации музея ведется также группой единомышленников во главе с Владимиром Александровичем Сенотрусовым, сыном Александра Ивановича, под эгидой того же военно-исторического общества. На этом памятнике мы начали работу одними из первых. Пришлось расчищать казематы, откачивать воду, воссоздавать старые лестницы, красить, чистить, выполнять множество работ. На данный момент музей находится в стадии оформления. Форт состоит из двух наблюдательных пунктов и двух батарей. Один из пунктов и одна батарея приведены в нормальное состояние, осушены, проведено освещение. Идет подготовка первого музейно-

Работа волонтеров Археологического клуба на форте Риф

го здания. На базе форта создан волонтерский центр «Осока», который принимает добровольцев, помогающих воссоздавать форт.

Ну, и третий памятник фортификации — форт Риф на западной оконечности острова Котлин, к северо-западу от Кронштадта. Его судьба сколь сложна, столь и показательна. В 2013 году форт был оставлен военными и подвергся варварскому нападению незаконных сборщиков металла. Было утеряно множество важнейших элементов форта, сохранившихся со времен Первой мировой войны. Статус памятника сразу получен не был. Мало того, специфика в том, что форт находится на длинной косе; между ним и Кронштадтом располагается особо охраняемая природная территория «Западный Котлин», статус которой накладывает массу ограничений на работу на самом форте Риф.

Однако нашелся частный инвестор, который решил вложить средства в создание музея на форте Риф. Да, форт был взят в аренду и начал развиваться как частный музей — под строгим надзором комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников

истории и культуры Санкт-Петербурга. В отличие от фортов Красная Горка и Серая Лошадь, Риф находится не в Ленинградской области, а на территории Санкт-Петербурга. Но не обошлось без энтузиастов. Группа исследователей, объединившихся ранее и издававших журнал «Фортовед», взялась сначала консультировать организаторов нового музея, а потом взяли на себя труд по реставрации, восстановлению, созданию экспозиции. Для расчистки заброшенного форта была необходима помочь, и организаторы обратились к широкой общественности. Начались субботники на форту.

Наш клуб с радостью присоединился к движению по созданию музея фактически с первого дня, с первого субботника. Сейчас на форту уже работает музей, ведутся экскурсии, растет экспозиция. И мы очень рады, что в этом прогрессе есть и частица нашего труда. Ежемесячно на форту проводится исследовательский семинар, где представляются и обсуждаются сюжеты из истории фортификации Северо-Запада,читываются доклады, на основе которых выходит исторический журнал «Фортовед».

Есть и четвертый береговой форт — на северном берегу Финского залива в районе Приветнинского, форт Ино. Его судьба еще более печальна — он был взорван в 1918 году фактически целиком и долгие годы представлял собой печальные руины. Но сейчас и там организовалась инициативная группа по созданию музея. Мы постарались сразу же включиться в волонтерскую работу в сотрудничестве с организацией «Урбанфорта».

Необходимо отметить, что опыт волонтерской работы на памятниках истории и культуры был сформирован во взаимодействии с Пушкинским Заповедником «Михайловское», с которым Археологический клуб сотрудничает с 2001 года. В Пушкинском Заповеднике мы впервые встретили организованную и целенаправленную работу с волонтерами. И теперь стараемся переносить, «отзеркаливать» этот опыт в общении с организаторами новых музеев, в том числе на фортах Кронштадтской крепости.

ДОПОЛНЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В МУЗЕЯХ-ЗАПОВЕДНИКАХ

Самим фактом использования информационных технологий в пространстве музея уже сложно кого-либо удивить. В нашей стране компьютеры стали активно использоваться примерно с середины 1990-х годов, в том числе в выставочной деятельности.

Технология дополненной реальности — то есть совмещение в реальном времени существующего и виртуального пространств и объектов¹ — сформировалась в привычном виде также в середине девяностых. В системе NaviCam² одной из первых были использованы цветные маркеры, считывание которых камерой выводило на монитор закодированную в маркер информацию (*см. Приложение в конце статьи; Рис. 1*).

Тем не менее, высокие требования к технике долгое время не позволяли сделать технологию по-настоящему мобильной. Только к середине 2010-х годов развитие таких устройств, как смартфоны и планшеты, рост их мощностей и увеличение количества сенсоров возродили интерес к использованию дополненной реальности.

Сохранение и демонстрация культурного наследия — одна из сфер, где технология находит применение. Специфика многих памятников археологии состоит в том, что до исследования они находятся под землей и не видны, а после исследования подвергаются разрушению. Отсюда возникает необходимость частичной или полной реконструкции археологического памятника для последующей демонстрации. Традиционные методы в такой ситуации — это полноразмерные реконструкции или макеты (*см. Приложение в конце статьи; Рис. 2*), часто недоступные или неуместные по различным причинам. Использование виртуальных реконструкций, привязанных к реальному ландшафту памятника, имеет следующие преимущества:

---

¹ Azuma R.T. A survey of augmented reality // Presence: Teleoperators & Virtual Environments. 1997. Т. 6. №. 4. Р. 355.

² Rekimoto J., Nagao K. The world through the computer: Computer augmented interaction with real world environments // Proceedings of the 8th annual ACM symposium on User interface and software technology. 1995. Р. 29.

-
- не вмешивается в физическое пространство памятника;
  - позволяет зрителю взаимодействовать с виртуальными элементами;
  - требует меньших финансовых вложений.

Стоит рассмотреть некоторые примеры реализации в зарубежных и отечественных музеях под открытым небом.

В сфере археологии и сохранения культурного наследия одной из первых была система ARCHEOGUIDE (2000 год), предоставляющая персонализированный гид по святилищу Олимпия (*см. Приложение в конце статьи; Рис. 3*). Дополненная реальность использовалась для реконструкции древнегреческих руин³.

Современный проект, использующий дополненную реальность и помогающий увидеть античное архитектурное наследие, был опробован в Монографическом музее Конимбриги, Португалия. Специально разработанное мобильное приложение распознает картинку-маркер и добавляет к изображению руин трехмерную модель-реконструкцию (*см. Приложение в конце статьи; Рис. 4*). Проверка эффективности показала, что благодаря приложению более 80% пользователей не только получили положительные эмоции, но и смогли лучше описать свойства показанного здания. Недостатком была признана необходимость постоянно держать маркер в кадре. Такое мнение выразили 65% пользователей⁴.

Опыт осмотра места археологических раскопок на неолитическом поселении Быланы, находящемся в 70 км от Праги, улучшили при помощи разработки серии приложений как виртуальной, так и дополненной реальности (*см. Приложение в конце статьи; Рис. 5*). В первом случае была создана интерактивная карта и серия панорам, воспроизводящих поселение и ландшафт каменного века. Пользователь становится на одной из видовых точек, отмеченных на карте, запускает панораму и осматривает ее, сравнивая с современным реальным ландшафтом. Дополненная реальность также реализована в виде маркеров на информационных стенах, расположенных рядом с памятником. После считывания маркера на экране появляется керамический сосуд или погребение

---

³ Vlahakis V. et al. Archeoguide: first results of an augmented reality, mobile computing system in cultural heritage sites //Virtual Reality, Archeology and Cultural Heritage. 2001. Т. 9. №. 10.1145. P. 131.

⁴ Marto A., Gonçalves A. Mobile AR: User Evaluation in a Cultural Heritage Context // Applied Sciences. 2019. Т. 9. №. 24. P. 5454.

в натуральную величину, которые можно осматривать, перемещая телефон в пространстве⁵.

Среди отечественных проектов можно назвать реконструкцию Страстного монастыря в Москве, представленную в виде серии панорам с нескольких видовых точек в виртуальной и дополненной реальности (*см. Приложение в конце статьи; Рис. 6*). Тем не менее, «реальный» слой можно назвать таковым только условно, так как виртуальные элементы накладываются не на вид из камеры, а на заранее снятую и не меняющуюся панораму⁶.

Телескоп дополненной реальности для музея-заповедника «Куликово поле» — еще один пример совмещения реального и виртуального. В зафиксированном на смотровой площадке телескопе посетитель видит анимированную реконструкцию Куликовской битвы (*см. Приложение в конце статьи; Рис. 7*). Также вместо вида из камеры в реальном времени используется предварительно снятая панорама.

«Истоки Руси» — это комплекс интерактивных трехмерных моделей первых поселений Древней Руси, традиционно связываемых со становлением российской государственности. Модели демонстрируют возможный облик поселений в X веке — в период их расцвета в раннем Средневековье (*см. Приложение в конце статьи; Рис. 8*). Созданы как попытка художественного осмыслиения и интерпретации имеющихся исторических и археологических материалов. Представлены такие города, как Белоозеро, Рюриково городище и Изборск. В отличие от названных ранее продуктов, здесь нет привязки к определенным видовым точкам, пользователь способен свободно перемещаться в виртуальном пространстве. Тем не менее, одновременно совместить модели с реальным ландшафтом невозможно.

Учитывая достоинства и недостатки названных ранее проектов, а также существующие технические ограничения и уже осуществленную работу по оцифровке объектов культурного наследия, необходимо сформулировать концепцию использования технологии дополненной реальности в Пушкинском Заповеднике.

---

⁵ Unger J., Kvetina P. An on-site presentation of invisible prehistoric landscapes // Internet Archaeol. 2017. Т. 43. Р. 1–12.

⁶ Бородкин Л.И., Мироненко М.С., Чертополохов В.А., Белоусова М.Д., Хлюпиков В.В. Технологии виртуальной и дополненной реальности (VR/AR) в задачах реконструкции исторической городской застройки (на примере московского Страстного монастыря) // Историческая информатика. 2018. №3. С. 76–88.

Заинтересованные лица, их интересы и проблемы:

- Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский Заповедник). Интерес: иметь приложение дополненной реальности. Проблема: презентация культурного наследия недостаточно наглядна;
- посетители музея-заповедника. Интерес: получать знания в доступной и наглядной форме. Проблема: услышанная в ходе экскурсии или прочитанная на информационном стенде информация воспринимается не в полной мере.

Цели проекта: обеспечение эффективной просветительской и образовательной деятельности музея.

Задачи проекта:

- сбор источников для создания контента;
- создание контента: реконструкции на основе источников, оцифровка музейных предметов;
- разработка мобильного приложения дополненной реальности;
- размещение меток виртуальной реальности на информационных стенах вблизи объектов культурного наследия на территории Заповедника.

Стоит отметить, что часть работы по созданию контента уже осуществлена. Например, оцифрованы почти все каменные кресты и культовые камни на территории Заповедника, начато создание цифровых моделей окружающей их местности (*см. Приложение в конце статьи; Рис. 9*). Имеющиеся материалы пригодны не только для непосредственного размещения в приложении, но и в качестве «шаблонов» для создания нового контента⁷.

Цикл использования приложения можно рассмотреть на примере одного памятника — городища Савкино.

Пользователь устанавливает приложение на смартфон или планшет, запускает его и видит интерактивную карту Заповедника с нанесенными на нее отметками объектов наследия. Так у него появится понимание о пространственном размещении объектов.

---

⁷ Тарakanov A.C. Развитие проекта «Каменные кресты и культовые камни Пушкиногорья». Создание взаимосвязи между виртуальными копиями музейных объектов при помощи оцифровки окружающего их ландшафта // Михайловская пушкиниана. Вып. 78. Сельцо Михайловское, 2020. С. 206.

Затем посетитель считывает метки, размещенные на стенах в нескольких точках на территории городища. На экране мобильного устройства вместе с видом из камеры отображаются трехмерные реконструкции построек, оцифрованные предметы и фотографии.

Возможные варианты размещения точек и отображаемый контент (*см. Приложение в конце статьи; Рис. 10*):

- точка 1. Западнее городища, у его подошвы. Реконструкция построек на площадке городища, видимая снизу;
- точка 2. Восточный край площадки городища. Реконструкция селища Савкино 1;
- точка 3. Южная часть городища. Модель раскопов 1970–1972 годов, обнаруженные в них остатки построек и предметы⁸;
- точка 4. Савкин камень. Наложение прорисовки надписей на изображение камня и креста.

Таким образом, создание и грамотное использование приложений дополненной реальности в зарубежных и отечественных музеях-заповедниках является эффективным способом улучшения наглядности частично разрушенных или скрытых объектов наследия. Часть контента для Пушкинского Заповедника уже создана, инструменты для разработки и наполнения доступны и сравнительно просты в освоении. Наиболее простым и надежным вариантом реализации является размещение маркеров на информационных стенах.

---

⁸ Белецкий С.В. Пушкиногорье до Пушкина. Историко-археологические очерки // Михайловская пушкиниана. Вып. 31. Пушкинские Горы ; М., 2004. С. 38.

Приложение

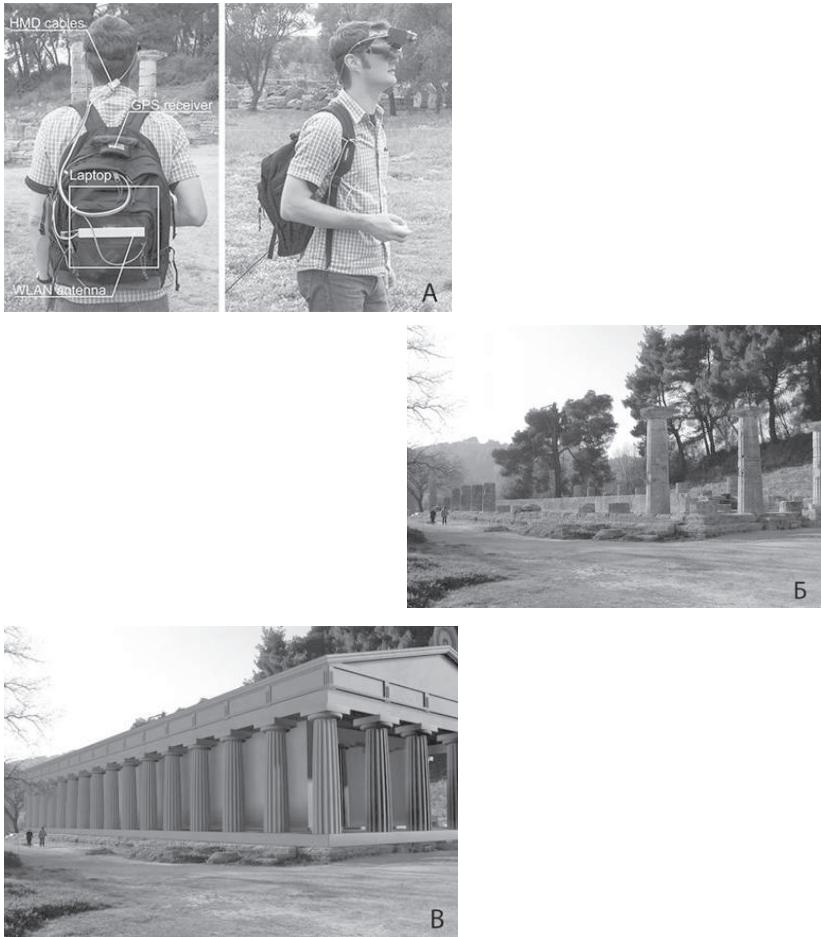
Рис. 1. Система NaviCam.

А, Б — внешний вид устройства. В — дополненное изображение после считывания маркера. Иллюстрация: <https://www2.sonycl.co.jp/person/rekimoto/navicam/images.html>

Рис. 2.

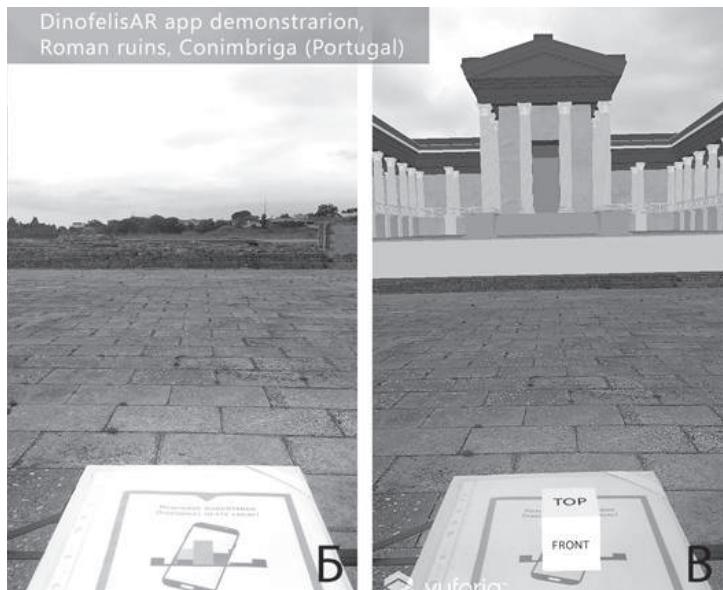
А — полноразмерная реконструкция поселения латгальского поселения IX–X веков в музее Арайши. Иллюстрация: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:%C4%80rai%C5%A1u_ezerpils_\(1\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:%C4%80rai%C5%A1u_ezerpils_(1).jpg). Б — макет городища Велье. Иллюстрация: <https://amsmolich.livejournal.com/285114.html>

Рис. 3. Система ARCHEOGUIDE

А — оборудование. Иллюстрация: <http://neuemedienmuseum.synergize.co/8-museale-kommunikation-mit-neuen-medien/8-15-beispiele-fuer-den-einsatz-von-augmented-reality-in-museen/>. Б — исходное изображение.

В — дополненное изображение. Иллюстрация: https://www.researchgate.net/profile/Didier_Stricker/publication/220955275_ARCHEOGUIDE_first_results_of_an_augmented_reality_mobile_computing_system_in_cultural_heritage_sites/links/0046351acf4b16b746000000/ARCHEOGUIDE-first-results-of-an-augmented-reality-mobile-computing-system-in-cultural-heritage-sites.pdf

Rис. 4. Система DinofelisAR в музее Конимбрига.
А — процесс сканирования метки. Б — исходное изображение.
В — дополненное изображение.

Иллюстрации: <https://anabelamarto.github.io/post/dinofelis/>

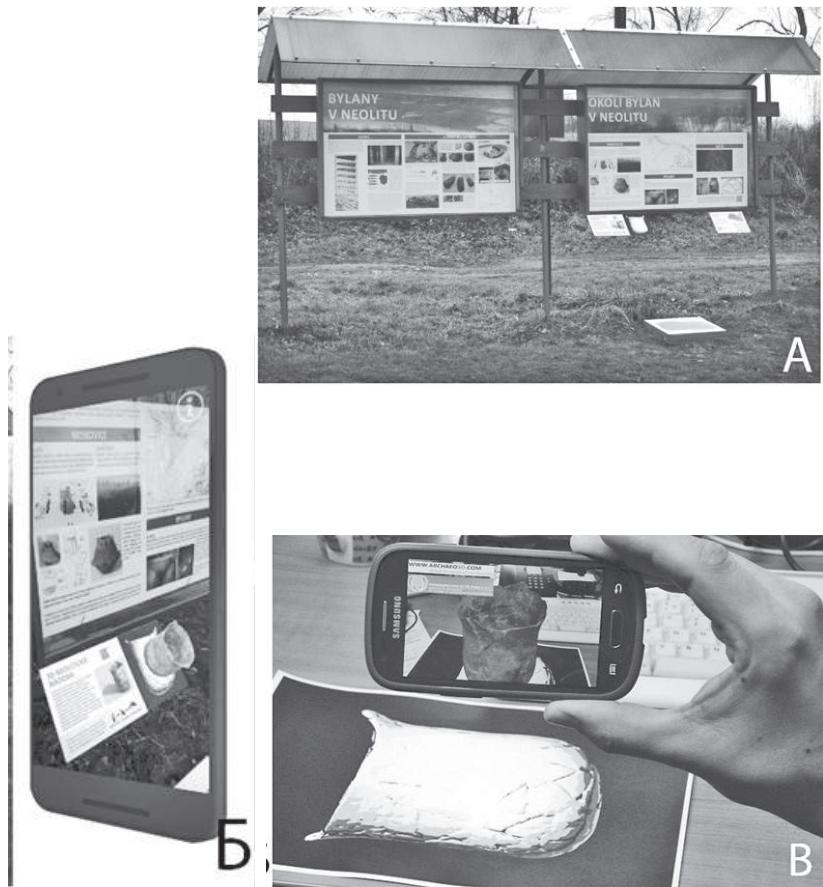

Рис. 5. Неолитическое поселение Быланы.

А — стенды с информацией о поселении и метками дополненной реальности.

Иллюстрация: <https://intarch.ac.uk/journal/issue43/13/13.html>.

Б — дополненное изображение на экране телефона.

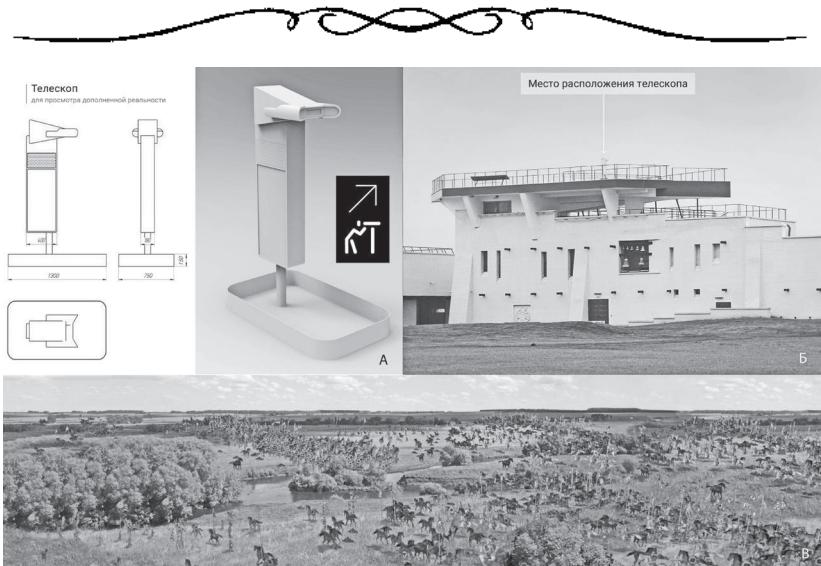
Иллюстрация: <https://intarch.ac.uk/journal/issue43/13/13.html>.

В — дополненное изображение на экране телефона.

Иллюстрация: <http://www.archaeo3d.com/en/mobilni-aplikace/>

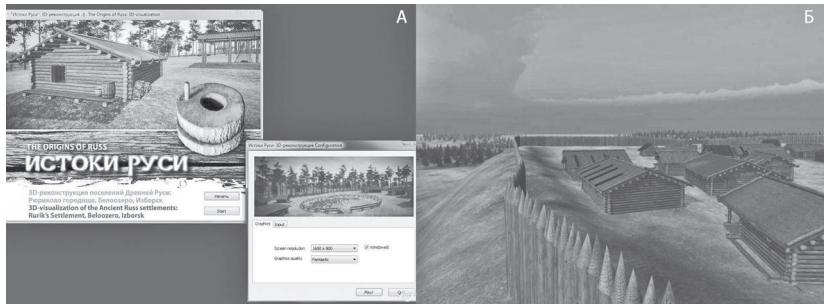

*Рис. 6. Реконструкция Страстного монастыря.
А — панорама 2014 года. Б — панорама 1910 года. В — панорама 1700 года.
Иллюстрации: <http://www.hist.msu.ru/Strastnoy/AR/AR.html>*

Рис. 7. Телескоп виртуальной реальности в музее-заповеднике «Куликово поле».

*А — оборудование. Б — место установки. В — дополненное изображение.
Иллюстрации: <https://spider.ru/works/arvr/dopolnennaya-realnost-dlya-muzeya-kulikovo-pole/>*

Рис. 8. Трехмерная реконструкция «Истоки Руси».

А — окна с настройками программы. Б — реконструкция.

Иллюстрации: http://hansarus.org/publications/The_Origins_of_Russ

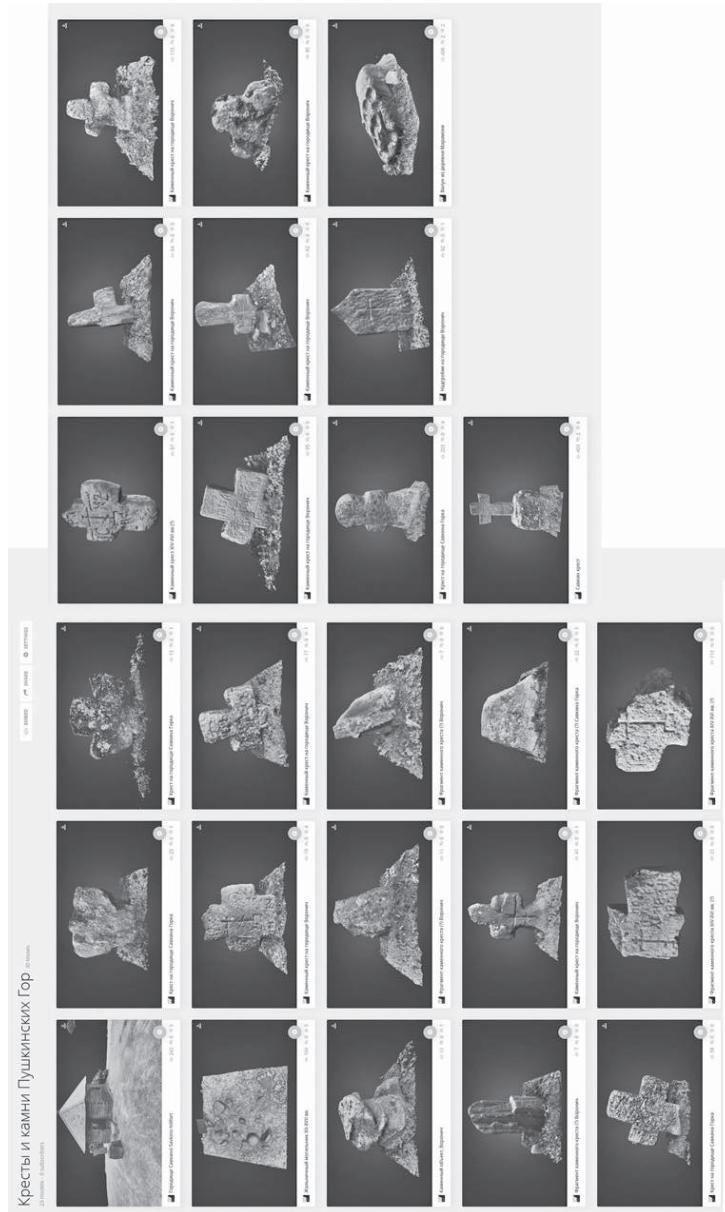

Рис. 9. Часть коллекции каменных крестов и культовых камней, снятых с камней, оцифрованных в 2018–2019 годах и использованных для выставки «Каменные кресты и культовые камни Пушкиногорья». Личный архив

Рис. 10. Проект использования виртуальной реальности на городище Савкино.

А — совмещение космического снимка с планами городища и селищ, места размещения маркеров. Иллюстрация: Белецкий С.В. Пушкиногорье до Пушкина. Историко-археологические очерки. Пушкинские Горы ; М., 2004. С. 227, 251, 254.

Б — место возможного размещения маркера 1. Личный архив.

В — Труворово городище. Реконструкция облика укреплений в районе въездных ворот (строительный период I). Рисунок Н.С. Сафоновой.

Ориентир для создания реконструкции Савкино.

Иллюстрация: <http://www.ras.ru/archaeology/47692fa4-597f-4a45-bf53-b73475ba7a2e.aspx?hidetoc=0>.

Г — Савкин камень и крест. Место возможного размещения маркера 4. Личный архив.

Д — дополненное изображение: совмещение изображения креста с прорисовкой надписей. Иллюстрация: Белецкий С.В. Пушкиногорье до Пушкина. С. 249

Александра Хохрина

АРКТИКА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ В.В. КОНЕЦКОГО

А всегда право только море. Оно знает всё.

В.В. Конецкий¹

Имя Виктора Викторовича Конецкого (1929–2002), выдающегося отечественного писателя, киносценариста, художника и капитана дальнего плавания, занесено в Листы памяти «Золотой книги Санкт-Петербурга»² за вклад в отечественное литературное наследие и патриотическую деятельность. В.В. Конецкий успешно совмещал две линии в своей жизни — карьеру мореплавателя и призвание писателя. Большинство его произведений связаны с морскими темами, описывают повседневную жизнь на военном и торговом флоте в 1950-х — 1970-х годах. Кроме того, работы В.В. Конецкого отличаются глубиной осмысливания пути человека в современном мире, тем самым выводя маринистику на уровень классической литературы.

Жизненный путь писателя-моряка начался в Ленинграде в день празднования 130-летия со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Для В.В. Конецкого это совпадение было очень значимым. «У меня никогда не было дня рождения, — говорил он, — он всегда был у Пушкина»³. Начало Великой Отечественной войны его семья встретила на Украине. С августа 1941-го до апреля 1942 года Конецкие были в блокадном Ленинграде. После их эвакуировали по «Дороге жизни» на Большую землю. Из эвакуации в родной город В.В. Конецкий вернулся осенью 1944 года. Через год он поступил в Ленинградское военно-морское подготовительное училище, в 1952-м — окончил Первое Балтийское высшее военно-морское училище. Образование позволило ему работать в морском флоте на аварийно-спасательных судах в Арктике. В 26 лет он стал капитаном.

Как писатель В.В. Конецкий проявил себя в середине 1950-х го-

¹ Конецкий В. Завтрашние заботы. М., 2001. С. 10.

² Имена, занесенные в Листы памяти // Золотая книга Санкт-Петербурга [Электронный ресурс: <https://goldbook-spb.ru/imena/>].

³ Шеваров Д. Размышления о писателе в день его 90-летия // Библиотека Виктора Конецкого [Электронный ресурс: http://www.baltkon.ru/fund/news/detail.php?ELEMENT_ID=1547].

дов, когда был опубликован рассказ «В море» (1956) и вышел первый сборник рассказов «Сквозняк» (1957). Результатом участия писателя во Всесоюзном семинаре молодых прозаиков Северо-Запада (1957) стала рекомендация принять его в Союз писателей СССР.

В 1960-е годы В.В. Конецкого приглашают для работы над киносценариями. В соавторстве им были написаны сценарии к фильмам «Полосатый рейс» (1961) и «Тридцать три» (1965), а также к драме «Путь к причалу» (1962) — экранизации его одноименной повести. Стоит отметить, что сценарии к фильмам по мотивам произведений В.В. Конецкого создавались различными сценаристами при жизни и после смерти автора.

В период работы над книгой «Соленый лед», первой частью романа-странствия «За добной надеждой», В.В. Конецкий был в гостях у С.С. Гейченко. Это произошло зимой 1963–1964 годов. Хранитель Пушкинского Заповедника поделился воспоминанием в письме художнику В.М. Звонцову: «Конецкий всё сочиняет и сочиняет. Девки вокруг него шуруют по хоз. обслуживанию. Готовят, стирают, на цыпочках ходят. Изредка приходит к нам чай гонять и рассказывать разную небывалыщину...»⁴ Для Конецкого приезд в Михайловское стал важным этапом в творчестве. Он особо чтил это место, поскольку любовь к А.С. Пушкину пронес через всю свою жизнь. Вдова известного писателя-мариниста Татьяна вспоминала: «Умирая, Виктор Викторович просил читать ему «Песнь о вещем Олеге»»⁵. Памятные места Псковской земли, связанные с поэтом, были для В.В. Конецкого источником вдохновения.

Работа В.В. Конецкого в морском флоте и его литературная деятельность были неотделимы друг от друга. Как писатель он оставил более пятидесяти произведений, многие из которых изданы не только в России, но и за рубежом. Как мореплаватель он четырнадцать раз прошел Северным морским путем, побывал в различных районах Мирового океана от Арктики до Антарктики. В память о заслугах капитана и писателя уже более 10 лет на борту ледокола «Красин», являющегося петербургским филиалом калининградского Музея Мирового океана, существует экспозиция «Каюты писателя Виктора Конецкого». Деятельность судна-музея направлена на сбор, изучение, хранение, экспонирование и

⁴ В Михайловском: «Была зима, мороз, снега...» // Библиотека Виктора Конецкого [Электронный ресурс: http://www.baltkon.ru/fund/news/detail.php?ELEMENT_ID=1469].

⁵ Шеваров Д. Размышления о писателе в день его 90-летия.

популяризацию памятников морской истории и культуры, включающих в себя всё возможное разнообразие материальных свидетельств истории освоения, изучения и природы Арктики и Мирового океана. В.В. Конецкий никогда не был членом экипажа ледокола «Красин», но с Арктикой связана значительная часть его биографии.

Экспозиция, посвященная В.В. Конецкому, на борту ледокола была создана в 2010 году на основе материалов и при поддержке вдовы писателя-мариниста, генерального директора Морского литературно-художественного фонда имени Виктора Конецкого Т.В. Акуловой-Конецкой. Выбор каюты в качестве выставочного пространства не случаен. Конецкий ходил на многих судах. Однако на каждом из них у него была каюта, в которой он садился за пишущую машинку и творил. Каюта была для него вторым домом.

Согласно концепции, цель экспозиции — погрузить посетителя в атмосферу жизни и творчества писателя-мореплавателя, создать впечатление, что В.В. Конецкий только вышел из каюты и вот-вот вернется, а пока его нет, предлагается на основе представленных экспонатов составить впечатление о писателе, его жизни и творческом пути. После осмотра мемориальной каюты у посетителя должно сформироваться желание снова погрузиться в мир В.В. Конецкого, прочитав его книги.

Центральное место в экспозиции занимает немецкая машинка «Эрика», на которой писатель создал большинство произведений. Среди экспонатов — капитанский китель, карта с маршрутами В.В. Конецкого, копии рукописей (дневников), книги, афиши и кассеты с записями фильмов. Выставка знакомит с творчеством В.В. Конецкого и как художника. На ней представлена написанная им маслом в 2000 году картина «Ледокол в Арктике». Также в каюте можно увидеть яйцо пингвина, подаренное писателю полярниками станции «Молодежная» в Антарктиде, и модель танкера крупной российской судовладельческой компании «Совкомфлот», который в 2005 году был назван именем В.В. Конецкого.

В 2019 году экспозиция пополнилась новыми поступлениями. В каютах-компаниях ледокола «Красин» состоялась пресс-конференция, посвященная памятной дате — 90-летию со дня рождения В.В. Конецкого. Участники мероприятия поделились размышлениями о творчестве писателя, рассказали об издании серии книг и тома избранных произведений. В дар музею Т.В. Акулова-Конецкая передала документы:

свидетельство о внесении имени В.В. Конецкого в Листы памяти «Золотой книги Санкт-Петербурга» и свидетельство о присвоении имени В.В. Конецкого малой планете № 14794. Затем состоялась церемония гашения специально выпущенных к 90-летию со дня рождения В.В. Конецкого Почтой России памятных открыток.

Благодаря сотрудничеству с Морским литературно-художественным фондом имени Виктора Конецкого в настоящее время ледокол «Красин» является одной из главных площадок для проведения мероприятий (конференций, временных выставок), направленных на сохранение памяти о писателе-мореплавателе.

II. «Понемногу сокровища растут...»

Материалы научно-практических чтений «Библиотека в усадьбе» (15–16 апреля 2021 года)

Елена Субботина

«УЧЕНЬЕ — СВЕТ»: УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ XVIII—XIX ВЕКОВ В ФОНДАХ РЕДКОЙ КНИГИ ВСЕРОССИЙСКОГО МУЗЕЯ А.С. ПУШКИНА

Русский книжный фонд Всероссийского музея А.С. Пушкина, насчитывающий на сегодняшний день более семи тысяч единиц хранения, включает в себя уникальные издания XVIII — начала XX веков по самым разным темам и отраслям знаний. Особое место занимает коллекция учебников и учебных пособий, которая начала формироваться с момента основания фонда в 1950-е годы и продолжает пополняться до настоящего времени.

Наличие такого раздела в книжном фонде неслучайно. Одним из филиалов Всероссийского музея А.С. Пушкина является мемориальный Музей-Лицей, посвященный Царскосельскому-Александровскому лицею, одному из передовых учебных заведений России в XIX веке. Для создания экспозиции музея необходимы были учебники и книги, по которым занимались лицеисты, в первую очередь лицеисты первого, «пушкинского» выпуска, а также дублеты книг лицейской библиотеки.

Как известно, Лицей давал своим воспитанникам широкие энциклопедические знания. Обширная программа соединяла гуманитарные и точные науки: большое внимание уделялось изучению словесности, языкам, истории, но и физико-математические науки преподавались на должном уровне. Для успешного осуществления процесса обучения необходимы были самые разные книги, учебники и пособия, которые в

большом количестве заказывались для лицейской библиотеки. После революции книги из лицейской библиотеки были переданы на Урал для вновь открывающихся учебных заведений, но в 1963 и 1977 годах часть лицейских книг, находящихся на тот момент в собрании Уральского университета, была передана в экспозицию Музея-Лицей. В музей вернулись учебники истории (О. Голдсмит «Сокращенная история Греции», 1815; И.М. Шрек «Учебная книга всеобщей истории», 1817–1820), философии (Ф.В.Д. Снелль «Начальный курс философии», 1813–1814), ботаники (Т.Я. Воззвиженский «Начертание практической ботаники», 1815; Я.В. Петров «Начальные основания ботаники для преподаваний», 1815), словесности (Г.Н. Городчанинов «Опыт краткого руководства к эстетическому разбору по части российской словесности», 1813) и многие другие. Это небольшая часть из того, что стоит на книжных полках в Лицее и хранится в фондах музея (*см. Приложение 1 в конце статьи*).

На всех книгах из лицейской библиотеки имеются штампы и экслибрисы: «Библиотека Императорского Александровского Лицея».

Комплектование книжного фонда осуществлялось также с учетом Каталога библиотеки Императорского Александровского Лицея, вышедшего в 1900 году, по которому подбирались дублеты учебников и книг из лицейской библиотеки.

Особое внимание всегда уделялось книгам, написанным лицейскими педагогами. Почти все преподаватели, которых собрал вокруг себя первый директор Лицея В.Ф. Малиновский, стали впоследствии авторами учебников. И.К. Кайданов, А.П. Куницын, Н.Ф. Кошанский, А.И. Галич, П.Е. Георгиевский, Д. де Будри, И.С. Кочетов, Ф.Б. Эльснер написали и издали большое количество учебников и пособий, которыми пользовались на протяжении XIX века не только в Лицее, но также и в других учебных заведениях¹.

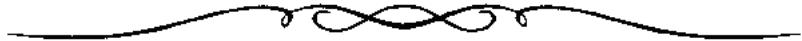
Многие из этих книг хранятся в книжном фонде музея (*см. Приложение 2 в конце статьи*).

Отметим среди учебников, написанных лицейскими педагогами, несколько ценных экземпляров.

В первую очередь необходимо коснуться сочинения Александра Петровича Куницына «Право естественное» (1818–1820). Это конволют из

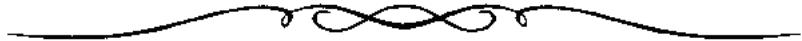
¹ Об учебниках, написанных лицейскими педагогами, см.: Любavin M.A. Лицейские учителя Пушкина и их книги. СПб., 2009.

двух частей в полукоожаном переплете с золототиснением на корешке. В 1816 году А.П. Куницын подал прошение в Конференцию Лицея, в котором сообщал, что намерен напечатать свою рукопись и систематизировать обозрение связи политических наук. В 1818 году книга вышла в свет и даже была назначена к поднесению царю. Но, к несчастью, попала на рассмотрение членам ученого комитета Главного правления училищ Д.П. Руничу и графу И.С. Лавалю и в 1820 году была запрещена и изъята из употребления во всех учебных заведениях, а сам автор был отстранен от службы по Министерству народного просвещения. Об этом свидетельствует запись на первом, дополнительно вплетенном в книгу листе: «За сию книгу автор много пострадал и был отставлен от профессии». На этом же листе дарственная запись самого Александра Петровича Куницына: «Петру Ивановичу Мильевскому. Автор». К сожалению, не удается пока установить личность адресата.

В дальнейшем книга попала в собрание Петра Александровича Ефремова, публикатора и комментатора сочинений русских классиков, редактора, библиографа, литературоведа, страстного библиофила. На форзаце наклеен экслибрис: «Из книг П.А. Ефремова», а внизу корешка золототисненые инициалы: «П.Е.». Уникальное книжное собрание Ефремова, насчитывающее более 24 тысяч томов, после смерти владельца было распродано, часть книг была куплена Академией наук для Пушкинского Дома, другая часть через книжный магазин А.Ф. Фельтена разошлась по частным собраниям. В фондах музея на сегодняшний день хранится более 50 изданий из библиотеки П.А. Ефремова, некоторые из них были переданы в 1950-е годы из Пушкинского Дома, часть поступила из обменного фонда Российской национальной библиотеки, из частных собраний и книжных магазинов. Экземпляр «Права естественного» был приобретен музеем в 1989 году. Книга была выставлена на книжном аукционе магазина № 53 и снята для музея с торгов букинистом Галиной Ивановной Давыдовой. Другой экземпляр «Права естественного», несмотря на цензурный запрет и конфискацию, каким-то образом уцелел в библиотеке Лицея, о чем свидетельствуют штамп и экслибрис: «Библиотека Императорского Александровского Лицея». Далее он побывал на Урале, в Научной библиотеке Уральского государственного университета и в библиотеке Горного института, после чего вернулся в музей.

Еще одна книга лицейского педагога заслуживает особого внимания. Это первая книжка «Извлечения из рукописных исторических

лекций, преподаваемых воспитанникам Императорского Царско-Сельского лицея, профессором, статским советником, Императорской Академии наук корреспондентом и кавалером Иваном Кайдановым» (1832). Экземпляр в простой издательской обложке, на обороте лицевой части которой находится запись: «Из книг А.Ф. Онегина. Paris (не разрез)». Этот экземпляр поступил в музей в 1957 году из Института русской литературы (Пушкинского Дома) вместе с другими экспонатами из уникального собрания Александра Федоровича Онегина-Отто, переданного по завещанию владельца в 1929 году в Пушкинский Дом и, к сожалению, впоследствии разобщенного по различным хранилищам. В настоящее время в книжном фонде Все-российского музея А.С. Пушкина хранится более 50 книг из собрания А.Ф. Онегина-Отто.

В музее хранятся также учебники и пособия XVIII века. Самые ранние из них относятся к периоду петровских преобразований. В это время создается сеть светских школ для подготовки гражданских специалистов, появляются цифирные, русские (в них учили читать и писать по-русски), артиллерийские, горнозаводские школы, школы при Адмиралтействе, при госпиталях. В 1701 году в Москве открывается Школа математических и навигацких наук, а в 1712 Инженерная школа: обе создавались для подготовки офицерских кадров, но имели широкий политехнический профиль. В 1716 году была открыта школа при Петровском заводе в Олонецком крае, были созданы школы в Кунгуре и при Уктуусском заводе, в 1724 году в Екатеринбурге.

На протяжении всего XVIII века в учебных заведениях основным учебником математики была известная «Арифметика» Леонтия Магницкого, вышедшая в свет в 1703 году. Это самая ранняя книга в Русском книжном фонде, поступившая в музей в 1957 году из Института русской литературы.

Учебник «Арифметика, сиречь наука числительная. С разных диалектов на славянский язык переведенная, и во едино собрана, и на две книги разделена» была объектом исследований многих ученых, как книговедов, так и математиков. М.В. Ломоносов считал «Арифметику» Магницкого «вратами своей учености», он получил благодаря ей основы математических знаний. Профессор П.Н. Берков называл «Арифметику» «одним из важнейших явлений книгопечатной деятельности рассматриваемого периода», считал, что «это издание представляет первый и, как указывают специалисты-математики, удачный опыт русской

математической науки»². Ю.Я. Герчук писал: «Наиболее интересной и значительной, в том числе и в художественном отношении, была... знаменитая «Арифметика, сиречь наука числительная». Этот ученый компендиум, составленный по различным зарубежным источникам преподавателем московской Навигацкой школы Леонтием Магницким, далеко выходит в современном понимании за пределы собственно арифметики и излагает основания большой группы математических наук»³.

Нет точных данных о том, где и при каких обстоятельствах узнал и оценил Петр I Леонтия Филипповича Магницкого. Имеются сведения, что он был родным племянником архимандрита Нектария (в миру Николай Теляшин, 1587–1667), устроителя Ниловой пустыни близ Осташкова Тверской губернии⁴. Архимандрит Нектарий, несомненно, был хорошо известен царям Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу. Возможно, что близкий родственник архимандрита был представлен Петру⁵. Где получил Леонтий Теляшин свои знания, неизвестно. Но он произвел на Петра при встрече настолько сильное впечатление, что тот назвал его «магнитом» и дал ему прозвище-фамилию Магницкий «в сравнении того, как магнит привлекает к себе железо, так он природными и самообразованными способностями своими обратил внимание на себя». «Важно то, что в лице Магницкого Петр встретил человека, который самостоятельно, независимо от указаний царя, работал в области светской науки, какой уже тогда считалась математика»⁶. По распоряжению Петра Магницкий был назначен в 1701 году преподавателем Навигацкой школы, и ему было поручено написать «ради народных пользы» учебник математики и навигации на русском языке⁷. Учебник

² Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689 — январь 1725 года / сост. Т.А. Быкова и М.М. Гуревич; ред. и вступ. ст. проф. П.Н. Беркова. М. ; Л., 1958. С. 19.

³ Герчук Ю.Я. Искусство печатной книги в России XVI–XXI веков. СПб., 2014. С. 73.

⁴ Андронов И.К. Первый учитель математики российского юношества Леонтий Филиппович Магницкий // Математика в школе. 1969. № 6. С. 75–78.

⁵ Каменева Т.Н. К истории издания «Арифметики» Магницкого // Книга. Исследования и материалы. Вып. 48. М., 1984. С. 74.

⁶ Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689 — январь 1725 года. С. 19.

⁷ Бородин А.В. Московская гражданская типография и библиотекари Кириановы // Труды института книги, документы, письма. Вып. 5. М. ; Л., 1936. С. 56.

вышел в свет в кратчайший срок, через год и девять месяцев, тиражом 2 400 экземпляров.

Обращаясь к Петру, Магницкий писал:

«И желаем, да будет сей труд
добре пользовать русский весь люд,
Иже да поет богу славу и величит твою державу».

«Арифметика» — это книга форматом во вторую долю листа, шрифты — кириллица трех размеров, цифры в тексте славянские, в примерах, задачах, таблицах — арабские, печать в две краски — черную и красную, страницы в рамках из наборных украшений, в тексте — заставки, концовки, гравюры. На обороте наборного титула помещена виньетка с символическими мотивами, под ней стихи: «Прими, юне, премудрости цветы...» Перед титульным листом помещен фронтиспис, гравированный на меди известным мастером Михаилом Карновским, его же работы на двух вклейках — гравюры на меди: «Сфера мира» и «Роза ветров».

Фронтиспис — сложная композиция, всю верхнюю часть листа занимает двуглавый орел — знак государственного значения и царского заказа книги, внизу — две символические фигуры ученых, Пифагора и Архимеда, вокруг них сундуки, мешки, поскольку арифметика необходима коммерции, кораблик, глобус. Далее следует подробное оглавление «всей яже обретаются в книге сей».

На заставке перед началом текста дано аллегорическое изображение женщины в короне, сидящей на троне, под сенью, укрепленной на восьми «столпах». Трон стоит на возвышении, к нему ведут пять ступеней, они воплощают арифметические действия: счисление, сложение, вычитание, умножение, деление. Колонны портика представляют многообразные математические науки и сферы их применения: геометрия, стереометрия, астрономия, оптика, меркатория, география, фортификация, архитектура, в основании «столпов»: «Арифметика что деет, на столпах то всё имеет».

«Весь учебник, составленный по схеме, изложенной в оглавлении, далеко ушел от своего названия «Арифметика». Все правила подкрепляются примерами на каждое действие, обращает на себя внимание большое количество задач, их условия взяты из жизни, быта, современного Магницкому, много задач и примеров из торговли и военной жизни, строительства⁸. Обширные сведения из навигационного дела

⁸ Каменева Т.Н. К истории издания «Арифметики» Магницкого. С. 79.

делают «Арифметику» предвестником научно-технической литературы. Магницкий писал учебник для навигацкой школы, не отбрасывая возможности использования его и для других учебных заведений, и для самообразования. Эта книга явилась, по словам П.Н. Беркова, «фундаментом для развития в России как собственно математических знаний, так и прикладных, в которых необходимы математические расчеты»⁹. А Ю.Я. Герчук видит наиболее значительную новизну и выдающуюся художественную ценность «Арифметики» Магницкого «в виртуозном и необыкновенно красивом наборе ее сложнейшего математического текста»¹⁰.

Переплет экземпляра «Арифметики», хранящегося в фондах музея, выполнен в традициях допетровского времени, крышки переплета сделаны из досок, обтянутых кожей с тиснением.

Отметим еще одно петровское издание в Русском книжном фонде — «Юности честное зерцало». Как известно, Петр был чрезвычайно заинтересован в выпуске различных пособий, руководств и наставлений, которые составляли в это время основу книгопечатной продукции. В 1717 году выходит в свет подготовленная по указанию Петра книга «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов». Составителем ее предположительно был епископ Рязанский и Муромский Гавриил (Г.Ф. Бужинский), а активное участие в создании принимал сподвижник Петра Яков Брюс.

«Юности честное зерцало» состоит из двух частей, в первой помещены азбука, таблицы словов, цифр и чисел, а также нравоучения из Священного Писания. Первую часть можно считать одним из первых пособий по обучению гражданскому шрифту и арабскому написанию цифр, введенным указом Петра в 1708 году. Вторая часть — это правила поведения для «младых отроков» и девушек дворянского сословия, по сути, первый в России учебник этикета, регламентировавший практически все аспекты общественной жизни, от правил поведения за столом до государственной службы. На долгие годы эта книга стала руководством о правилах хорошего тона и поведения в обществе. Она была настолько популярна, что в том же 1717 году была выпущена еще дважды, а в 1719 году вышло уже четвертое издание.

⁹ Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689 — январь 1725 года. С. 19.

¹⁰ Герчук Ю.Я. Искусство печатной книги в России XVI–XXI веков. С. 75.

В собрании Всероссийского музея А.С. Пушкина хранится четвертое издание 1719 года. Экземпляр сильно обрезан, в красном цельнокожаном позднем переплете, с форзацами из глянцевой мраморной бумаги. На книге сохранился экслибрис с видом Троице-Сергиевой лавры и стертой фамилией. По справочнику Е.А. Розенбладта удалось установить, что этот экслибрис принадлежит Сергею Александровичу Карпову, кадровому военному инженеру, долгие годы преподававшему в военных училищах¹¹. Известно, что С.А. Карпов шесть лет прожил в лавре в качестве преподавателя Военно-электротехнической академии, видимо, поэтому на экслибрисе, выполненному по рисунку Виктора Федоровича Мая в 1925 году, воспроизводится вид лавры. С.А. Карпов обладал небольшой, но хорошо подобранный коллекцией книжных знаков, был членом Ленинградского общества экслибрисистов (ЛОЭ). В апреле 1935 года по случаю спешного отъезда в Астрахань (по другим данным был выслан в Куйбышев на 5 лет), он продал свою коллекцию Б.А. Вилинбахову¹². В собрание музея «Юности честное зерцало» поступило в 1987 году из букинистического магазина «Старая книга № 53».

К следующему периоду российской истории относится учебник, написанный для императора Петра II, — «Сокращение математическое ко употреблению его величества императора всея России» (1728–1730). Авторами его были академики Яков Герман и Жозеф Никола Делиль. Первоначально учебник был написан на французском языке, состоял из трех частей, первая часть содержала арифметику, геометрию и тригонометрию, вторая — астрономию и географию, третья часть касалась фортификации.

Петр II, внук Петра I, сын царевича Алексея и принцессы Шарлотты Брауншвейг-Вольфенбюттельской, в 1727 году становится императором всероссийским, сменив на троне Екатерину I. На тот момент ему исполнилось 11 лет. К нему был приближен барон Генрих Иоганн Остерман, на которого была возложена обязанность руководить научными знаниями юного императора. Остерман разработал программу обучения юного императора, состоящую из древней и новой истории, географии, математики и геометрии, и представил ее Верховному Совету: «Читать историю и вкратце главнейшие случаи прежних времен, перемены, при-

---

¹¹ Розенбладт Е.А. Художественные экслибрисы частных лиц России. СПб., 2012. С. 251.

¹² Записки о коллекционерах и коллекциях экслибрисов в СССР. СПб., 2003. С. 18–19.

ращение и умаление разных государств, причины тому, а особливо добродетели правителей древних с воспоследовавшою потом пользою и славою представлять. И таким образом можно во время полугода пройти Ассирийскую, Персидскую, Греческую и Римскую монархии до самых новых времен, и можно к тому пользоваться автором первой части исторических дел Яганом Гибнером, а для приискивания — так называемым Билдерзаалом... Новую историю трактовать и в оной по приводу г. Пуфendorфа новое деяние каждого, и особливо пограничных государств, представлять, и в прочем известие о правительствующей фамилии каждого государства, интересе, форме правительства, силе и слабости по малу подавать... Географию отчасти по глобусу, отчасти по ландкартам показывать, и к тому употреблять краткое описание Гибнерово... Математические операции, арифметика, геометрия и прочие математические части и искусств из механики, оптики и проч.»¹³ План обучения был подробно расписан по дням недели и по часам, помимо занятий он включал в себя также и развлечения, бильярд, охоту, прогулки, танцы и концерты. В дальнейшем предполагалось изучение новой истории или статистики, политики, военного искусства, древней истории, арифметики и геометрии, космографии, физических знаний, архитектуры. К этой программе Феофан Прокопович добавил также рассуждение, «коим образом и порядком надлежит багрянородного отрока наставлять в христианских законах»¹⁴. Остерман пытался дать своему ученику более или менее полное образование, но программа обучения Петра II не отличалась особенной последовательностью, а молодой император не любил учиться, предпочитая увеселительные прогулки и охоту. Полностью осуществить программу обучения не удалось: не достигнув в пятнадцатилетнего возраста, Петр II в 1730 году умер от оспы.

В 1730 году учебник был переведен на русский язык и использовался впоследствии в учебных заведениях России.

В книжном фонде Всероссийского музея А.С. Пушкина представлена только третья часть учебника. Этот экземпляр происходит из собрания Моисея Семеновича Лесмана, музыканта, пианиста, известного библиофила-коллекционера. До войны М.С. Лесман собрал библиотеку, состоящую из прижизненных изданий русских поэтов конца XIX —

¹³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1963. Т. 19. С. 93–94.

¹⁴ Глинский Б.Б. Царские дети и их наставники. Ростов-на-Дону, 1997. С. 86.

начала XX века, поэтических сборников, редких изданий XVIII–XIX веков, рукописей: она насчитывала около семи тысяч экземпляров. Из осажденного Ленинграда удалось вывезти и спасти только рукописи, а библиотека погибла во время блокады, книги были расхищены и распроданы. От собрания осталось лишь десятка полтора книг и картотека. Свои книги М.С. Лесман помечал небольшим значком в верхней части титульного листа, многие букинисты его хорошо знали и откладывали для М.С. Лесмана такие книги, принесенные в магазины для продажи. Таким образом, часть книг удалось всё же вернуть, но далеко не все, многие разошлись и попали к новым владельцам. В собрании музея хранится ряд книг, принадлежавших ранее М.С. Лесману, купленных после войны в различных букинистических магазинах и у самого коллекционера, некоторые книги были подарены музею.

«Сокращение математическое» поступило в музей в 1972 году из магазина «Академкнига». Экземпляр в издательской обложке из плотной мраморной бумаги, на свободный лист перед титулом вклеена записка М.С. Лесмана с ссылками на различные каталоги, где это издание упоминается и характеризуется как чрезвычайно редкое, есть ссылки на «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века», на Березина-Ширяева, Битовта: «Напечатано в 1730 г. см. сводн. кат. т. I № 1399. Напечатано 300 экз. Большая редкость... Битовт № 550. Величайшая редкость... Родос № 43. Очень редка... Бер. Шир. VIII. 14. ... Чрезвычайно редкое издание... Отчет Публ. библ. за 1870 стр. 137».

На титульном листе есть еще штамп библиотеки Педагогического института имени П.Г. Шелапутина, учебного заведения, созданного в 1911 году в Москве на средства промышленника, общественного деятеля и благотворителя Павла Григорьевича Шелапутина. Здания института, построенные по проекту архитектора Р.И. Клейна, были хорошо оборудованы: имелись просторные учебные кабинеты, музей, библиотека, составленная из уникальных книг, переданных Павлом Григорьевичем. Учебное заведение просуществовало до 1917 года, впоследствии было реорганизовано.

В книжном фонде музея хранится еще один учебник со штампом Педагогического института имени П.Г. Шелапутина, в штамп от руки вписано: «От семьи П.А. Баринова в 1917 г.» Это второе издание известного «Письмовника» Николая Гавrilовича Курганова (Книга, Письмовник, А в ней наука российского языка с семью присовокуплениями, разных учебных и полезных веществовий. Во граде св. Петра: Книгопе-

чатия Морского общества благородных юношей, 1777). Николай Гаврилович Курганов (1725 или 1726–1790 или 1796), ученик Л.Ф. Магницкого, русский просветитель, педагог, математик, военный моряк, был выходцем из среды разночинцев. В 1741 году он окончил Школу математических и навигацких наук, впоследствии учился в Петербургской морской академии, а после завершения обучения преподавал в Морском корпусе. Он был автором и составителем ряда учебников, среди которых «Письмовник» занимает особое место. Это пособие включало в себя русскую грамматику, справочник по классической мифологии, словарь иностранных слов, сборники анекдотов, народных пословиц и поговорок, примеры народной поэзии, избранные стихотворения крупнейших русских поэтов XVIII века. «Письмовник», опубликованный впервые в 1769 году, пользовался огромной популярностью, переиздавался под разными заглавиями 11 раз.

Помимо второго издания «Письмовника» 1777 года, поступившего в музей в 1988 году в составе уникального книжного собрания известного ленинградского библиофила Всеволода Александровича Крылова, в книжном фонде музея представлены еще четвертое издание 1790 года, седьмое 1802–1803 года, восьмое 1809 года, девятое 1818 года и одиннадцатое — 1837 года.

Из собрания В.А. Крылова поступило в музей также третье издание учебника «Арифметика, или Числовник» (1776), написанного Н.Г. Кургановым и впервые вышедшего в 1757 году. «Арифметика» Курганова вытеснила во второй половине XVIII века из школ устаревший учебник Л. Магницкого. На титульном листе читаем: «В пользу всякаго учащагося, воинскаго, статскаго и купеческаго юношества». Автор объясняет причину издания книги недостаточностью и малой пригодностью существующего материала. Он переработал «Универсальную арифметику», выпущенную им ранее, оставив в учебнике только всё, касающееся действий с цифрами, расположив материал в более удобном порядке и снабдив пояснениями, способствовал распространению в России метода преподавания математики, предложенной Л. Эйлером.

Помимо книг Н.Г. Курганова, в коллекции В.А. Крылова были еще учебники музыки (И.Ф. Гельд. Школа для семиструнной гитары. СПб., 1802), рисования (С.И. Кириллов. Руководство к познанию живописи, 1819), татарского языка (С.Х. Хальфин. Азбука татарского языка с обстоятельным описанием букв и складов, 1778), словесности (Краткие правила российской грамматики, 1773; М.М. Тимаев. Начертание

курса изящной словесности, 1832), биологии (Д.М. Велланский. Биологическое исследование природы в творящем и творимом ея качестве, 1812)¹⁵.

В Русском книжном фонде в настоящее время хранится более 50 изданий учебников и пособий XVIII века, изданных при Академии наук, при Московском университете, при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе, в типографии Н.И. Новикова, для народных училищ, для семинарий, для морских училищ. Это учебники, написанные М.В. Ломоносовым, С.Е. Гурьевым, В.Ф. Зуевым, М.Е. Головиным, И.Ф. Гакманом, Н.Н. Бантыш-Каменским, Я.П. Козельским, М.Я. Клевецким, Т.С. Мальгиным, И.С. Рижским, С. Назаровым, Ф.И. Янкович де Мириево.

Коллекция учебников насчитывает около 300 единиц хранения, она продолжает пополняться. Последнее приобретение — это учебник английского языка, изданный для Императорского Александровского Лицея В.В. Скоттом и Ф.В. Бреем.

---

¹⁵ Собрание В.А. Крылова. СПб., 2013. С. 153–154.

Приложение 1

Учебники из Императорского Александровского Лицея

Бредов, Габриэль Готфрид (1773–1814)

Достопамятные произшествия, во всемирной истории, описаныя Г.Г. Бредовым: для начального учения истории; особенно же в уездных и приходских училищах / перевел с немецкаго Михайла Зубакович, учитель уезднаго при Санктпетербургской губернской гимназии училища. В Санктпетербурге: в типографии Правительствующаго сената, 1814. [8], IV, [4], 176 с.

PKP 3431 КП 27142/193

Воздвиженский, Тихон Яковлевич (1764–1827)

Начертание практической ботаники : В пользу юношества обучающегося ботанике в Рязанской Губернской Гимназии / Трудами Учителя Натуральной Истории К.А. Тихона Воздвиженского. Москва: В Губернской Типографии у А. Решетникова, 1815. [4], X, 95, [1], 16 с.

PKP 2992 КП 26477/22

Голдсмит, Оливер (1728–1774)

Сокращенная история Греции / Сочинение Голдшида; Перевел с английскаго, в пользу училищ, Алексей Огинский. Санктпетербург: В типографии И. Иоаннесова, 1814–1815.

Ч. 1. 1814. [8], XVIII, 521, [9] с.

Ч. 2. 1815. [4], 320, [5] с.

Ч. 1–2 PKP 3465 КП 27142/227; Ч. 2 PKP 3496 КП 27142/258

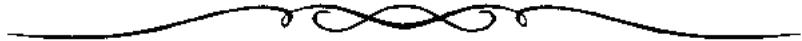
Городчанинов, Григорий Николаевич (1772–1852)

Опыт краткого руководства к эстетическому разбору по части российской словесности в пользу и употребление обучающеся в Казанском учебном округе юношества, сочиненный Григорием Городчаниновым. Казань: В Университетской типографии, 1813. [8], 38 с.

PKP 3187 КП 26477/217

Кукольник, Василий Григорьевич (1765–1821)

Начальныя основания римского гражданского права: Для руководства в преподавании онаго на публичных курсах / Сочинение Василия

Куколника, свобод. худож. философии и обоих прав доктора, в Императ. С. Петерб. педагог. институте умозрительной и опытной физики и сельского хозяйства; в Вышшем училище правоведения римского права профессора публ. ордин. комитета испытаний, и ученых обществ Императ. Вольного экономического, и Московского физико-медицинского, иностранных же Альтенбургского ботанического и Енского минералогического члена, Императ. Медико-хирургической академии корреспондента. Санктпетербург: в Медицинской типографии, 1810. [2], X, 291, [1] с.

PKP 3221 КП 26477/251

Лодий, Петр Дмитриевич (1764–1829)

Логические наставления руководствующия к познанию и различению истинного от ложного: В пользу студентов Санктпетербургского педагогического института / Сочиненный онаго института ординарным профессором, словесных искусств и философии доктором, коллежским советником Петром Лодием. В Санктпетербурге: В типографии Иос. Иоаннесова, 1815. [6], XXXIX, [I], 307, [4], 308–480, [6] с.

PKP 3427 КП 27142/189

Мантель, Эдм (1730–1815)

Всеобщая история для училищ и пансионов, сочиненная г. Мантелем, членом Парижского института, на французском языке, разделенная на эпохи и умноженная примечаниями, почерпнутыми из сочинений г. Боссюэта. Москва: в типографии А. Всейкова и компаний, 1811–1812.

Ч. 3. 1812. [4], 205 с.

PKP 3456 КП 27142/218

Новейший географический учитель, научающий детей познанию математической, физической и политической географии, и содержащий в себе новейшие землеописания Европы, Азии, Африки, Америки и пр. в нынешнем каждого государства состоянии. Le plus nouvel géographique récépteur... / По новейшему разделению сочиненный на французском языке г. Мантелем, членом французского института и первым географом голландского короля, а на российский переведенный А... В... Москва: в Губернской типографии, у А. Решетникова, 1811.

Ч. 3. 1811. 101, [1] с.

Ч. 4. 1811. 125, [1] с.

Ч. 3–4 PKP 3493 КП 27142/255

Петров, Язон Васильевич (1781–1844)

Начальные основания ботаники для Преподаваний. Санктпетербург: в Императорской Типографии, 1815. [6], 346, [5] с., 9 л. ил.
РКР 3485 КП 27142/247

Рижский, Иван Степанович (1759–1811)

Опыт риторики, / сочиненный и ныне вновь исправленный и пополненный Иваном Рижским. Издание третье. Москва: в Университетской типографии, 1809. 381 с.

РКР 3038 КП 26477/68

Снелль, Фридрих Вильгельм Даниель (1761–1827)

Начальный курс философии / Соч. г. Снелля; С немецкаго языка на российский перевели, и с некоторыми примечаниями и прибавлениями издали Императорскаго Казанскаго университета адъюнкты: умозрительной и практической философии Александр Лубкин и политической экономии и исторических наук Петр Кондырев. Казань: в Университетской типографии, 1813–1814.

Ч. 1: Эмпирическая психология, или Наблюдательное душесловие / С немецкого языка с некоторыми примечаниями и прибавлениями перевел Императорскаго Казанскаго университета адъюнкт философии Александр Лубкин. 1813. [8], 136 с.

Ч. 2: Логика и краткая метафизика / С немецкого языка с некоторыми примечаниями и прибавлениями перевел Императорскаго Казанскаго университета адъюнкт философии Александр Лубкин. 1813. [2], 134 с.

Ч. 4: Нравоучение и право естественное / С немецкого языка с некоторыми примечаниями и прибавлениями перевел Императорскаго Казанскаго университета адъюнкт политической экономии и наук исторических Петр Кондырев. 1814. 136 с.

Ч. 5: Нравственное вероучение и обозрение истории философии. 1814. 64 с.

Ч. 1 РКР 3475 КП 27142/237; Ч. 2 РКР 3476 КП 27142/238; Ч. 4 РКР 3211 КП 26477/241; Ч. 5 РКР 3212 КП 26477/242

Шрек, Иоганн Матиас (1733–1808)

Учебная книга всеобщей истории, / сочиненная И. М. Шреком в пользу и наставление юношества; Переведена старшим учителем С.-Петербургской губернской гимназии коллежским асессором

Е. Константиновым: С присовокуплением синхронистических таблиц к
каждому периоду и особенной краткой Российской истории : В 4 [!5] ч.
Ч. 1–5 / Шестым на немецком языке тиснением изданная, исправленная,
дополненная и доведенная до новейших времен К.Г.Л. Пелицом. Сан-
ктпетербург: В типографии И. Глазунова, 1817–1820.

Ч. 2. 1817. [2], 146 с., 6 л. табл.

PKP 3469 КП 27142/231

Приложение 2

Учебники и учебные пособия, составленные преподавателями Лицея

Будри, Давид Иванович де (1756–1821)

Первые основания французского языка, или Новая грамматика: В пользу российского юношества, с присовокуплением разных примечаний на отношение обоих языков, одобренная Главным училищ правлением и принятая в Педагогическом институте, в С.П.Г. гимназии и некоторых других воспитательных заведениях / Сочиненная Д. де Будри, профессором в Императорском лицее и в Институте благородных девиц ордена с. Екатерины. С. Петербург: печатана в Сенатской типографии, 1811–1812.

Ч. 1. 1811. [4], 185, [3] с., [2] л. табл.

Ч. 2. 1812. [4], 139, [13] с., [2] л. табл.

Ч. 1 ПКР 3464 КП 27142/226; Ч. 2 ПКР 3915 КП 27301/215

Галич, Александр Иванович (1783–1848)

История философских систем, / По иностранным руководствам, составленная и изданная Главного педагогического института экстраординарным профессором Александром Галичем; В двух книгах. Санктпетербург: Печатано в типографии М. Иверсена, 1818–1819.

[Кн. 1]: [Содержащая в себе древнюю и среднюю историю]. 1818. XII, [2], 330 с.

[Кн. 2]: [Содержащая в себе историю новейшей философии]. 1819. X, 340, [2] с.

Кн. 1–2 ПКР 2993 КП 26477/23, ПКР 3461 КП 27142/223; ПКР 4076 КП 27301/342; Кн. 2 ПКР 2928 КП 26241/2928

Картина человека : Опыт наставительного чтения о предметах самопознания для всех образованных сословий, начертанный А. Галичем. Санктпетербург: В типографии Императорской Академии наук, 1834. [4], XI, [3], 677 с.

ПКР 4077 КП 27301/343

Логика, выбранная из Клейна, А. Галичем. Санктпетербург: В типографии Александра Смирдина, 1831. [4], 155 с.

PKP 5960

Георгиевский, Петр Егорович (1791–1852)

Руководство к изучению русской словесности, содержащее в себе: Общия понятия об изящных искусствах, Теорию красноречия, Пиитику и Краткую историю литературы, / составленное профессором Императорского Царскосельского лицея и Императорского Училища правоведения Петром Георгиевским: В четырех частях. Санктпетербург: В типографии И. Глазунова, А. Смирдина и К°, 1836.

Ч. 1: Общия понятия об изящных искусствах. 1836. [6], 95 с.

Ч. 3: Пиитика. 1836. [6], 239 с.

Ч. 4: История литературы. 1836. [4], 309, [7] с.

Ч. 1 PKP 4084 КП 27301/350; Ч. 3 PKP 4085 КП 27301/351; Ч. 4 PKP 1547 КП 26241/1547

Кайданов, Иван Кузьмич (1782–1843)

Извлечение из рукописных исторических лекций, преподаваемых воспитанникам Императорского Царско-Сельского лицея, профессором, статским советником, Императорской Академии наук корреспондентом и кавалером Иваном Кайдановым : Книжка [1]–2. Санктпетербург: У книгопродавца Ивана Сленина (В типографии Департамента народного просвещения), 1832–1839.

[Книжка 1]. 1832. [8], 141 с.

PKP 2183 КП 26241/2183

Краткое изложение дипломатии Российского двора, со времени восшествия на Всероссийский престол дома Романовых до кончины государя императора Александра I / Составлено профессором в Императорском Царско-Сельском лицее, Императорской Академии наук корреспондентом, статским советником и кавалером Иваном Кайдановым. Ч. 1–2. В Санктпетербурге: В типографии Департамента народного просвещения, 1833.

Ч. 1.: Пространство времени: от восшествия на Всероссийский престол государя царя и великого князя Михаила Феодоровича до времен государыни императрицы Екатерины II. 1613–1762 г. 1833. XVI, 189 с., 1 л. фронт. (портр.).

Ч. 2.: Пространство времени: от восшествия на Всероссийский престол государыни императрицы Екатерины II до кончины государя императора Александра I. 1762–1825. 1833. IV, 240 с.

Ч. 1–2 PKP 1394 КП 26241/1394, PKP 4245 КП 27301/511

Краткое начертание всемирной истории с принадлежащими к нему большими хронологическими таблицами, сочиненное для руководства при первоначальном изучении истории, Императорского Царскосельского лицея профессором Иваном Кайдановым. Санктпетербург: в типографии Н. Гречи, 1822. X, 90, XII с., [3] л. табл.

PKP 3468 КП 27142/230

Начертание истории Государства Российского, / составленное профессором исторических наук в Императорском Царско-Сельском лицее, Императорской Академии наук корреспондентом, статским советником и кавалером Иваном Кайдановым. Издание второе, исправленное. Санктпетербург: У книгопродавца Ивана Сленина (В типографии Департамента народного просвещения), 1830. [6], X, 447 с., 1 л. табл.

PKP 5968 КП 38339

Основания всеобщей политической истории: Ч. 1–. В Санктпетербург: печатано при Императорской Академии Наук, 1814.

Ч. 1.: Древняя история: Изданная по повелению Министерства народного просвещения в пользу воспитанников Императорского Царско-Сельского лицея адъюнкт-профессором Иваном Кайдановым. 1814. [8], XX, 441, [5] с., 5 л. табл.

PKP 5941 КП 38337

Руководство к познанию всеобщей политической истории: Ч. 1–. Санктпетербург: В типографии Иосифа Иоаннесова, 1817.

Ч. 1: Древняя история: изданная для воспитанников Императорского Царско-Сельского Лицея и учрежденного при нем Благородного пансиона всеобщ. полит. истории и статистики ординарным профессором 7-го класса Иваном Кайдановым. 1817. [4], XX, 196, 11 с., 2 л. табл.

PKP 5869 КП 31277, PKP 3466 КП 27142/228

Руководство к познанию всеобщей политической истории, / сочиненное профессором Императорского Царскосельского Лицея,

С. П. бургского Общества любителей словесности, наук и художеств действительным членом, коллежским советником и кавалером Иваном Кайдановым. Третье издание, исправленное и дополненное. В Санктпетербурге: У книгопродавца Ивана Сленина (В типографии департамента народного просвещения), 1826–1827.

Ч. 1: Древняя история. 1826. [8], XVII, [1], 228, [1] л. табл.

Ч. 3: История новая, или трех последних веков. Продолженная до 1818 года. 1827. [4], VIII, 392, [1] л. табл.

Ч. 1 РКР 497 КП 26241/497; Ч. 3 РКР 498 КП 26241/498, РКР 2994 КП 26477/24, РКР 4246 КП 27301/512

Руководство к познанию всеобщей политической истории, сочиненное профессором исторических наук в Императорском Царскосельском Лицее, Императорской Академии наук корреспондентом, статским советником и кавалером Иваном Кайдановым. Изданье четвертое. Ч. 1–3. В Санктпетербурге: В типографии Департамента народного просвещения., 1831.

Ч. 1: Древняя история. 1831. XXIII, [1], 206 с., [1] л. табл.

РКР 2062 КП 26241/2062

Карцов Яков Иванович (1784–1836)

Шрадер, Готлиб Фридрих (1763–?)

Начальные основания физики, изданные Главным правлением училищ: Для употребления в гимназиях Российской империи / [Пер. студентами Пед. ин-та Я.И. Карзовым и Ефремовым]. Ч. 1–2. В Санкт-Петербурге: При Императорской Академии Наук, 1807–1808.

Ч. 1: Об общих свойствах тел. 1807. [2], 122 с.

Ч. 2: Об особенных или частных свойствах тел. 1808. [5], 126–548, [4] с., 6 л. черт.

РКР 1374 КП 26241/1374, РКР 2775 КП 26241/2775

Кочетов, Иоаким Семенович (1787–1854)

Черты деятельности учения веры: Из уроков Императорского Царскосельского лицея и учрежденного при нем Благородного пансиона. Ст. Петербург: в типографии Карла Крайя, 1824. [14], VIII, 276, [2] с.

В конце посвящения авт.: Царскосельского лицея законоучитель священник Иоаким Кочетов.

РКР 5949 КП 37978

Кошанский, Николай Федорович (1785 или 1784–1832)

Общая реторика / [Соч.] Н. Кошанского. Издание второе. Санктпетербург: При Императорской Академии наук, 1830. [2], 125 с., 1 л. табл.
PKP 2721 КП 26241/2721

Частная реторика / [Соч.] Н. Кошанского. Санктпетербург: при Императорской Академии наук, 1832. [2], XII, 162 с., 1 л. табл.
PKP 2184 КП 26241/2184

Частная реторика / [Соч.] Н. Кошанского. Издание четвертое. Санктпетербург: в типографии Министерства внутренних дел, 1837. [2], 163, XI с., 1 л. табл.

PKP 3984 КП 28093

Корнелий Непот (ок. 99 — ок. 32 до н. э.)

Корнелий Непот, О жизни славнейших полководцев: С замечаниями, хронологическою таблицей и двумя словарями 1) для географии; 2) для слов. Издание учебное, очищенное, Н. Кошанского, докт. фил. над. сов. и профес. Лицея. Санктпетербург: в Медицинской типографии, 1816. [6], 268, [2] с.

PKP 2179 КП 26241/2179, PKP 3577 КП 22818

Корнелий Непот, О жизни славнейших полководцев: С замечаниями, хронологическою таблицей и двумя словарями 1) для географии; 2) для слов: Издание учебное, очищенное, Н. Кошанского, док. фил. стат. сов. и профес. Лицея. Санктпетербург: в типографии Императорской Академии наук, 1849. [4], 207 с.

PKP 2927 КП 26241/2927

Федр (I в. н. э.).

Басни Федра / Изд. Кошанским, профессором Лицея. Санкт-Петербург: Мед. тип., 1814. [10], 200 с.

PKP 2926 КП 26241/2926

Цветы греческой поэзии / Изданные Николаем Кошанским, доктором философии, надворным советником и профессором российской и латинской словесности при Императорском Царскосельском лицее. Москва: в Университетской типографии, 1811. [4], XXVIII, 363, [3] с.

PKP 3483 КП 27142/245

Эшенбург, Иоганн Иоахим (1743–1820)

Ручная книга древней классической словесности, содержащая: I. археологию, II. обозрение классических авторов, III. мифологию, IV–V. древности греческие и римские, собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским: Т. 1–2. Санкт-Петербург: в типографии В. Плавильщика, 1816–1817.

Т. 1. 1816. [4], VI, VIII, 512 с.

Т. 2. 1817. [4], VIII, [2], 476 с.

Т. 1 PKP 3151 КП 26477/181; Т. 2 PKP 3152 КП 26477/182

Куницын, Александр Петрович (1783–1840)

Изображение взаимной связи государственных сведений / Профессор Александр Куницын. Санктпетербург: в типографии Иос. Иоаннесова, 1817. 30 с.

PKP3460 КП 27142/222

Наставление воспитанникам, / читанное при открытии Императорского Царско-Сельского лицея, в присутствии его императорского величества и августейшей фамилии. Октября 19 дня 1811 года. Адъюнкт-профессором Александром Куницыным. Санктпетербург: в Медицинской типографии, 1811. 8 с.

PKP 3450 КП 27142/212

Наставление воспитанникам, / читанное Александром Куницыным, Адъюнкт-профессором нравственных наук // Речи, произнесенные при открытии Императорского Сарско-Сельского лицея, в присутствии его императорского величества и августейшей фамилии. Октября 19 дня 1811 года. Санктпетербург: В Медицинской типографии, 1811. С. 3–12.

PKP 5089 КП 28755

Право естественное / Сочиненное профессором Императорского Лицея Александром Куницыным. Санктпетербург: в типографии Иос. Иоаннесова, 1818–1820.

[Ч. 1]: [Чистое право; Условное право]. 1818. [2], III, 1–128, 127–135, [3] с.

Ч. 2: Право прикладное. 1820. [6], 164, 12, [4] с.

Ч. 1 PKP 6856 КП 38307; Ч. 1–2 PKP 5695 КП 29788, PKP 6800 КП 37935

Скотт, Вальтер Васильевич, Брей, Федор Васильевич

Практический английский учебник. 7-е издание. Петроград: Типография Тренке и Фюсно, 1915.

Ч. 1. 1915. X, [2], 300 с.

PKP 7153 КП 39622

Практический английский учебник. 8-е издание. Петроград: Типография Тренке и Фюсно, 1917.

Ч. 1. 1917. X, 302 с.

PKP 6939 КП 38666

Эльснер, Федор Богданович (1770–1832)

Курс военно-строительного искусства, составленный инженер-генерал-майором бароном Эльснером, разсмотренный и изданный при Главном инженерном училище / Перевод инженер капитана Ломновского. Санктпетербург: В типографии Н. Греча, 1827–1831.

Ч. 1. 1827. [4], XVI, 421 с.

Ч. 2. 1831. XXVIII, 566 с., 3 л. табл.

Ч. 1 PKP 4930 КП 36781; Ч. 2 PKP 4931 КП 36782

ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XVIII ВЕКА КАК ПЕРИОД В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КНИГИ

Первая четверть XVIII века обычно не привлекает самостоятельного внимания в истории книги. Действительно, она почти не отмечена яркими событиями. Конец XVII века по всей Европе был временем глубокого кризиса книжного дела, и в начале нового века он продолжался. Символично, что главная фирма предыдущего столетия — Эльзевиры — в Амстердаме к 1700 году уже не существовала, а в Лейдене доживала последние годы. В истории немецкой книги весь XVII и половина XVIII века так и называется «эпохой упадка». Во Франции эта эпоха была чуть короче: по выражению Роже Лофе, «упадок (*le marasme*) продолжался до Регентства»¹, то есть до конца десятих годов, а начался он по меньшей мере со времени Мазарини. Людовик XIV книгой почти не интересовался, сам мало читал и больше был озабочен цензурой, да и то не лично². Весь XVII век во Франции не было ни одной словолитни, а в Амстердаме, как доносили в 1707 году Петру Великому, их было две, и они держали монополию на всю Европу³. В Англии в 1693 году сняли строгие ограничения на типографское ремесло, но после этого ничего примечательного не происходило до появления Уильяма Кэслона, то есть до середины 20-х годов. И только в России произошло действительно революционное событие: создание гражданского шрифта.

Правда, в том же 1693 году состоялся акт заботы Людовика XIV о книге: парижская Королевская типография была переведена в Лувр, где сам король, как известно, почти не появлялся, и началась деятельность «комиссии Жожона», чьей задачей было составление полноценного описания типографского ремесла для капитального издания «Описание и усовершенствование искусств и ремесел»⁴. Задачу выполнить не удалось, как и разработать удовлетворительную систему типометрии. Од-

¹ Laufer R. Les espaces du livre // L'histoire de l'édition française. Т. 2. Paris, 1984. Р. 129.

² Martin H.-J. La direction des lettres // Ibid. Р. 66–68.

³ Ефимов В.В. Гражданский шрифт и кириллический Киш // Шрифт. 3.09.2013 [Электронный ресурс: <https://typejournal.ru/articles/Civil-Type>].

⁴ Martin H.-J. Les styles typographiques // L'histoire de l'édition française. Т. 2. Р. 123.

нако благодаря обновлению типографии во Франции появился пунсонист Филипп Гранжан, разработавший новый шрифт — «королевскую антикву».

Между тем, в истории первая четверть XVIII века — период весьма значимый. Прежде всего, он начался с двух войн, в совокупности охвативших всю Европу: Войны за испанское наследство и Северной. Война за испанское наследство разделила двадцатипятилетие для Западной Европы на две части, знаменуя конец «великого века». Ее итогами стали уход Испании на задний план европейской политики и возвышение Англии, а также конец векового противостояния Франции и Нидерландов, определявшего всю политику Людовика XIV. Война окончилась в 1714 году. Затем последовала смерть королевы Анны и смена династии в Англии, а год спустя — кончина французского короля и начало Регентства. Этот период имел не только политические, но и культурные последствия.

В том, что Регентство — особый период в культуре, сомневаться не приходится. Заметим, что Людовик XIV пережил не только всех своих совершеннолетних наследников, но и почти всех великих людей своего времени: Буало умер в 1711 году (как и Великий Дофин), полуопальный Фенелон — в начале 1715-го, остальных не было уже давно. Лидерами французской литературы остались почти шестидесятилетний Бернар де Фонтенель и Шарль-Антуан Удар де Ламот — оба из лагеря «новых», противников Буало. Крупнейшим из живописцев остался Антуан Куапель. Французская наука не имела в тот момент имен, равных Ньютону, Лейбничу или хотя бы Бернули. Только в музыке еще продолжал работать Франсуа Куперен, прозванный великим при жизни и сохранившим репутацию великого композитора у потомков.

Регентство достаточно скоро дало новые имена. К 1718 году относится первый настоящий успех Вольтера (трагедия «Эдип»), годом раньше написал «Паломничество на остров Киферу» Ватто. В 1721 году вышли в свет «Персидские письма» Монтескье. В 1722 году в Париж приехал Рамо; тогда же он издал свой «Трактат о гармонии», который лег в основание классической музыки. К Регентству же принято относить начало эпохи рококо в архитектуре и декоративном искусстве, но пока не в книжном деле.

Между тем, уже в 1721 году умер Ватто, непосредственные продолжатели которого сильно уступали ему в таланте. В 1723 году скончался регент Филипп, в 1725-м — Петр Великий, а в 1727-м, почти одновре-

менно, Георг I и Ньютон. Забегая вперед, скажем, что через этот рубеж не перешло и большинство иллюстраторов того времени.

С другой стороны, в 1726 году в Англию приехал Вольтер и начал перенимать местные идеи. Он переслал во Францию вышедшие в том же году «Путешествия Гулливера», а в 1732 году опубликовал «Философические письма» (первоначально «Английские»), после которых на его родине наступил стремительный крах картезианства в пользу сенсуализма Локка и физики Ньютона. Тогда же набрал силу Франсуа Буше. Границы культурных периодов, безусловно, не приурочиваются к точным датам, и всё же Регентство и первые годы самостоятельного правления Людовика XV представляют собой нечто завершенное, а время между ними и началом тридцатых годов — переходное.

Было бы странно, если бы такое в напряженное время не произошло ничего значимого в области книги. Кое-что из этого удалось заметить.

Во-первых, нужно еще раз сказать об уже упомянутой комиссии Жожона. Единственным осязаемым результатом ее деятельности была «королевская антиква». Она не могла получить распространения, поскольку право пользоваться ею имела только Королевская типография. Тем не менее, разработка принципиально новой гарнитуры впервые за сто с лишним лет во Франции и после долгого перерыва во всей Европе означала выход из долгого застоя. Шрифт создавался на математической основе; разработчик его пропорций Жиль Фийо де Бийетт был корреспондентом Лейбница. Трудно сказать, прав ли был В.В. Ефимов, предполагая, что пример Людовика XIV послужил примером для Петра⁵ — во всяком случае, гражданский шрифт был хронологически следующей крупной, хотя и крайне своеобразной, шрифтовой разработкой. С другой стороны, шрифт Гранжана органически связан с эстетикой Великого века и в некотором смысле является его завершением. А.-Ж. Мартен недаром сравнивал его по стилю с колоннадой Лувра Клода Перро⁶, созданной на двадцать лет раньше. Действительно, прямая линия верхних засечек — характерный признак этого шрифта — создает явную ассоциацию с классическим антаблементом, а именно антаблемент подчеркнут в колоннаде Перро.

Неудачные опыты усовершенствования типографского дела, предпринятые как комиссией, так и последующими начальниками Коро-

⁵ См.: Ефимов В.В. Гражданский шрифт и кириллический Киш.

⁶ Martin H.-J. Les styles typographiques... P. 124.

левской типографии, тоже примечательны. Во-первых, они, как и разработка нового шрифта, говорят о том, что книжное дело снова стало объектом приложения мысли, пусть даже подчас эта мысль и действовала вхолостую. Предлагались, например, сложные ненужные изобретения, о которых много лет спустя с иронией писал Фурнье: машина из тридцати частей, чтобы вставить матрицу в форму, когда это легко можно сделать тремя пальцами⁷. Не удалась и разработка типометрической системы (которую в тридцатые годы выполнил, как известно, именно Фурнье). Вероятно, изобретатели были связаны в данном случае целостными образами гарнитур, каждая из которых, казалось, требовала своих пропорций, — как физиков XVII века связывали предпосылки философских систем. На практике печатники приходили к тому, что на глаз устанавливать пропорции надежнее. Но примечательно, что задача унификации была уже поставлена. Обратили внимание, что одни шрифты лучше читались в малых кеглях, другие в крупных, и не удавалось свести их к «одному основанию», как требовало мировоззрение нарождавшейся эпохи. Получилось это тогда, когда в мировоззрении эпохи утвердился как универсальный принцип прием, примененный Ньютоном: разложить наблюдаемое явление на первичные элементы и сконструировать из этих элементов его законы⁸. Для типографики таким элементом стал типографский пункт, а законы основаны на единой системе пропорций, включавшей как шрифт, так и орнаментику. Фурнье начал работать в год выхода «Философических писем», а свою систему предложил пять лет спустя.

Второе событие первой четверти XVIII века, а точнее Регентства — начало расцвета иллюстрации. XVII век знал много превосходных географических и научных иллюстраций, но в иллюстрировании художественных произведений не дал ничего эпохального. Это был век барочных фронтисписов, но не собственно иллюстраций. В годы Войны за испанское наследство старый, но до сих пор основной справочник Анри Коэна⁹ отмечает и вовсе считанные книги. В конце XVII века оформление поэтических и театральных изданий было непримечательным, но всё же наличие иллюстраций в собраниях сочинений представляло собой норму. Затем иллюстрированного Овидия не будет

---

⁷ Fournier P. S. Manuel typographique. T. 1. Paris, 1764. P. XX.

⁸ См.: Кассирер Э. Философия Просвещения. М., 2004.

⁹ Cohen H. Guide de l'amateur de livres à vignettes (et à figures) du XVIIIe siècle. Ed. 4. Paris, 1880.

до 1732 года, Мольера — до 1734-го, Кребийона-отца — до 1750-го, и т. д. Из более новых авторов лишь Жана-Франсуа Реньяра в 1708 году издали с картинками; изредка в Нидерландах появлялись перепечатки старых парижских изданий. Выделяется брюссельское издание Иосифа Флавия 1702–1703 годов с 229-ю изображениями в тексте, а во Франции — переложение «Илиады» Удара де Ламота с иллюстрациями разных художников 1714 года.

Всё начинает меняться при Регентстве и благодаря регенту. В 1718 году появилось известное издание «Дафниса и Хлои» с иллюстрациями, часть которых исполнена по картинам самого Филиппа, причем он их даже подписал. Рисунки для других иллюстраций делали Антуан и Шарль Куапели, гравером был Бенуа Одран. Между прочим, как раз в это время разворачивался «заговор Челламаре», чуть было не свергнувший регента.

В те же годы в гравюре начался расцвет Бернара Пикара, который, хотя и жил в Амстердаме, был, возможно, как-то связан с регентом: в 1720 году вышло новое издание словаря Пьера Бейля, где Пикар гравировал заставку к посвящению Филиппу. Более всего Пикар известен научными иллюстрациями — такими как гравюры к «Путешествию через Москвию» Корнелиса де Брюйна (1718) и особенно «Обряды разных народов» (серия начата в 1723 году). Но он участвовал и в иллюстрировании художественных произведений, которых сразу стало заметно больше. В один год с «Дафнисом и Хлоей» в Амстердаме у Давида Мортье вышло с его гравюрами собрание сочинений Буало ин-фолио — формат, в котором поэзию не издавали уже давным-давно¹⁰. В 1722 году это издание было повторено в Гааге. В 1719 году Пикар вместе с Антуаном Куапелем, Клодом Жилло и другими рисовал иллюстрации для парижского издания басен Ламота. Если при старом короле эти басни выходили с подложным адресом «У осла с лирой», то теперь их издали роскошно. Интересно, что Куапель — можно сказать, друг регента, Пикар, как мы предположили выше, тоже с ним связан, Ламот же — из окружения герцога Мэнского, личного и политического врага Филиппа, который как раз тогда сидел в тюрьме как заговорщик. Видимо, эстетические соображения в данном случае оказались не связаны с политическими. В 1720 году в Амстердаме вышел французский перевод

¹⁰ См.: *Laufer R. Les espaces du livre.* Автор отмечает там как значимое событие издание в том же году «Эдипа» Вольтера in-8, а не in-12, как было тогда привычно, и в лучшем типографском качестве.

«Робинзона Крузо», тоже с иллюстрациями разных художников, из которых одна — Пикара.

Из работ других мастеров отметим десятитомник Плавта во французском переводе (Лейден, 1719) и пьесы Расина ин-кварто с иллюстрациями Луи Шерона, изданные в Лондоне (где Шерон и жил) в 1723 году. Между прочим, из всех упомянутых только Пикар жил еще и во второй четверти века: Куапель и Жилло скончались в 1722-м, Шерон — в 1725 году. Что касается иллюстрированной книги как типа, ее блестящая судьба в XVIII веке хорошо известна.

Третий факт книжной истории первой четверти XVIII века — перемена роли Голландии в книжном деле. На протяжении почти всего предыдущего столетия Соединенные провинции были безусловным лидером: там работали и лучшие типографы, и крупнейшие издатели (в том числе картографы), и, как уже сказано, чуть ли не единственные в Западной Европе словолитчики. Там издавалась львиная доля самой актуальной литературы от Галилея до Бейля. В XVIII веке голландская книжная продукция остается обильной и востребованной, но становится совсем иной. Прежде крупнейшие голландские издатели были преимущественно автохтонами: Эльзевиры, Янссонсы, Блау. В 1712 году окончательно прекратили работать Эльзевиры, в 1714-м умер Хендрик Схелте, и с тех пор стали решительно преобладать иммигранты. Только в Лейдене до 1733 года продолжал работать Питер ван дер Аа, в Гарлеме открыл типографию Исаак Энсхеде, а в середине века в Амстердаме появились крупные коммерсанты — голландцы Аркстее и Меркус. Остальные голландцы — издатели и типографы — малозначительны. Самый крупный амстердамский книготорговец начала века Генрих Вестейн (умер в 1726) был родом из Базеля. Типичные же фамилии голландских издателей XVIII века — Мортье, Шатлен, Госс, Рей и т. п.

В это время, конечно, происходило общее отступление голландской культуры: кончилась великая живопись, почти кончилась великая наука (поэтому Лейден в издательском деле быстро отошел на второй план, а его место заняла Гаага). Типография же в некоторых отношениях даже расцвела. В середине века Голландия — главный производитель типографской орнаментики; она заимствована у Фурнье, однако он сам писал, что в Голландии его «виньетки» воспроизводили хорошо, а в Париже плохо¹¹. Но кардинально переменилась функция страны в ев-

---

¹¹ *Fournier P. S. Manuel typographique*. Р. 26.

ропейской книжности. Теперь голландские издатели издают литературу (преимущественно французскую) самого разного рода, следуя за интеллектуальной модой, а не формируя ее. Собственно, главной специализацией Нидерландов стали контрафакции, нелегальные и полулегальные издания, что нередко обозначалось стандартными формулами, такими как: «Напечатано с парижского экземпляра», «В Амстердаме, а продается в Париже» (далее фамилия парижского книгопродавца). Никто в Голландии этого времени не достиг известности великих издателей века прошедшего. Фирма Аркстee и Меркуса с коммерческой точки зрения была очень крупной, но ее историческая роль не так велика. Разве что о Марке-Мишеле Рее благодаря его связи с Энциклопедией и Руссо историки книги вспоминают несколько чаще.

Таким образом, голландская книга XVIII века исходила из Франции и туда же в значительной мере возвращалась или, иногда, играла роль посредника между Францией и Германией. Это можно связать с тем, что кончилась полуторовая вражда с Францией (собственно, суть внешней политики Людовика XIV), и в 1717 году Нидерланды с Францией заключили союз. Потом он распался, но и противниками голландцы и французы, кроме Войны за австрийское наследство, больше не были до самой Революции, так что книжность слабевшей Голландии удобно могла быть филиалом французской. Это само по себе достаточно известно, но отметим, что и тут решающую роль сыграло Регентство и политики регента, после чего при всех исторических и культурных перипетиях еще много десятилетий только развивались заложенные тенденции.

Словом, в книжном деле, как и вообще в культуре, Регентство было переходной эпохой. Черты, определившие лицо нового века, еще не сформировались, но уже наметились. Это были поиск единой математической основы для печатного текста, возникновение книги как целостного типографски-иллюстративного единства и, наконец, доминирование Франции не только в литературной и художественной, но и в книжной сфере.

Мария Козмина

«О ПРОСВЕЩЕНИИ НАРОДНОМ»

Усадебную библиотеку в Тригорском, занимающую особое место в истории пребывания Пушкина в Михайловском, можно с полным правом назвать «просветительской»¹. История ее создания относится к 80–90-м годам XVIII века, и формировалась она благодаря широким культурным интересам владельца усадьбы А.М. Вындорского (1750–1813)² и связям с книгоиздателем Н.И. Новиковым (1744(5)–1818)³, деятельность которого позволила российскому читателю познакомиться с переводными произведениями французских просветителей Вольтера и Дидро; писателей зарубежных — Шекспира, Сервантеса, Мольера, Бомарше, и отечественных — А.П. Сумарокова, Д.И. Фонвизина, Н.М. Карамзина…

Пушкин придавал большое значение понятию просвещения, в своей записке 1826 года «О народном воспитании» он писал: «Недостаток просвещения и нравственности вовлек многих молодых людей в преступные заблуждения» (XI, 43). Но просвещение тогда понимали в духе новой буржуазной, демократической эстетики, которая складывалась под влиянием общественных процессов, приведших к Великой французской революции 1789–1794 годов, и была антидворянской и антиклерикальной⁴.

Образ светского просветителя Николая Ивановича Новикова, выpusкавшего треть книги, издаваемых в России в XVIII веке, журналиста, организовавшего сеть книжных магазинов и бесплатных библиотек, не был забыт и в веке девятнадцатом. Соратником Новикова был Н.М. Карамзин, а учеником Евгений (Евфимий Алексеевич) Болховитинов, митрополит Псковский (1816–1820), выпустивший «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-российской церкви» (1818) и «Описание Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии» (1821), находившееся в тригорской библиотеке. Пушкин упо-

¹ Мальцева Т.Ю. Пушкин — читатель тригорской библиотеки // Пушкинский сборник. Псков, 1962. С. 33–43.

² Левкова Л.В. Библиотека села Тригорского // Пушкинская энциклопедия «Михайловское». Сельцо Михайловское ; М., 2003. Т. 1. С. 144–148.

³ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. 1890–1992. Т. 41. С. 253.

⁴ История эстетической мысли. Т. 2. М., 1985. С. 306.

мянет о Новикове впервые в 1822 году в «Заметках по русской истории XVIII века»: «Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первый лучи его, перешел из рук Шишковского⁵ в темницу, где и находился до самой ее смерти» (XI, 16). При жизни поэта эта статья, датированная августом 1822 года, не публиковалась, но фигура Новикова и позже привлекала внимание поэта. В «Литературной газете» № 8 от 5 февраля 1830 года появится пушкинская положительная рецензия на критическую статью 23-летнего критика И. Киреевского, родственника (сына племянницы) В.А. Жуковского: «Обозрение русской словесности 1829 года» в альманахе «Денница» за 1830 год. Там он цитирует слова Киреевского о Новикове как о человеке, «кто подвинул на полвека образованность нашего народа» и «кому и сам Карамзин обязан, может быть, своею первою образованностию» (XI, 104).

Наиболее полное знакомство А.С. Пушкина с изданиями Н.И. Новикова произошло в ссылке в Михайловском, точнее, в Тригорском. А.М. Вындорский, отец П.А. Осиповой, литератор-любитель, участник журнала «Беседующий гражданин», был с Новиковым в переписке, и тот посыпал ему свежие выпуски журналов и книг. Побывавший в Тригорском в 1866 году М.И. Семевский писал: «В небольших старинных шкафчиках помещается библиотека Тригорского; новых книг немного, но зато я нашел здесь не мало изданий новиковских... первое издание «Деяний Петра I», творение Голикова»⁶.

Но баснословный успех у читателя XVIII века имели сатирические журналы Новикова, которые также были в упомянутой библиотеке. Жанр сатиры, известный с античности, включает в себя пародии, памфлеты, фельетоны, эпиграммы, содержащие насмешку над отрицательными явлениями и пороками людей. Международным авторитетом пользовался просветительский журнал, с которым сотрудничал Дидро, — «Литературная, политическая и критическая корреспонденция» Фридриха-Мельхиора Гримма, доставлявшийся Екатерине II, которая тогда «Вольтеру первый друг была» (II, 1; 303). Методы сатирического высмеивания использовались и в других изданиях того времени, в частности — в журнале «Всякая всячина», выпускавшемся Екатериной II. Однако это была снисходительная, вельможная «сатира в улыбательном духе», как определила ее сама императрица, над низ-

⁵ Шешковский Степан Иванович (1727–1794) —ober-секретарь Тайной экспедиции Сената, руководитель дознаний по политическим процессам.

⁶ Семевский М.И. Прогулка в Тригорское. СПб., 2008. С. 56–57.

шими человеческими слабостями и глупостью. А публику более привлекала острые новиковская критика, провозглашавшая: «Взгляните беспристрастным оком на пороки наши закоренелые, худые обычаи, злоупотребления и на все развратные наши поступки; вы найдете толпы людей, достойных вашего осмеяния...»⁷ Автор и «Сочинитель», как он представлялся в журнале «Живописец», критикующий власть имущих, мог «опасаться угнетения в то время, когда по счастию России и ко благоденствию человеческого рода владычествует нами премудрая Екатерина». Именно вследствие монаршего гнева от проигранного соревнования за умы публики Новиков подвергся гонениям и заключению в Шлиссельбургскую крепость, где он находился с 1792 по 1796 год.

Но до этого Новиков выпускал журналы «Трутень» и «Пустомеля», а после их закрытия — журнал «Живописец» (с апреля 1772 по июнь 1773 года). Неудовольствие Екатерины широким размахом новиковских изданий привело к закрытию журнала в 1774 году. Та же участь постигла еще один новиковский журнал, «Кошелек». Начав с публистики, благодаря умелому финансовому управлению Новиков перешел к более серьезным, историческим изданиям, способствовавшим развитию идеи национального самосознания. В 1788–1789 годах в типографии Новикова были изданы 12 томов «Деяний Петра Великого» Голикова, прочитанных Пушкиным в тригорской библиотеке. Однако Б.Л. Модзалевский в 1902 году зафиксировал лишь два издания новиковской типографии⁸. Какие же издания и журналы еще могли быть там?

О чтении Пушкиным новиковского еженедельника «Живописец» свидетельствует его характерная описка в письме к брату Льву 27 марта 1825 года, где он делится впечатлением от только что прочитанной «Лафертовской маковницы» А. Перовского: «Душа моя, что за прелест бабушкин кот! я перечел два раза и одним духом всю повесть, теперь только и брежу Тр.[ифоном] Фал.[елеичем] Мурлыкиным. Выступаю плавно, зажмуря глаза, повертывая голову и выгибая спину. Погорельский ведь Перовский...» (ХIII, 157).

Критик и прозаик Алексей Алексеевич Перовский (1787–1836), псевдоним Антоний Погорельский, — писатель, филолог, побочный сын министра народного просвещения Алексея Кирилловича Разумовского

⁷ Журнал «Живописец». См.: Lib.ru: Классика [Электронный ресурс: http://az.lib.ru/n/nowikow_n_i/text_0100.shtml].

⁸ Модзалевский Б.Л. Каталог библиотеки сельца Тригорского // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. СПб., 1903. Вып. 1.

и Марью Михайловны Соболевской. В 1820 году Перовский написал две статьи в защиту поэмы Пушкина «Руслан и Людмила», а в 1828 году Пушкин у него читал «Бориса Годунова».

Повесть Перовского «Лафертовская маковница», приведшая Пушкина в восторг, вышла в 1825 году в мартовской книге «Новостей литературы». Лафертовская (лефортовская, от Лефортова — район Москвы) маковница — продавщица маковых лепешек, колдунья. Ее внучка Маша, дочь почтальона Онуфрича, — бедная, но милая девушка с добрым сердцем. Колдунья хочет с ее помощью завладеть неправедным богатством, выдав ее замуж за своего кота, который является в образе жениха — Аристарха Фалалеича Мурлыкина. Место, отмеченное Пушкиным в повести, выглядит так:

«— Это бабушкин черный кот, — отвечала Маша, забывшись и указывая на гостя, который странным образом повертывал головою и умильно на нее поглядывал, почти совсем зажмурив глаза.

— С ума ты сошла! — вскричал Онуфрич с досадою. — Какой кот? Это господин титулярный советник Аристарх Фалалеич Мурлыкин, который делает тебе честь и просит твоей руки.

При сих словах Аристарх Фалалеич встал, плавно выступая, приблизился к ней и хотел поцеловать у нее руку⁹.

Итак, героя повести Перовского звали Аристарх, а не Трифон. Ошибочно имя «Тр.[ифон]» Пушкин написал по нескольким причинам.

Он мог писать это письмо в библиотеке Тригорского, где получал корреспонденцию, т. к. поэт давал друзьям адрес Прасковы Александровны для присылки ему писем и книг. Пушкин мог параллельно читать книги и новиковские журналы, об огромном читательском успехе которых свидетельствует факт их переиздания в 1793 году, купцом Г. Зотовым, именно это издание присутствует в библиотеке Пушкина¹⁰. «Очевиден интерес Пушкина к деятельности Н.И. Новикова, ряд изданий которого («Живописец», «Кошелек», «Древняя Российская Вивлиофика» и др.) сохранился в библиотеке»¹¹.

Новиков, в своих журналах боровшийся против господствующей в обществе «галломании», претендовавший на вольтеровский скептицизм,

⁹ Погорельский А. Лафертовская маковница // Проза первой половины XIX века. М., 2000. С. 146.

¹⁰ Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина. Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 126.

¹¹ Там же. С. 63.

сам высмеивал «львов и лвиц» тогдашнего модного света, противопоставляя их «зубоскальство» — добродетелям прежних веков, нравственным устоям патриархальных традиций. Но, в духе демократической эстетики просветителей, доставалось от Новикова и отечественным крепостникам, злоупотреблявшим помещичьей властью. Их он высмеивал в своем журнале «Трутень», а когда его закрыли, в 1772 году Новиков стал издавать журнал «Живописец», лучший журнал XVIII века, выдержавший семь изданий. В нем он писал: «Ты делаешься Автором; ты принимаешь название живописца; но не такого, который пишет кистью, а живописца, первом изображающего наисокровеннейшие в сердцах человеческих пороки». В нем печатались статьи И.П. Тургенева, Радищева и самого Новикова, в предисловии к журналу Новиков писал: «Истребите из сердца своего всякое пристрастие; не взирайте на лица; порочный человек во всяком звании равного достоин презрения».

В этих выпусках были напечатаны в том числе полуусмешные, полугрустные в своей житейской правде «Письма к Фалалею» «уездного дворянина» Трифона Панкратьевича, «заслуженного и почтенного драгунского ротмистра» и отца, а также матери и дяди. В этих письмах мы видим своеобразную родительскую любовь и откровенные советы, проникнутые духом крепостничества: «Меня отрешили от дел за взятки; процентов больших не бери, так от чего же и разбогатеть: вить не всякому бог даст клад; а с мужиков ты хоть кожу сдери, так немного прибыли. Я, кажется, таки и так не плошаю, да что ты изволишь сделать? Пять дней ходят они на мою работу, да много ли в пять дней сделают? Секу их нещадно, а всё прибыли нет; год от году всё больше нищают мужики: господь на нас прогневался; право, Фалалеушка, и ума не приложу, что с ними делать. Перевелись-ста старые наши большие бояре: то-то были люди, не только что со своих, да и с чужих кожи драли»¹². Отец сетует, что «всё пошло на немецкий манер», и зовет сына бросить службу и приехать или в отпуск, или в отставку: «А из службы тогда хоть и невольно было выйти, так были на это лекари: отнесешь ему барабашка в бумажке да судье другого, так и отставят за болезнями. Полно, друг мой, вить ты уже послужил». Сын был воспитан в тех же правилах — как вспоминает отец, «ты в молодых летах забавлялся: вешивал собак на сучьях, которые худо гоняли за зайцами, и секал охотников за то, когда собаки их

---

¹² Журнал «Живописец». См.: Lib.ru: Классика [Электронный ресурс: http://az.lib.ru/n/nowikow_n_i/text_0100.shtml].

перегоняли твоих. Куда какой ты был проказник смолоду! Как, бывало, примешься пороть людей, так пойдет крик такой и хлопанье, как будто за уголовье в застенке секут: таки, бывало, животики надорвем со смеха. Молись, друг мой, богу, нечего, правду сказать, ума у тебя довольно, можно век прожить». Но сын теперь стыдится этих забав родительского поколения и откращивается от отца, отдав его письмо издателю: «Господин живописец! поместите, пожалуйте, следующее письмо в ваши листы, буде возможно; содержание его, кажется, заслуживает это, чтоб вы исполнили просьбу вашего покорного слуги. П. Р.»

Чем это закончилось, о том мы узнаем из письма матери о горе сemyи: «Ему все соседи смеются: экой-де у тебя сынок, что над отцом ругается». Надо сказать, что и Пушкин сам стыдился своего положения сына помещика. Известны воспоминания князя П.И. Долгорукова о воззрениях молодого поэта: «Первый утверждал с горячностью, что он никогда крепостных за собою людей иметь не будет, потому что не ручается составить их благополучие, и всякого владеющего крестьянами почитает бесчестным, исключая отца своего, который... не имеет на этот счет одинаких с ним правил»¹³. А вот как выглядели обыкновенные разговоры Пушкина в Кишиневе: «Штатские чиновники подлецы и воры, генералы скоты большей частию, один класс земледельцев почтенный. На дворян русских особенно нападал Пушкин»¹⁴.

Друг человечества печально замечает
Везде Невежества убийственный Позор...
Здесь Барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильтвенной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склоняясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь Рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого Владельца.

(II, 1; 90)

Пафос автора «Деревни» весьма близок социальным взглядам Новикова, который борлся как с общественным злом с низостью скотинных и простаковых. «Служа в полку, собирал он иногда с неприяте-

¹³ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. С. 374.

¹⁴ Там же. С. 375.

лей контрибуцию, а здесь со крестьян своих собирает тяжкие подати. Там рубил неверных, а здесь сечет и мучит правоверных. Там не имел он никакия жалости; нет у него и здесь никому и никакой щады; и если бы можно было со крестьянами своими поступать в силу военного устава, то не отказался бы он их аркибузировать. Там отнятием неприятельских земель служил он отечеству, а здесь отнятием оных у маломощных своих соседей делается преступником законов отечества. Правильно говорил Худовоспитанник, что науки для него бесполезны; не нужны они ему были в военной службе, а в отставке и совсем не годятся!»¹⁵ Осуждаются бесчеловечные отношения в среде помещиков даже самими их представителями. Примечательна реплика из последнего письма, отправленного дядей Фалалея, Ермолаем Терентьевичем, о смерти матери героя: «Как Сидоровна была жива, так отец твой бывал ее как свинью, а как умерла, так плачет, как по любимой лошади». Характерный прием сатиры — «зоологизация», отождествление человека с животным: зоологическая деталь помогает передать характер героя, его среду — и помогает автору выразить свое отношение к персонажу.

Тот же художественный прием мы видим и в «Лафертовской маковнице», и это сближает оба произведения в читательском восприятии. «После того он несколько раз поклонился, с приятностью выгибая круглую свою спину, и вышел вон. Маша смотрела из окна и видела, как Аристарх Фалелеич сошел с лестницы и, тихо передвигая ноги, удалился; но дошел до конца дома, он вдруг повернулся за угол и пустился бежать как стрела. Большая соседская собака с громким лаем во всю прыть кинулась за ним»¹⁶. Здесь колдовская природа распадается под воздействием реальности, вызывая у читателя улыбку, лишая злодейские чары их зловредной силы.

Этот сатирический прием зоологизации особенно употребителен Пушкиным в эпиграммах, это характерно для его эпистолярного жанра. В письмах к Вяземскому, который «...право получил, благодаря судьбе... / Невежество разить анафемой игривой» (II, 1; 196), Пушкин иронизирует и над собой, проявляя тем самым определенное мужество:

---

¹⁵ Журнал «Живописец». См.: Lib.ru: Классика [Электронный ресурс: http://az.lib.ru/n/nowikow_n_i/text_0100.shtml].

¹⁶ Погорельский А. Лафертовская маковница. С. 147.

В глупи, измучась жизнью постной,
Изнемогая животом,
Я не парю — сижу орлом...

(II, 1; 429)

Возможно, и в этом письме Пушкин иронизировал над собой, несостоятельным женихом-недорослем в окружении тригорских барышень. П.А. Вяземский, «язвительный поэт, остряк замысловатый» (II, 1; 196), упоминается в этом письме к брату несколько раз. Сразу за фразой о том, что Погорельский — это Перовский, Пушкин напишет о получении известия о Вяземском с просьбой переслать ему «всё, что имеешь на бумаге и в памяти»:

«Об Вяз.[емском] получил известие. Перешли ему, душа моя, всё, что ты имеешь на бумаге и в памяти из моих новых сочинений. Этим очень обяжешь меня и загладишь пакости твоего чтеньебесия...

Когда пошлешь стихи мои Вяземскому, напиши ему, чтоб он никому не давал, потому что эдак меня опять обокрадут — а у меня нет родительской деревни с соловьями и с медведями. Прощай. Сестру поцалуй».

К слову, тогда же, в конце марта, Пушкин напишет письмо и самому П.А. Вяземскому: «Изо всего, что должно было предать забвению, более всего жалею о своих эпиграммах — их всех около 50 и все оригинальные...» (XIII, 160). А в конце ноября — начале декабря 1825 года из Михайловского он всё же отправляет к П.А. Вяземскому для альманаха «Четыре стиха о дружбе» и «несколько эпиграмм». Среди них «Совет»:

Поверь: когда и мух и комаров
Вокруг тебя летает рой журнальный,
Не рассуждай, не трать учтивых слов,
Не возражай на писк и шум нахальный:...
Сердиться грех — но замахнись и вдруг
Прихлопни их проворной эпиграммой.

(XIII, 245)

Но вернемся к мартовскому письму Пушкина брату Льву. Читаем далее:

«Великая пятница.

Я Телеграфом очень доволен — и мышлю или мыслю поддержать его. Скажи это и Жуковскому. Дельвига нет еще!...» (XIII, 157–159).

Эта описка — «мышлю» (вместо «мыслю») — могла являться продолжением игры Пушкина в образ «кота». Тем более, что в русском языке существует множество сравнений человека с повадками кота в контексте пушкинского письма: «Кошачья лапка мягка, до коготок остерь», «Сболтнул бы коток, да язык короток»¹⁷ и др. О том, что Пушкин и его адресаты не могли писать прямо, а пользовались «эзоповым языком», свидетельствует письмо В.А. Жуковского от 15 — начала 20-х чисел апреля 1825 года, возможно являющееся откликом на это письмо Пушкина: «Боже мой, как бы я желал пожить вместе с тобою, чтобы сказать искренно, что я о тебе думаю и чего от тебя требую» (ХIII, 164).

«Телеграф» — это журнал «Московский телеграф» (1825–1834), издаваемый Н.А. Полевым (1796–1846). На первых порах Вяземский принимал там деятельное участие, поэтому Пушкин также там напечатался, но вскоре критика Полевым Карамзина вызвала у Пушкина ответную критику его «Истории русского народа».

Далее Пушкин в письме продолжает: «Так как Войков ведет себя хорошо, то думаю прислать и ему стихов — то ли дело не красть, не ругаться по матерну, не перепечатывать, писем не перехватывать и проч. — люди не осудят, а я скажу спасибо...» (ХIII, 157–159).

А.Ф. Войков (1778(9)–1839) — литератор и издатель, автор знаменитого сборника эпиграмм на писателей «Дом сумасшедших». Там выведен М.Л. Магницкий — известный своими консервативными идеями попечитель Казанского учебного округа. В «Записке о народном воспитании» (1823) М.Л. Магницкий напишет: «В конституциях, сем неистовом порождении бунта народного, главным их основанием положена свобода книгопечатания или... беспрепятственное волнение и необузданность мнения общественного, то есть труба для глаголов князя тьмы...»¹⁸ В докладе М.Л. Магницкого «О прекращении преподавания философии во всех учебных заведениях» среди всего прочего говорилось: «Философия самая возмутительная преподается в пяти округах. Все науки, отравленные ею, составляют заговор против Бога и царей, и сие публичное развращение называется воспитанием!»¹⁹ Персонаж Магницкого у Войкова в его «Доме сумасшедших» говорит: «Ах, зачем

¹⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. ; М., 1881. Т. 2. С. 179.

¹⁸ Магницкий М.Л. Православное просвещение. М., 2014. С. 49.

¹⁹ Там же. С. 178.

не при Нероне / Я рожден на белый свет!», «В масле бы варить заставил²⁰ / Философов разных сект»²¹.

Позже, в 1826 году А.А. Перовский по распоряжению Николая I напишет свою записку «О народном просвещении в России», явившуюся рецензией на «антифилософский» доклад М.Л. Магницкого. В 1825 году Перовскому была предложена должность попечителя Харьковского учебного округа, в его ведении оказывается не только Харьковский университет, но и Нежинская гимназия высших наук, где учился тогда Гоголь. Поэтому он был вынужден реагировать на подобные запрещения преподавать философию в учебных заведениях.

Тогда же, и тоже по предложению Николая I, пишет свою записку «О народном воспитании» и Пушкин, размышлявший о судьбе русских просветителей и их заблуждениях: «...мы увидели либеральные идеи необходимой вывеской хорошего воспитания, разговор исключительно политический; литературу... превратившуюся в рукописные пасквили на правительство и возмутительные песни...» (XI, 43). Но делает прямо противоположные выводы: «Скажем более: одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия» (XI, 44).

Эти мысли являлись плодом длительных размышлений и результатом эволюции взглядов поэта на проблемы революционного преобразования общества, просвещения и свободы печатного слова. Деятельность и судьба Новикова, его журналы сыграли в этом важную роль.

* * *

Под исследуемым письмом Пушкина брату имеется подпись: «Михайловское» и дата — 27 марта. Но писалось оно на протяжении нескольких дней. В середине текста находится подзаголовок «Великая пятница», и она действительно приходится на 27-е марта этого года. Заканчивает Пушкин свое длинное письмо предложением «тиснуть еще мою Птичку [да 4 стиха о дружбе: Что дружба? легкой пыл похмелья]» (XIII, 159). Это и упоминание о близком празднике Благовещения, и скрытая жалоба друзьям о своей неволе: «В чужбине свято наблюдаю / Родной обычай старины: / На волю птичку выпускаю / При светлом празднике весны» (II, 1; 280).

²⁰ Другой вариант этой стихотворной строки — «При себе бы сечь заставил...»

²¹ Воецков А.Ф. Дом сумасшедших. Сатира. СПб., 1874. С. 9.

Итак, подведем итог: фантастический персонаж повести Перовского — колдун, принимавший вид кота Аристарха Фалалеича, в письме Пушкина назван, очевидно по памяти, «Тр.[ифоном] Фал.[елеичем] Мурлыкиным». Пушкин, несмотря на то, что прочел дважды повесть, перепутал имена, поскольку мог параллельно читать новиковский журнал «Живописец» и думать об издании собственного.

Мысль самому издавать журнал, в котором можно печатать свои труды и труды своих единомышленников, у Пушкина зародилась давно. «Самое сильное нападение Пушкина на меня по поводу общества было, когда он встретился со мною у Н.И. Тургенева, где тогда собирались все желавшие участвовать в предполагаемом издании политического журнала», — вспоминал «Жано» — Иван Пущин. Как мы помним, у отца Н.И. Тургенева был опыт сотрудничества с Н.И. Новиковым.

Таким образом, в перечне книг, составлявших библиотеку А.С. Пушкина²², можно определить одну — бывшую первоначально в библиотеке Тригорского и отражающую «духовные интересы и характеры деревенских читателей»²³. Это новиковский журнал «Живописец» и, в частности, напечатанные там «Письма к Фалалею», которые литературоведы считают принадлежащими перу Д.И. Фонвизина²⁴. М.И. Семевский по итогам своей «Прогулки в Тригорское», предпринятой в 1866 году, дает всей тригорской библиотеке следующую характеристику: «В старину... библиотека эта была довольно велика... она была собрана отцом его матери Вымдонским (т. е. отцом П.А. Осиповой — матери А.Н. Вульфа, хозяина Тригорского, сопровождавшего М.И. Семевского в его «прогулке»), человеком по своему времени весьма образованным, находившимся в сношениях с Новиковыми»²⁵. И эта библиотека — важный ключ к пониманию творческой лаборатории А.С. Пушкина, через нее можно понять ход его мыслей и устремлений, так же как героев романа «Евгений Онегин» можно охарактеризовать через призму книг, которые они читали.

---

²² Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина. Библиографическое описание. С. 126.

²³ Мальцева Т. Во вкусе умной старины // Лукоморье. 1997. № 2. С. 42.

²⁴ Бабкин Д.С. К раскрытию тайны «Живописца» // Русская литература. 1977. № 4. С. 117.

²⁵ См.: Семевский М.И. Прогулка в Тригорское. Цит. по: Модзалевский Б.Л. Поездка в Тригорское в 1902 году. Отчет Отделению русского языка и словесности Императорской академии наук // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. 1. СПб., 1903. С. 10.

Татьяна Кульматова

«В КРАСНОМ САФЬЯНЕ, ПО ОБРЕЗУ ЗОЛОТОМ»:
ПЕРЕПЛЕТЫ XVIII ВЕКА
И ИХ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

По материалам Переплетной палаты Академии наук
в Санкт-Петербургском филиале
архива Российской академии наук
и Академического собрания Библиотеки Академии наук

Переплетная палата была создана при Академии наук для обслуживания нужд Библиотеки, Конференции, Книжной палаты (лавки). Она также выполняла заказы Императорского двора. Одно из первых опубликованных упоминаний о ней находим в книге 1741 года «Палаты Академии наук и Кунсткамеры»¹: наряду с Книжной лавкой и Типографией здесь значится и Переплетная, а при ней один мастер, два подмастерья и шесть учеников. Палата находилась в восточном крыле Кунсткамеры вместе с Библиотекой и занимала два покоя (на плане камеры Е и F). А на третьем этаже размещалась камера Q «с книгами и гридорованными фигурами Академического дела на подарки». Художественно оформленные переплеты позволяли использовать книги в качестве наград, поощрений, подношений и дипломатических даров.

Во главе Палаты стоял мастер переплетного художества, который имел звание академического переплетчика. На протяжении всего XVIII века это были исключительно немцы. Благодаря исследованиям А.А. Зайцевой², Е.А. Савельевой³,

¹ Палаты Санктпетербургской Императорской Академии Наук Библиотеки и Кунсткамеры, которых представлены планы, фасады и профили, приписанные ей императорскому высочеству государыне великой княгине и правительнице всей России. [Gebäude der K. Akademie der Wissenschaften nebst der Bibliothec und Kunst-Cammer in St.-Perersburg nach ihrem Grundriss, Aufriss und Durchschnitt vorgestellet]... СПб., 1741.

² Зайцева А.А. Книжная торговля в Санкт-Петербурге во второй половине XVIII века // Библиотека РАН. СПб., 2005.

³ Савельева Е.А. О ранних переплетах Академической библиотеки (к проблемам сохранности фондов в первой половине XVIII века) // Сохранение культурного наследия библиотек, архивов и музеев: материалы научной конференции (14–15 февраля 2008 года). СПб., 2008. С. 96–100.

П.И. Хотеева⁴, Е.М. Лупановой⁵ нам известны имена переплетчиков Академии наук XVIII века: Христофора Биттнера (на службе Академии наук с 1724 по 1729 год), Готфрида Мельбека (1729–1735), Иоганна Каспара Криппендорфа (с 1736 по 1742 год), Фридриха Розенберга (с 1742 по ~1771 год), Вильгельма Конрада Миллера (с 1767 по 1778 год), бывшего одновременно и придворным переплетчиком. После смерти последнего некоторое время на службе в Академии состояли его вдова Мария Миллер и сын Карл Вильгельм Миллер. Преемником Миллеров вплоть до 1820–1830-х годов стал Бейер (Беер)⁶.

О быте и порядке, заведенном в Палате, дает представление инструкция 1748 года, составленная вскоре после пожара Библиотеки Академии наук 5 декабря 1747 года и принятия нового регламента Академии наук от 24 июля 1747 года, согласно которому, кстати говоря, при Академии должны были обучаться переплетчики и для других учреждений. Из инструкции узнаем, что в Мастерской был заведен восьмичасовой рабочий день, работали пять дней в неделю с 6 до 14 часов. Но в случае экстренных работ расписание менялось.

Запрещалось использовать в личных целях инструменты Палаты: «Никто же да не дерзает ни явно ни тайно казенных инструментов в дом таскать» (§ 7). Инструкция предписывала мастеру в начале года подавать в Канцелярию список необходимых материалов, «дабы оные могли припасены быть в надлежащее время самые лучшие и всегда по собственному вашему выбору и свидетельству» (§ 8). Особо оговаривалось требование «в переплеты и на покрышки отнюдь ничего не употреблять, отчего моль в книгах заражается могла, и для того всевозможные опыты делать о изискании противу сей материи» (§ 9). Мастер должен был подписывать переплеты: «для различения работ каждого особливо в библиотечных переплетах внутри в таком месте, где б неприметно было натискивать небольшею литерою всякое свое имя» (§ 10). Но, к сожалению, этот пункт мастера игнорировали. Насколько нам известно, пока не найден ни один подписной переплет Палаты. Возможно, мастера

⁴ Хотеев П.И. Пять очерков из ранней истории Академической библиотеки // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование. СПб., 2005. С. 83–86.

⁵ Лупанова Е.М. Академический переплетчик Фридрих Розенберг // Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект, XVIII–XX века. Вып. 11. СПб., 2018. С. 35–40.

⁶ История БАН СССР, 1714–1964. М. ; Л., 1964. С. 214.

опасались ответственности и взысканий. Возможно, «авторство» казалось им очевидным: в первой половине XVIII века Палата была основной, если не единственной переплетной мастерской в Петербурге⁷. В отношении учеников особо отмечалось: «показывать сие художество основательно, не скрывая ни чего» (§ 11). Вероятно, не всеми своими секретами мастер склонен был делиться. Поощрялось и даже понуждалось: «Как наивозможно изъискывать вам хорошие и новаго вкусу орнаменты к переплетам и представлять о том канцелярии» (§ 12).

Отдельный параграф (§ 15) был посвящен мерам противопожарной безопасности (еще свежа была память о пожаре 1747 года): «Для большей предосторожности иметь в мастерской или в сенях ушат с водою которую от времени до времени менять».

Какие же переплеты изготавливались в Палате, каковы были профессиональные термины мастеров того времени, исторические названия переплетов и особенностей их оформления, по каким признакам можно сегодня определить эти переплеты, выявить в фондах библиотек? В работах по истории Библиотеки Академии наук упоминаются «библиотечный» и «академический» переплеты. По словам Е.А. Савельевой, именно такие названия использовались в Канцелярии Академии наук и были обиходными в елизаветинскую эпоху. «Библиотечный» и «академический» переплеты мало отличались друг от друга, разве что наличием или отсутствием суперэклибриса в виде императорского орла, тисненного золотом на обеих крышках: «академический» (фактически подносной, для даров высоким гостям) был с суперэклибрисом, «библиотечный» — без⁸. Суперэклибрис представлял собой богато украшенный средник двуглавого орла в картуше с растительным орнаментом.

В Академическом собрании Библиотеки Академии наук сохранился ряд экземпляров в «академических» переплетах аннинской и елизаветинской эпох, 1730–1750-х годов издания (самый ранний 1729, поздний 1763 года). Все они облачены в цельнокожаные переплеты из телячьей

---

⁷ Правда, авторы каталога «Музей книги Петра Дружинина и Александра Соболева: аннотированный научный каталог выдающихся памятников письменности XV — начала XX века» (М., 2021. Т. 3. № 408) приводят французское издание 1752 года, переплет которого уверенно приписывают Ф. Розенбергу. Возможно, они являются обладателями единственного подписного переплета.

⁸ Савельева Е.А. О ранних переплетах Академической библиотеки (к проблемам сохранности фондов в первой половине XVIII века) // Сохранение культурного наследия библиотек, архивов и музеев. С. 99–100.

кожи, окрашенной в коричневый цвет и тонированной под мрамор более темной коричневой краской (или реактивами?). Крышки украшены золотым тиснением с использованием одного и того же центрального штампа в виде картуша причудливой фигурной формы, которую И.В. Хмелевских называет барочной и высказывает предположение, что мастера-изготовители «академического» переплета могли ориентироваться на «переплеты, которые были заказаны в Голландии для некоторых академических изданий в 1730-е годы»⁹. Но вот что любопытно: контур средника в точности воспроизводит восточный мотив книжного декора, которым и по сей день принято украшать крышки переплетов Корана. Картуш заполнен цветочными и травяными узорами чисто русского стиля, в центре императорский орел. По периметру крышек декоративная орнаментальная рамка золотым тиснением. Нам встретилось пять ее вариантов: с померанцами, в виде подзора с треугольными фестонами, с фестонами и язычками между ними, более мелкий травяной орнамент из трех чередующихся элементов и также мелкий из одного повторяющегося элемента. Обрез либо золоченый, либо тонированный в три краски (желтая, коричневая и синяя) с помощью губки — крупные пятна. На форзацах турецкая волнистая бумага.

Вероятно, именно в таком переплете в 1759 году решено было отправить несколько книг в дар г-ну Титону де Тилле за присланые им Академии книги, медали и купферштихи, в связи с чем мастеру Розенбергу был направлен ордер «переплеть в пристойной переплет по обрезу золотом и с гербом академическим»¹⁰. После 1760-х годов, в екатерининскую эпоху, подобный декор переплетов уже не встречается.

В делах Палаты достаточно часто упоминается ординарный, простой, или библиотечный, переплет, который выполнялся, прежде всего, для Библиотеки. Из отчета в канцелярию Академии наук: «В переплетной палате сделано следующее: / В библиотеку отдано / 6 медиан квартанов¹¹ в библиотечном переплете / 1 ординарный квартан в том

---

⁹ Хмелевских И.В. Переплеты, пометы // Библиотека Петра Великого: западноевропейские печатные книги. В 2 т. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2016. С. 41–42.

¹⁰ Гравировальная палата Академии наук XVIII века : сборник документов / сост. М.А. Алексеева, Ю.А. Виноградов, Ю.А. Пятницкий; отв. ред. Б.В. Левшин. Л., 1985. С. 129.

¹¹ В XVIII веке в основу измерения форматов книг был положен размер (доля) бумажного листа: *in plano* (лист), *in folio* ($\frac{1}{2}$ листа), *in quarto* ($\frac{1}{4}$ листа), *in octavo* ($\frac{1}{8}$ листа), *in duodecimo* (1/12 листа). Формат *in octavo* (октавы) имел

же / 17 медианов октавов в том же / 27 ординарных октавов в том же / 1 в двенадцать долей в том же / 2 квартана в том же / 12 октавов в том же»¹², — итого 66 экземпляров в библиотечном переплете за один месяц.

Подобный переплет выполнялся не только для Библиотеки Академии наук, но и для Канцелярии Академии. 2 марта 1750 года было определено переведенную Василием Лебедевым в свободное от академических трудов время книгу «Аглинского адмирала лорда Ансона путешествие около света... до отсылки на апробацию велеть в переплетной палате сшив, переплеть в простой переплете и, по переплете, взнесть в канцелярию, о чем к мастеру Розенбергу послать ордер»¹³. Заказы на этот вид переплета поступали и от Двора.

«Библиотечный» переплёт и сегодня можно увидеть в фондах Библиотеки Академии наук. Это цельнокожаный переплёт из достаточно тонко выделанной телячьей (опоек) или бараньей кожи. Корешок с бинтами, с кожаными вставками, на которых тиснилось заглавие и номер тома. До 1750-х годов поля корешков украшались характерным обильным декором золотого тиснения с ромбовидным центральным штампом и угловыми штампами с растительным мотивом, с 1760-х годов в виде одиночного «флерона» в центре и маленьких угловых штампов. В более ранних переплетах (вторая четверть XVIII века) крышки украшались по периметру изящной рамкой золотого тиснения, с 1770-х годов это простая волнистая линия. Обрез тонировался несколькими красками (наносились губкой), к концу века типичным стало сплошное тонирование одной желтой краской. В центре крышек суперэкслибрис Библиотеки Академии наук — императорский орёл.

Кожа для библиотечного переплета всегда окрашивалась в коричневый цвет и тонировалась. Было несколько видов тонирования: «под дерево», или «древесные корни», — такое название мы встречаем у

несколько разновидностей: большой (высота книжного блока 25 см), средний (22,5 см) и малый (18,5 см). См.: Тараканова О.Л. Внешняя форма книги в библиографической оценке: учебное пособие. М., 1984. С. 15–17. Здесь приводятся две разновидности «квартанов» (*in quarto*) и «октавов» (*in octavo*): «ординарный» (простой, обычный, возможно, соответствует большому) и «медиан» (средний).

¹² Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПФА РАН). Ф. 3. Оп. 7. № 61. Л. 4.

¹³ Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1900. Т. 10. С. 317, § 379.

Л.Н. Симонова¹⁴ в конце XIX века. Переплеты также тонировались «под черепаху» и «под мрамор» — в елизаветинское время с использованием более темной коричневой краски (реагентов?), в екатерининское он стал цветным — изготавлялся с использованием сине-зеленого и розового красителей (цвет прожилок). По технике исполнения такой переплет назывался мраморным, или «мраморным». В «Словаре Академии Российской», изданном в 1793 году, во втором значении слова «мáрмоловый — на пестрой мрамор видом, цветом похожий» приводится в качестве примера словоупотребления «мраморной переплет»¹⁵. То есть в 1790-х годах это название было общеупотребительным. В делах Палаты упоминается: в библиотеку отдано «1 физика в красный сафьян по обрезу золотом / 5 их же в мраморном переплете по обрезу красной краской прыск»¹⁶. С 1770-х годов в мраморные переплеты облачались экземпляры не только Библиотеки Академии наук, но и Придворно-служительской библиотеки Эрмитажа (впоследствии Русской Императорской Эрмитажной библиотеки), основанной Екатериной II в 1768 году, для которой в академической книжной лавке приобретались книги и, видимо, здесь же в Переплетной палате заказывался переплет. Эрмитажные мраморные переплеты тонировались розовой и сине-зеленой красками. Диагональные красочные потеки напоминали прожилки мрамора. Иногда они дополнялись пятнышками и получался узор, похожий на букетики цветов или виноградные гроздья. Обрезы тонировались красной краской.

Форзацы цельнокожаных переплетов и крышки полукожаных обычно украшались мраморной бумагой, изготовленной с использованием гребня, получившей в России название турецкой волнистой бумаги. В фонде Академического собрания Библиотеки Академии наук она встречается в переплетах изданий 1728–1780-х годов. Менее часто, но также использовались другие виды мраморных бумаг: с завитками (создавались с использованием шила), с «перистым» рисунком (с использованием короткого гребня или комбинации гребней), с 1780-х годов с рисунком «камень» (пятна и прожилки), в конце XVIII века с рисунком «Стормонт» (мелкие белые пятнышки в пятнах краски — просветы основы, бумаги). В переплетах использовались также золоченые, пар-

¹⁴ Симонов Л.Н. Переплетное мастерство и искусство украшения переплета. Художественные стили, чистка, исправление и хранение книг: при содействии переплетной мастерской Э. Ро. СПб., 1897. С. 305.

¹⁵ Словарь Академии Российской. СПб., 1793. Ч. 4. Стб. 46–47.

¹⁶ СПФА РАН. Ф. 3. Оп. 7. № 61. Л. 4.

човые, клейстерные бумаги и бумаги с печатным (набивным, отпечатанным с досок) рисунком. Среди последних бумаг чаще встречаются с геометрическим рисунком, отпечатанным двумя красками (цветовая гамма варьировалась: красный и синий, желтый и красный, красный и черный). Английский антиквар Simon Beattie, ведущий блог о форзацной бумаге, довольно удачно назвал этот рисунок (паттерн) «зигзаги». В фондах Библиотеки Академии наук экземпляры с такой печатной бумагой датируются 1760–1790-ми годами, а сама бумага, вероятно, является продуктом одной русской фабрики. Декоративные бумаги не изготавливались Переплетной палатой, а закупались.

Вероятно, подобный переплет, но без суперэкслибриса — императорского орла, изготавливается на заказ и для покупателей Книжной лавки, в которую книги поступали из Типографии Академии наук по обычанию того времени «в тетрадях», т. е. сфальцованных листах, без обложек, а владельцы уже заказывали переплет, часто в Переплетной палате. Поэтому экземпляры в переплетах Палаты можно видеть во многихличных библиотеках XVIII века.

В делах Палаты упоминаются также «голландские», «французские», «итальянские» и «английские» переплеты. Голландскими назывались переплеты из белого пергамена, на шнурах, с золотым тиснением на темно-красном поле в верхней части гладкого корешка, получившие в России распространение при Петре I. Однако в 1715 году Петр распорядился «старый грубый и худой переплет оставить», а книги переплывать «по новым немецким не по голанским образцам»¹⁷. В репортах Переплетной палаты голландский переплет упоминается, но не часто: «в четверть листа в голланском переплете [образ] с напрыском»¹⁸. В библиотеку отдано «12 октавов в голланском переплете»¹⁹. Пергамена в сравнении с другими видами кож Палатой закупалось меньше всего. Так, в Ведомости израсходованным в Переплетной палате материалам в 1752–1753 годах²⁰ в 1752 году было приобретено «Пергамену за 2 кожи — 4 р.», в то время как: «Опойков за 50 — 15 р. / Бараных кож за 200 [!] — 79 р. / Казаних кож за 3 — 3 р. 21 к. / Сафьяну турецкого за 15 пуд — 48 р. 75 к. / Казаних черных кож за 7 — 6 р. 20 к. / Кож замшеных за 10 — 4 р. 25 к.». В 1753 году пергамен вообще не закупался.

¹⁷ Куприянова Т.Г. Печатный двор при Петре I. М., 1999. С. 92.

¹⁸ СПФА РАН. Ф. 3. Оп. 7. № 61. Л. 1.

¹⁹ Там же. Л. 4.

²⁰ СПФА РАН. Ф. 3. Оп. 7. № 60. Л. 5–5 об.

В делах Палаты упоминается также переплет в «вельшбант», или «вельшбант». Судя по всему, это транслитерация с немецкого Wälschband, где wälsch — чужеземный, иностранный, романский, французский, итальянский, а Band — переплет, том. В словаре немецкого филолога, старшего библиотекаря курфюрста Саксонского в Дрездене Иоганна-Христофа Аделунга (1732–1806) 1793–1801 года издания в качестве примера словоупотребления прилагательного wälsch приводится профессиональный термин переплетчиков: «Ein wälscher Band, bey den Buchbindern, wo der Rücken und die Ecken eines Buches mit Pergament bekleidet werden»²¹. То же читаем в русском издании словаря: «Ein wälscher Band, (у переплетчиков) Итальянской переплет, в котором на корне и по углам пергамент положен»²². То есть «вельшбант» — это полукожаный переплет из пергамина²³. В отчете (счете) на 45 р. вольного переплетчика Ивана Попова в Комиссию Академии наук сказано: «Все оные книги переплетены в вельшбант»²⁴. Там же: «По требованию комиссии... атлас в разорванных листах поделен и переплетен в вельшбант — 1.20».

В делах Палаты изредка упоминается итальянский переплет: фейерверк «на листе в итальянском переплете»²⁵. Вероятно, то же, что «вельшбант».

Французскими назывались цельнокожаные улучшенные переплеты. Подобные переплеты выполнялись в качестве наградных, учащимся за особые успехи, а также для чинов Академии, их заказывали академики. Так, 21 января 1749 года отличившимся в публичном экзамене ученикам было решено «подарить книги Телемака (6), Езопа (4)», для чего «выдать из книжной лавки для переплету мастеру Розенбергу в фран-

²¹ Adelung J.Ch. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart nach der Ausgabe letzter Hand, 1793–1801. Bd. 6 von 6: T–Z. Berlin, 2014. S. 413.

²² Полный немецко-российской лексикон, из большого грамматико-критического Словаря господина Аделунга составленный, с присовокуплением всех для совершенного познания Немецкаго языка нужных словоизречений и объяснений; издано Обществом Ученых людей. В СПб. : Печатан в Император. тип., у Ивана Вейтбрехта, 1798. Ч. 2. С. 900.

²³ Автор приносит глубокую благодарность старшему научному сотруднику Научно-исследовательского отдела редкой книги Библиотеки Академии наук (НИОРК БАН) П.И. Хотееву за помощь в работе.

²⁴ СПФА РАН. Ф. 3. Оп. 7. № 56. Л. 8–9.

²⁵ СПФА РАН. Ф. 3. Оп. 7. № 61. Л. 1.

цузский переплет»²⁶. 21 марта 1750 года было отдано распоряжение для Шумахера и Теплова «отобрать из книжной лавки по 1 экземпляру всех изданий на хорошей бумаге и переплести во французский переплет Розенбергу»²⁷. «Для Профессора Тредиаковского / 2. Ролленовой Истории в французском переплете в четверть листа»²⁸. В октябре 1750 года по просьбе профессора и почетного академика Генциуса из Лейпцига было определено: лейпцигским студентам, изучающим русский язык, послать «книги, а именно: во французском переплете каждому по одной принца Евгения, Квинта Курция, ныне первый том, а второй — когда выйдет, Корнелия Непота, и о том... мастеру Розенберху о переплете, — послать ордеры»²⁹.

Хотя подобные переплеты явно были улучшенными, но они не были сафьяновыми. Так, в заказе 1752 года для Е.И.В. и Двора на календари и третий том «Истории» Роллена французские и сафьяновые переплеты значатся отдельно: «По обрезу золотом в красной сафьян с позолотою два, в красной же сафьян четыре, в галанском переплете с напрыском шесть, во французском переплете шесть да в библиотечной переплёт один»³⁰, — здесь мы встречаем упоминания всех выше рассмотренных разновидностей переплета. Всё же пока не вполне ясно, как именно выглядел подобный переплет. Е.А. Савельева упоминает (к сожалению, без ссылок на источник), что с 1740-х годов «для книг небольшого формата употреблялся т. н. французский переплёт из коричневой кожи без тиснения. Таким образом был переплетен «Камерный каталог», для продажи не предназначенный»³¹.

Что касается «красного сафьянового переплета», то это было общепотребительное название дорогого цельнокожаного переплета с декором золотого тиснения на корешке и крышках, золоченым обрезом и,

---

²⁶ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 9. СПб., 1897. С. 656–657, § 781.

²⁷ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 10. СПб., 1900. С. 341–342, § 426.

²⁸ СПФА РАН. Ф. 3. Оп. 7. № 61. Л. 1 об.

²⁹ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 10. С. 581, § 766.

³⁰ СПФА РАН. Ф. 3. Оп. 7. № 60. Л. 1–1 об.

³¹ Савельева Е.А. О ранних переплетах Академической библиотеки (к проблемам сохранности фондов в первой половине XVIII века) // Сохранение культурного наследия библиотек, архивов и музеев. С. 98.

как правило, мраморными форзацами. Его упоминает А.С. Пушкин в повести «Гробовщик» (написана в 1830 году, время действия 1817 год) в качестве яркой обобщающей характеризующей детали: «Переплетчик, коего лицо казалось в красненьком сафьянном переплете»³².

Английский переплет упоминается в делах Палаты за 1800 год: «Представленные унтер библиотекарем Буссе российские и немецкие 1793 года ведомости, отдать в аглинской переплете а по переплете возвратить в академическую Библиотеку»³³. Известно, что в XIX — начале XX века «английским» назывался полукожаный переплет. Возможно, то же было и в XVIII веке. И действительно, в Академическом собрании Библиотеки Академии наук хранятся конволюты «Санкт-Петербургских ведомостей» в полукожаных переплетах с клейстерной бумагой на крышках. В основном это ведомости за 1820-е и более поздние годы. Но есть экземпляр прибавлений и за 1809 год, что само по себе свидетельствует о существовавшей практике изготовления подобных переплетов в начале XIX века. Однако обиходные полукожаные переплеты изготавливались в Переплетной палате уже с 1730-х годов³⁴. В Академическом собрании Библиотеки Академии наук нами были выявлены подобные переплеты 1740-х годов.

Корректуры, шнуровые книги и некоторые архивные дела переплелись в цельнобумажные и полукожаные переплеты с турецкой волнистой бумагой, поэтому такие переплеты иногда назывались турецкими. Так, 17 апреля 1749 года профессор Миллер сообщал: «...В историческом архиве, сибирские описания и прочие дела надлежит помалу переплесть в турецкий переплет, с золотыми подписями, дабы свободнее было оные употреблять и ничего не могло бы потеряться, и в архиве бы стояли красиво, и для скорого по подписям присыку». Было определено «оныя... дела, для переплету в турецкую бумагу, так, как корректура переплется, отдавать мастеру Розенбергу»³⁵. В турецкую бумагу переплелись и книги для Книжной лавки, т. е. для покупателей. «В Книжную лавку Прейслеру отдано / 5 Собраний российской Истории в золотой бумаге /

---

³² Пушкин А.С. Сочинения. В 3 т. Т. 3. М., 1986. С. 72.

³³ СПФА РАН. Ф. 3. Оп. 7. № 62. Л. 21.

³⁴ Савельева Е.А. О ранних переплетах Академической библиотеки (к проблемам сохранности фондов в первой половине XVIII века) // Сохранение культурного наследия библиотек, архивов и музеев. С. 98.

³⁵ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 9. С. 729, § 890.

179 в белой бумаге / 25 азбук в турецкой бумаге»³⁶. Хотя это были самые дешевые переплеты, но они и сегодня выглядят привлекательно и нарядно благодаря вощенной бумаге, ярким краскам, завораживающему рисунку арок с причудливыми «завитками», «барашками» и «гребешками».

Но самые изысканные переплеты выполнялись, конечно, для Двора Е.И.В. По разным случаям, для ассамблей Академии наук, фейерверков, представлений Палате приходилось переплетать по 500–900 экземпляров единовременно. Причем использовались разные ткани в зависимости от положения будущего владельца при дворе. Если до XVIII века цельнотканевые шелковые переплеты использовались для церковных книг и подносных экземпляров московским государям, Петру I³⁷, то при дворах Елизаветы и Екатерины II стало модно переплетать в дорогие материи издания по случаю различных празднеств, ассамблей, увеселений. В них облачались либретто, речи, календари. В эпохи барокко и рококо, женские по духу, книга должна была выглядеть изысканной, привлекательной вещицей. Кто-то сравнил эти книжечки с куколками, наряженными в бальные платья: бархатные, шелковые, «в градитуре», «в гласе» или «гласте» (т. е. глазете), «в море» (т. е. в муаре), в атласе, в тафте.

Приведем несколько упоминаний из дел Палаты. 14 декабря 1748 года мастер Ф. Розенберг подал в Канцелярию Академии наук report: «На переплет описания фейерверка на 1749 год потребны следующие материалы, а именно аршин золотого мору, два аршина серебряного мору, 23 аршина зеленої тафты, 27 аршин красной тафты, одиннадцать десетей голанской белой бумаги»³⁸.

2 сентября 1756 года: «Для переплету речей господ профессоров Штруба и Плима потребны следующие материалы. А именно. Аршин золотого глазету, 3 аршина серебряного глазету, 5 аршин алого глазету. 12 аршин зеленої тафты. 16 аршин красной тафты 10 десетей золотой бумаги. Лот зеленого шолку»³⁹. Переплеты из дорогих тканей украшались позументами, «плетешками», для них изготавливались футляры. Так, 14 ноября 1750 года из придворной Е.И.В. конторы была получена промемория «напечатать речи оперы... 450 книг... и переплеть, а именно: две в зеленом бархате, по краям позумент золотой с битью широкой,

³⁶ СПФА РАН. Ф. 3. Оп. 7. № 61. Л. 1 об.

³⁷ Джисоева А.Р. Ткани переплетов подносных экземпляров Библиотеки Петра I // Возвращение к истокам. Вып. 2. СПб., 2020. С. 56–63.

³⁸ СПФА РАН. Ф. 3. Оп. 7. № 59. Л. 28.

³⁹ СПФА РАН. Ф. 3. Оп. 7. № 60. Л. 19.

образ бумаги с золотом, да четыре в голубом бархате, по краям позумент узкий, обрез бумаги с золотом, 90 в атласе голубом, обрез бумаги с золотом же, а достальные в золотой бумаге с простым обрезом»⁴⁰. 10 ноября 1748 года Е.И.В. было заказано 874 календаря в переплетах, в т. ч.: «российских больших три да придворных маленьких три, в бархате зеленом с золотыми узкими плетешками и с футлярами, обложенными таковым же бархатом и с плетешками», восемь для Их Императорских Высочеств «в бархате алом, с золотыми узкими плетешками и футлярами, обложенными таковым же бархатом и плетешками»⁴¹.

Как видим, материалы Переплетной палаты содержат сведения о видах переплетов XVIII века, об их бытовавших названиях, о профессиональной лексике переплетчиков. Можно выделить четыре группы исторических названий переплетов:

1) по назначению: «библиотечный» (для библиотеки), «академический» (для даров от имени Академии наук);

2) по стране происхождения, чей переплет брался за образец: «голландский», «французский», «итальянский» («велшбант»), «английский» (в конце XVII — начале XVIII века существовали еще «русский» и «немецкий» переплеты, но они в делах Палаты не упоминаются);

3) по тонированию кожи: «мраморный». Упоминания других способов тонирования в делах Палаты нам не встретилось;

4) по материалу покрытия (особенно для тканевых и бумажных переплетов, из дорогих кож): «в красной сафьян», «в градитуре», «в золотой бумаге», «в турецкой бумаге». Как правило, при упоминании вида переплета приводится и способ окрашивания обреза: «по обрезу золотом», «по обрезу красной краской прыск», «по обрезу с напрыском», «с простым обрезом».

К сожалению, материалы Палаты не содержат подробного описания упоминаемых переплетов, их конструкции и декора. Однако они дают представление о целевом назначении: для канцелярии, библиотеки (личной, общественной, дворцовой), для подношения, для поощрения, в дар, для увеселительного или торжественного мероприятия и т. д. Определение точных признаков вышеназванных переплетов — задача следующего исследования.

⁴⁰ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 10. С. 626, § 833.

⁴¹ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 9. С. 536–537, § 653.

Ольга Морева

ИЗДАНИЯ XVIII ВЕКА ИЗ КРУГА ЧТЕНИЯ УРАЛЬСКОГО ЗАВОДОВЛАДЕЛЬЦА В ЦИФРЕ

В рамках Национального проекта «Культура» Свердловская областная универсальная научная библиотека имени В.Г. Белинского (далее Библиотека имени В.Г. Белинского) цифрует книжные памятники — издания XVIII века, входившие в круг чтения Никиты Акинфиевича Демидова (1724–1787). Национальный проект «Культура» разработан в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года¹, в структуре нацпроекта три федеральных проекта: «Культурная среда», «Творческие люди» и «Цифровая культура». В рамках последнего Библиотека имени В.Г. Белинского в 2019 году начала оцифровку, чтобы сформировать виртуальную книжную полку читателя XVIII века. При отборе изданий для введения их в общественное пользование мы руководствовались уникальностью, научной ценностью и региональной значимостью. В период становления горнозаводского Урала важное значение имела деятельность представителей рода Демидовых, поэтому решено в цифровой формат переводить книги и журналы из круга чтения уральского заводовладельца — Н.А. Демидова (по десять изданий ежегодно), сохранившиеся в Библиотеке имени В.Г. Белинского.

На подготовительном этапе прошло выявление документов, их экспертная оценка, были созданы машиночитаемые записи библиографических описаний в Электронном каталоге Библиотеки имени В.Г. Белинского и проведена их регистрация в Государственном реестре книжных памятников. В рамках подготовки к оцифровке также проводились реставрационные мероприятия: полистная очистка от пыли, удаление наклеек, укрепление разрывов, дезинфекция, стабилизация переплетов и изготовление микроклиматических контейнеров. В процессе оцифровки созданы мастер-копии и пользовательские копии документов на оборудовании, не разрушающем уникальные издания. Цифровые

---

¹ Национальный проект «Культура» // Сайт Министерства культуры Российской Федерации [Электронный ресурс: <https://culture.gov.ru/about/national-project/about-project/>].

копии включаются в электронную библиотеку Белинки² и Национальную электронную библиотеку³, там они находятся в открытом доступе с возможностью чтения онлайн и скачивания. В электронной Белинке есть полнотекстовый поиск по документам, который помогает найти конкретные факты, фамилии, термины и т. п., позволяя пользователю опуститься непосредственно на уровень содержания документа. Это существенно облегчает знакомство с документом и работу с ним в исследовательских целях.

Урал — регион книжный. С волнами миграций русского населения, связанными с освоением Сибири, на Урал попадали книги. Сначала древней русской традиции: их приносили с собой на Урал староверы, или кержаки, как их стали называть на Урале⁴. В Петровскую эпоху — время промышленного освоения региона — здесь начали бытовать книги на разных языках по горному делу, металлургии, геологии и другим наукам и практическим ремеслам⁵. А уже в XIX веке в этой отдаленной провинции книжные новинки читали с незначительным отставанием от столиц и формировали богатые частные книжные собрания не только в домах горных инженеров и чиновников, но и в купеческих семьях, а также в семьях крепостных служителей и управителей на заводах⁶. Все эти книжные богатства хранятся сейчас в музеиных собраниях, в библиотеках уральских вузов и в областной библиотеке.

Екатеринбург всегда претендовал на статус столичного города, т. к. почти весь XIX век это был единственный в Российской империи горный город, не подчинявшийся гражданским губернским властям, а

---

² Электронная библиотека Белинки [Электронный ресурс: <http://elib.uraic.ru/>].

³ Национальная электронная библиотека [Электронный ресурс: <https://rusneb.ru/>].

⁴ Подробнее об этом см.: Кожурин К.Я. Повседневная жизнь старообрядцев. М., 2014.

⁵ Сафонова А.М. В.Н. Татищев как создатель Екатеринбургской библиотеки горного ведомства, крупнейшего уникального собрания российской провинции // Десятие Татищевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 20–21 ноября 2013 года). Екатеринбург, 2013. С. 32–40.

⁶ Морева О.В. Чтение в повседневной жизни горнозаводского населения Урала во второй половине XIX — начале XX века // Социальная история: ежегодник. 2011 / отв. ред. Н.Л. Пушкарева. СПб., 2012. С. 124–155.

обладавший полной автономией и полной самостоятельностью⁷. Отголоски этой самости слышны и в сегодняшнем дне. Но при стоячих амбициях в Екатеринбурге очень долго не было городской публичной библиотеки. Она была открыта лишь в 1899 году, и не благодаря усилиям городской власти, а исключительно частной инициативой членов Общества любителей изящных искусств⁸.

Фонд Библиотеки имени В.Г. Белинского формировался за счет даров ее учредителей и горожан, поэтому в нем не так много книжных памятников⁹. Такой статус, согласно закону «О библиотечном деле», присваивается «рукописным книгам или печатным изданиям, обладающим выдающейся духовной, материальной ценностью, имеющим особое историческое, научное, культурное значение и в отношении которых установлен особый режим учета, хранения и использования»¹⁰. По хронологическому критерию — это все печатные издания до 1830 года включительно. Поэтому библиотека, организованная в конце XIX века, не может владеть большим количеством изданий, вышедших в свет задолго до ее открытия.

Ситуация изменилась в эпоху великого книжного переселения и разорения, в годы революций и войн XX века. В центральную библиотеку Уральской области благодаря реквизициям стекались книжные богатства из частных книжных собраний, из закрытых советской властью учреждений и организаций. Эти пополнения, связанные с отчуждением библиотечных фондов, продолжались вплоть до середины XX века. Последние годы жизни Никита Акинфьевич провел в своих подмосковных имениях, и именно там он читал книги и журналы, которые затем по воле его наследников оказались на Урале, а сейчас хранятся в Библиотеке

⁷ Энциклопедия Екатеринбурга. В 2 т. Екатеринбург, 2018. Т. 2. 1807–1917 годы: горный город, уездная столица / Н.С. Корепанов, В.П. Микитюк.

⁸ «Белинка»: очерки истории / под ред. Н.Е. Цыпиной. Екатеринбург, 1999.

⁹ Подробнее об этом см.: Светличная С.А. Формирование фонда Свердловской областной универсальной научной библиотеки имени В.Г. Белинского в 1899–1918 годах // Книжная провинция / сост. Ю.А. Горбунов, О.В. Морева. Вып. 2. Екатеринбург, 2019. С. 61–81.

¹⁰ Федеральный закон от 29 декабря 1994 года № 78-ФЗ «О библиотечном деле» (с изменениями и дополнениями) // Региональный центр «Книжные памятники Свердловской области» [Электронный ресурс: http://book.uraic.ru/uralkp/reg_center/Dokument/1.1_Federalnij_zakon_29_dek_1994_N_78_12.2020.pdf].

ке имени В.Г. Белинского. Именно из них создается виртуальная полка читателя XVIII века.

Никита Акинфиевич (1724–1787) — внук основателя династии Демидовых — Никиты Демидовича Антуфьева (1656–1725), получившего от Петра I новую фамилию — Демидов. В оценке личности Никиты Акинфиевича его современники и исследователи XXI века полярно расходятся. Практически все признают в нем прекрасного руководителя и организатора горнозаводского хозяйства, но его человеческие качества оценивают по-разному. «Чваный и мелочный Н.А. Демидов любил разыгрывать роль мецената и просвещенного человека и добился звания почетного члена Академии художеств и Вольного экономического общества», — так был охарактеризован наш герой в издании «Русские портреты XVIII и XIX столетий»¹¹. «Одной из характерных черт Никиты Демидова была открытость новым культурным веяниям и техническим достижениям. Во многом этим объясняется его интерес к европейской культуре, а также положительное отношение к образованию в целом и изучению языков в частности, которые он готов был поддерживать как в России вообще, так и в своих собственных владениях»¹². Это мнение доктора исторических наук Алексея Геннадьевича Мосина, которое он подкрепляет цитатой из письма Никиты Акинфиевича: «Иностранные же языки никогда вредить не могут, а служители, владеющие языками, всегда мне могут быть полезны»¹³. Еще одно подтверждение — запись Н.А. Демидова в книге, изданной Н.И. Новиковым в типографии Московского университета в 1779 году и содержащей «Поэму Эльвири» и прозаический текст «Зенотемис, приключение марсельское» французского поэта де Арно: «Сия элегическая мораль чаятельно в арегинале доказательна же, но чрез сиго переводчика без разположения немало затменена. Прочтено 20-го февраля 1780 года»¹⁴.

Важно отметить, что круг чтения уральского заводчика и пометы, оставленные им на полях книг и журналов, дают богатый материал для

¹¹ Цит. по: *Пирогова Е.П. Библиотеки Демидовых: книги и судьбы*. Екатеринбург, 2000. С. 74–75.

¹² *Мосин А.Г. Род Демидовых*. Екатеринбург, 2012. С. 207.

¹³ Цит. по: *Мосин А.Г. Род Демидовых*. С. 207.

¹⁴ *Арно, Ф.Т.М. де Б.д'. Поэма Эльвири*. М. [у Н. Новикова], 1779. С. 111. Электронная копия доступна в электронной Белинке [Электронный ресурс: <http://elib.uraic.ru/handle/123456789/44156>].

размышлений и интерпретаций сведений о личных качествах «чванного и мелочного» Н.А. Демидова. В то время как многие екатерининские вельможи искусственно создавали свой «просвещенный» образ, у нас есть источники, подтверждающие не только наличие богатой библиотеки в московской усадьбе уральского заводовладельца, но и следы прочтения. Известен такой случай из истории чтения в России XVIII века: «Во время правления Екатерины Великой некий господин Клостерманн сколотил состояние, продавая длинные ряды книжных переплетов, внутри которых была чистая бумага, — это создавало иллюзию библиотеки и позволяло придворным снискать расположение императрицы-читательницы»¹⁵. В связи с этим казусом приведем один из многочисленных отзывов Н.А. Демидова, демонстрирующий его начитанность и противопоставление себя «большим боярам»: «Хотя Сия филозофическая тонкость и дана знать, но не всякой с охотою прочтет а особливо думать можно что большим боярам не понравится. Читано в апреле 26 числа 1776 года»¹⁶.

И еще одно замечание, связанное с переплетами. Никита Акиньевич, по-видимому, не сильно заботился о внешнем виде своей библиотеки, в отличие от многих его современников — представителей высших сословий. Книги он приобретал для чтения, а не для того, чтобы украсить интерьер. К такому выводу нас подталкивает тот факт, что многие пометы владельца бережно сохранялись переплетчиками: если записи были сделаны на полях, которые должны быть обрезаны, их оставляли, аккуратно сложив¹⁷.

В 2019–2020 годах Библиотека имени В.Г. Белинского оцифровала 20 книг. Это экземпляры 1738–1787 годов издания, входившие в состав личной библиотеки Н.А. Демидова. Сохранившиеся книги представляют его разнообразные интересы. Уральского заводчика занимали философские сочинения древнеримского политического деятеля, ора-

---

¹⁵ Мангель А. История чтения / пер. с англ. М. Юнгер. СПб., 2020. С. 290.

¹⁶ Гоббс Т. Начальные основания философическая о гражданине / пер. с лат. [Семеном Веницеевым]. СПб. ; М. [типография Военной коллегии], 1776. Форзац.

¹⁷ Например, см.: О любви : из Енциклопедии / перевел С. Б[ашилов]. [СПб., 1769]. С. 69. Электронная копия [Электронный ресурс: <http://elib.uraic.ru/handle/123456789/44163>].

тора и философа Марка Туллия Цицерона¹⁸. Свои читательские впечатления Никита Акинфиевич оставил в издании трудов английского философа-материалиста Т. Гоббса¹⁹. Н.А. Демидовым были прочитаны переведенные на русский язык и изданные отдельными брошюрами статьи из знаменитой французской энциклопедии Д. Дидро: «О роскоши»²⁰, «О любви»²¹, «О ласкательстве»²², «Греция»²³. Идеи Просвещения, по точному замечанию В.О. Ключевского, «неслись поверх умов какими-то сухими туманами, застилая глаза и не освежая мысли, а только оставляя на ней сорный осадок в виде пустых фраз, дурных манер, непристойных выходок против общепринятого»²⁴. По нашему мнению, читательские практики Н.А. Демидова характеризуют не только его серьезное отношение к выбору книг, но и внимательное их прочтение, а значит, мы вправе надеяться и на усвоение прочитанного. Интересовался уральский заводчик культурой Востока. Для Национальной электронной библиотеки подготовлена цифровая копия уникального «Букваря китайского» (Санкт-Петербург, 1779) с читательским отзывом Н.А. Демидова²⁵.

¹⁸ Цицерон М.Т. Лелий, или О дружестве / пер. с лат. [Михаилом Павловым]. СПб., 1781. Электронная копия [Электронный ресурс: <http://elib.uraic.ru/handle/123456789/44161>].

¹⁹ Гоббс Т. Начальные основания философическая о гражданине. Электронная копия [Электронный ресурс: <http://elib.uraic.ru/handle/123456789/44158>].

²⁰ Сен-Ламбер, Ж.Ф. де. О роскоши / статья, переведенная из Енциклопедии [Александром Войновым]. [СПб., 1775]. Электронная копия [Электронный ресурс: <http://elib.uraic.ru/handle/123456789/44165>].

²¹ О любви: из Енциклопедии / перевел С. Б[ашилов]. [СПб., 1769]. Электронная копия [Электронный ресурс: <http://elib.uraic.ru/handle/123456789/44163>].

²² О ласкательстве : из Енциклопедии / перевел С. Б[ашилов]. [СПб., 1769]. Электронная копия [Электронный ресурс: <http://elib.uraic.ru/handle/123456789/44159>].

²³ Жокур, Л. де. Греция : из Енциклопедии / [пер. С. Башилов]. [СПб., 1769]. Электронная копия [Электронный ресурс: <http://elib.uraic.ru/handle/123456789/44162>].

²⁴ Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли / подгот. В.А. Александров. М., 1990. С. 374.

²⁵ Букварь китайской: состоящей из двух китайских книжек, служит у китайцев для начального обучения малолетних детей основанием: писан на стихах, и содержит в себе много китайских пословиц / перевел с китайского и манжурского на российской языке прозою надворный советник Алексей Леонтиев. СПб., 1779. Электронная копия [Электронный ресурс: <http://elib.uraic.ru/handle/123456789/44157>].

На виртуальной полке также естьrarитеты по праву²⁶, педагогике²⁷ и сочинение С. Абильгора, датского художника и геолога-естественноиспытателя, о торфе²⁸.

В 2021 году началась оцифровка журналов, которые выписывал и читал Никита Акинфиевич. Это восемь выпусков «Академических известий» за 1779–1781 годы и два выпуска «Модного ежемесячного издания, или Библиотеки, для дамского туалета» за 1779 год. В выпусках «Академических известий» сохранились записи, оставленные Никитой Акинфиевичем. Так, во второй части журнала за май — август 1779 года указано: «Прочтено 12 июля 1779. Переводчику же доброе спасибо отдать можно».

Демидов не случайно хвалил переводчиков. Авторы и редакторы журнала своей целью ставили «познакомить неспециалистов с достижениями науки европейских академий и трудами отечественных авторов». Июльский номер с пометами Демидова состоял большей частью из переводных статей. Так, в нем было опубликовано письмо англичанина Патрика Брайдона (1736–1818) о его путешествии на гору Этну; помещены обзор сочинений Королевского Геттингенского университета в 1777-м и ученых записок Копенгагенского университета в 1778 году²⁹. После оцифровки этих документов любой читатель сможет оце-

---

²⁶ Артемьев А.А. Краткое начертание римских и российских прав : с показанием купно обоих равномерно как и чиноположения оных историй. М., 1777. Электронная копия [Электронный ресурс: <http://elib.uraic.ru/handle/123456789/46609>].

²⁷ Russo, Ж.-Ж. Разсуждение г. Ж.-Ж. Руссо. На вопрос. Какая добродетель есть самонужнейшая героям; и которые суть те герои, кто оной добродетели не имели / переводил Павел Потемкин. М., 1770. Электронная копия [Электронный ресурс: <http://elib.uraic.ru/handle/123456789/44160>].

²⁸ Абильгор С. Сочинение о торфе / изданное Зереном Абильгардом; переведенное с немецкого на российский язык Горнаго училища студентом Никитою Рожешниковым; рассматривано учрежденным при оном Училище собранием. СПб., 1776. Электронная копия [Электронный ресурс: <http://elib.uraic.ru/handle/123456789/46608>].

²⁹ Академическая известия: содержащия в себе историю наук и новейшия открытия оных. Извлечение из деяний славнейших академий в Европе, новьяя изобретения, опыты в естественной истории, химии, физике, механике и в отношениихся к оным художествах. Отличнейшия произведения в писменах во всей Европе; академическая задачи; любопытныя и странныя тяжбы и прочия примечательныя произшествия. СПб., 1779–1781. 1779. Месяц май — август.

нить качество переводов и либо согласиться с Никитой Акинфиевичем, либо нет.

Пометы Демидова были выявлены и описаны уральскими исследователями Людмилой Александровной Дацкевич (Осиповой)³⁰ и Еленой Павловной Пироговой. В 2000 году вышла книга последней — «Библиотеки Демидовых: книги и судьбы»³¹. По предположениям Елены Павловны, «у Никиты Акинфиевича в Москве была значительная библиотека, насчитывающая, по меньшей мере, несколько сотен томов»³². Свои выводы она основывает и на сохранившихся в фондах уральских библиотек (не только Библиотеки имени В.Г. Белинского) изданиях, и на архивных документах.

Сын Никиты Акинфиевича — Николай Никитич Демидов после смерти отца отправил библиотеку в Нижний Тагил, где она сначала пополнила фонд библиотеки Высшего училища, основанного еще в 1740 году в Нижнетагильском горном округе, принадлежавшем Демидовым. Позже, в середине XIX века эти книги и журналы были переданы в библиотеку Нижнетагильских заводов, которой могли пользоваться жители многочисленных заводских поселков округа. В советский период большая часть изданий XVIII века как наиболее ценные экземпляры была вывезена из Нижнего Тагила. Книги не раз меняли своих хозяев, о чем свидетельствуют многочисленные библиотечные штампы, прежде чем они оказались в фонде Библиотеки имени В.Г. Белинского.

Реализация национального проекта «Культура» и новое оборудование, имеющееся в библиотеке для создания цифровых копий уникальных изданий, дает книгам из собрания Н.А. Демидова новую жизнь в новых форматах. Книжные памятники в цифре — это одновременно и возможность сохранения книжных памятников, и расширение круга их читателей и исследователей.

---

³⁰ Мартынов И.Ф., Осипова Л.Н. Библиотека уральского горнозаводчика XVIII века Н.А. Демидова // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала (XVIII — начало XX века) / отв. ред. и авт. предисл. Б.А. Сутырин. Свердловск, 1979. С. 56–72.

³¹ Пирогова Е.П. Библиотеки Демидовых: книги и судьбы. Екатеринбург, 2000.

³² Там же. С. 94.

**Константин Боленко,
Екатерина Мазаева**

СБОРНИК ТЕАТРАЛЬНЫХ АФИШ 1795 ГОДА ИЗ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ТЕАТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ А.А. БАХРУШИНА: ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Одной из наиболее крупных фондов коллекций Государственного центрального театрального музея (ГЦТМ) имени А.А. Бахрушина является собрание театральных афиш, которое насчитывает более 600 000 единиц и охватывает период с середины XVIII века по настоящий момент. Многие музейные предметы из этой коллекции уникальны и известны в единственном экземпляре. Сердцем коллекции является фонд афиш императорских и частных театров (фолиантов), который начал собирать основатель музея Алексей Александрович Бахрушин. Позднее коллекция фолиантов пополнялась экземплярами из частных собраний и передачами из других учреждений.

Частью этого фонда является подшивка афиш императорских петербургских театров за 1795 год¹. Фолиант уже был введен в научный оборот — в частности, известно количество входящих в его состав афиш и их временной диапазон, выявляемая с его помощью статистика спектаклей российской, французской и итальянской трупп; две афиши были опубликованы². Также он был представлен как минимум на одной из выставок и отражен в ее каталоге³. Однако имеющиеся на данный момент описания фолианта отличаются краткостью, и, конечно, он заслуживает более подробного изучения.

Одним из таких вопросов является история поступления сборника в ГЦТМ и предшествующая этому событию владельческая принадлежность конволюта. Но сначала стоит более аргументированно обосновать

---

¹ Государственный центральный театральный музей (ГЦТМ) имени А.А. Бахрушина. КП 2788/1–222. Фолиант афиш Санкт-Петербургских театров. 1795 год. Далее: Фолиант 1795.

² Латина К.В. Театр начинается с афиши. История театральной афиши в России от истоков до 1917 года. М., 2017. С. 65–68.

³ Иллюзия театра: к 200-летию Театра Гонзаги в Архангельском: каталог выставки. М., 2018. С. 61. Правда, без изображения. Сведений об использовании сборника в других выставочных проектах у сотрудников ГЦТМ не имеется.

тезис об уникальности этой подшивки и дать ее более подробное описание.

На данный момент это, по-видимому, самая ранняя из известных подшивок афиш в российских коллекциях. Насколько нам удалось выяснить, она не имеет близких к себе по времени и полноте годовых подборок. В коллекции ГЦТМ имени А.А. Бахрушина следующий за ним переплет уже московских объявлений относится к 1806–1807 годам и содержит 57 листов⁴. В свою очередь, согласно описи фонда Дирекции императорских театров, хранящегося в Российском государственном историческом архиве (РГИА), сохранившимся в нем наиболее ранние афиши в переплетах относятся к 1828 году и, судя по количеству листов в деле (107), охватывают далеко не весь годовой репертуар⁵. В Санкт-Петербургском государственном музее театрального и музыкального искусства самая ранняя «книга афиш» относится к 1832 году⁶. В Российской национальной библиотеке — к 1809 году и охватывает только один месяц⁷. Сборник афиш Императорского Большого театра в Музее книги Российской государственной библиотеки (РГБ) — к 1840–1841 годам⁸.

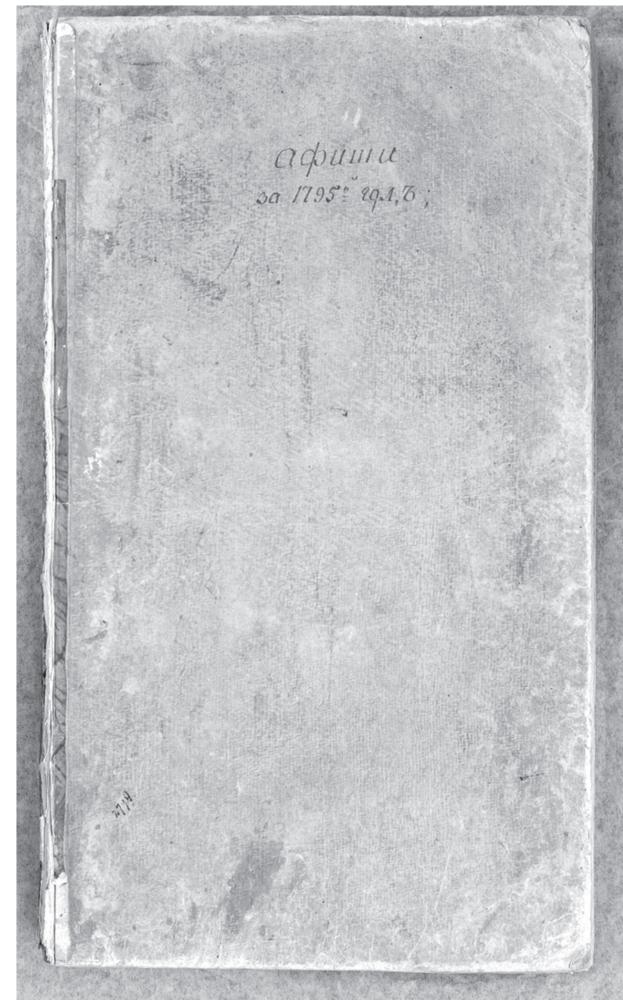
Фолиант имеет размеры $42 \times 25 \times 4,8$ см. Переплет очень простой. Он практически не имеет декоративных деталей, что говорит

⁴ ГЦТМ имени А.А. Бахрушина. КП 2718–2774. Фолиант афиш московских театров 1806–1807 годов.

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 497. Оп. 4. Д. 1998 [Электронный ресурс: <https://rgia.su/object/3397781>].

⁶ Собрание афиш и программ // Сайт Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства [Электронный ресурс: https://theatremuseum.ru/page/sobranie_afish_i_programm].

⁸ Шифр МК XII А 8/2 [Театр].

Фолиант афиши 1795 года.
Верхняя крышка переплета

Фолиант афиши 1795 года. Корешок. Общий вид

Фолиант афиши 1795 года. Корешок. Верхняя часть

об утилитарном, а не репрезентативном назначении подшивки. Переплетные крышки из светлого неплотного картона остались без художественного оформления; они даже не быликрыты бумагой. Капталы отсутствуют.

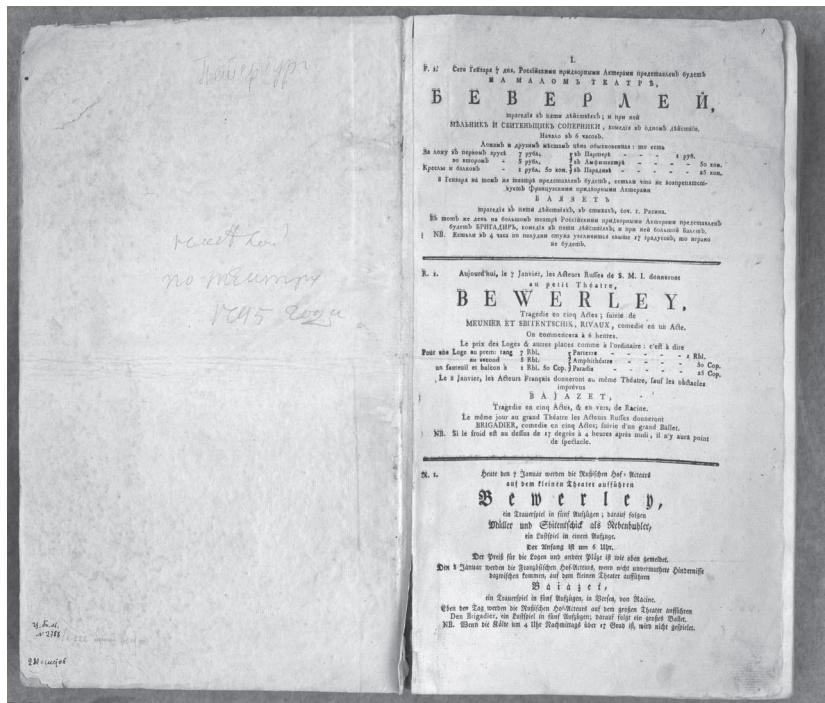
Дать точное и подробное описание переплета, не осуществляя его частичной деконструкции, затруднительно⁹, однако можно уверенно сказать, что блок был сшит в четырех местах по методу классической брошюровки *couture sans ficelle/couture de brochure* и были сформированы обрезы. В пользу именно такого способа шитья говорит то, что корешок и противоположный ему обрез остались ровными, не кругленькими, а само шитье отличается явной непрочностью. При отсутствии разрывов шитье обрезы тем не менее «не держатся» из-за смещения листов в блоке.

Крышки, вероятно, были подклеены на фальц к первой и последней «тетрадям» блока (вести речь о тетрадях в классическом понимании затруднительно ввиду того, что блок был сформирован из отдельных листов).

Корешок был изготовлен в отстав из тонкого картона или нескольких листов бумаги и былкрыт сверху листом белой бумаги с напуском на переплетные крышки около 1 см. По-видимому, изначальной непрочностью этой «конструкции» объясняется тот факт, что корешок и рубчик переплета еще в юсуповский период подверглись основательной «реставрации». Почти по всей длине они были подклеены декоративной клейстерной бумагой коричневого цвета. При этом верхняя часть корешка не подверглась подклейке. Вероятно, это отчасти объясняется тем, что там находится единственный элемент переплета, выполняющий как утилитарную, так и декоративную функцию: прямоугольная наклейка белой кожи с золотым тиснением: двойной линейной рамкой с надписью: «ПО / ТЕАТРУ / 1795 ГОДЪ». Очевидно также, что кожаная наклейка придала дополнительную прочность корешку и сделала реставрацию этого фрагмента необязательной.

Форзацы представляют собой «половинки», наклеенные на внутренние стороны крышек, с напуском на блок конволюта шириной около 0,7 см. Титульный лист и шмуктитул отсутствуют; открыв переплет, мы сразу видим первую афишу от 7 января 1795 года.

⁹ Авторы приносят благодарность Ирине Васильевне Хмелевских за ценные консультации, касающиеся явных и предполагаемых особенностей настоящего переплета.

Фолиант афиши 1795 года. Верхний форзац и лист 1

В нижней части корешка имеется три ярлыка. Первый — квадратный белой бумаги с надписью железо-галловыми чернилами: «77/906». Ниже расположен более крупный ярлык белой бумаги с восьмиугольной тройной синей печатной рамкой; ярлыки такого типа использовались в музеях СССР в 1920-е — 1930-е годы для фиксации учетных номеров. Этот ярлык имеет значительные утраты по краям; заметно, что верхним краем он ранее закрывал нижний край первой наклейки. На нем имеются карандашные литеры или буквы, сильно затертые и частично закрытые третьим ярлыком, от которого сохранились разрозненные небольшие фрагменты. Все три ярлыка приклеены поверх реставрационной коричневой бумаги. К сожалению, карандашные надписи на музейном ярлыке почти полностью стерлись и определить их содержание и ведомственную принадлежность ярлыка не представляется возможным.

На лицевой стороне передней крышки в верхней части черными железо-галловыми чернилами, отчасти выцветшими, нанесена надпись: «АФИШИ / за 1795^й годъ». В нижнем поле крышки слева мелким почерком такими же чернилами нанесен номер: 2734 или 2794.

На верхнем форзаце имеются две карандашные надписи. Одна из них: «Петербург», располагается в верхней части форзаца и, видимо, относится к музеиному периоду. Ниже имеется надпись: «[одно слово нрзб.] / по театру / 1795 года». Судя по особенностям начертания отдельных букв, она могла появиться еще в XIX веке. В нижнем левом углу форзаца черными чернилами и простым карандашом приведен музейный номер КП «2788» и иные учетные записи. На нижнем форзаце имеется штамп музея с учетными номерами — инвентарным и КП.

Все листы фолианта пронумерованы в верхнем правом углу аналогичными черными чернилами и почерком, которым был написан номер КП при поступлении переплета в Театральный музей. Нумерация сквозная без пропусков, всего 228 листов. Шесть из них пустые¹⁰, при этом их бумага отличается от бумаги, на которой напечатаны афиши. Она имеет другие расстояния между вержерами и понтизо и содержит филиграни 1780 года с литерами КФ и ПХ¹¹. Таким образом, переплет содержит 222 афиши.

Афиши имеют небольшой формат, в среднем около 42 × 25 см, почти совпадая по формату с размерами переплета. Несмотря на то, что в переплете сформирован обрез, некоторые афиши сохранили изначальные неровные края, когда они оказывались по формату меньше размеров блока; в тех случаях, когда текст афиши мог быть утрачен при обрезке, афишу загибали по нижнему краю. На нескольких афишиах по верхнему полю имеются надписи железо-галловыми чернилами, нанесенные разными руками: «1795», иногда частично утраченные при формировании обреза¹². На листе 90 имеется карандашная помета в правом поле листа; на обороте листа 111 — сделанные карандашом расчеты; на листе 117 — проба пера и помета неясного содержания, сделанные железо-галловыми чернилами.

¹⁰ Л. 30, 31, 55, 70, 136, 195.

¹¹ Клепиков С.А. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX веков. М., 1959. № 302. С. 51; Он же. Филиграни на бумаге русского производства XVIII — начала XX века. М., 1978. № 380. С. 29.

¹² Л. 3–4, 15, 18–20, 23, 26–27. Иногда фрагменты цифр обрезаны настолько сильно, что не поддаются идентификации (л. 1).

Что касается сохранности фолианта, то повреждения — загрязнения, затеки и потертости на крышках и обрезах, разрывы и утраты бумаги на корешке, локальные следы жизнедеятельности насекомых — в целом следует признать не слишком значительными, особенно если принимать во внимание особенности переплета. Часть из них вполне могла появиться уже в музейный период.

Афиши могли собирать как театралы, так и театральная дирекция из прагматических соображений, для контроля финансовой отчетности. В документах Дирекции императорских театров за 1800 год прямо говорится о необходимости сверки данных в книге отчетности с экземпляром афиши, на который также заносили сумму прихода¹³. Вполне вероятно, что такая практика существовала и в предшествующий период.

Сложно сказать точно, когда именно афиши были переплетены. Очевидно, что их собирали по отдельности и они порой успевали «прожить» самостоятельную жизнь. Об этом говорят сохранившиеся изломы и загрязнения по этим изломам на обратной стороне некоторых афиш¹⁴. Но подборка была сделана очень тщательно и скорее всего была переплита вскоре по окончании года.

Афиши в фолианте охватывают временной отрезок с 7 января до 19 декабря 1795 года и в сравнении с регистром Архива Дирекции императорских театров имеют лишь один пропуск — не хватает афиши, анонсирующей спектакли 26 июня¹⁵. В то же время в переплете встречаются афиши спектаклей, которые не упоминаются в регистре. Например, в фолианте сохранилась афиша балета «Прекрасная Арсена» на 13 апреля 1795 года¹⁶. Возможно, спектакль не состоялся и поэтому он не занесен в регистр Дирекции императорских театров со сборами от спектаклей. Во-вторых, один и тот же спектакль встречается в анонсах нескольких следующих друг за другом афишах. Таким образом, собирали все афиши, независимо от того, анонсировался ли на это число спектакль ранее или нет.

---

¹³ Архив Дирекции императорских театров. Вып. 1. Отд. 2. СПб., 1892. С. 597.

¹⁴ См., например: Афиша сводная. Санкт-Петербург, Малый театр, 7–8 января 1795 года. КП 2788/1.

¹⁵ Архив Дирекции императорских театров. Вып. 1. Отд. 3. СПб., 1892. С. 250.

¹⁶ Афиша сводная. Санкт-Петербург, Большой театр. 10–11 апреля 1795 года. КП 2788/36.

Происхождение фолианта выясняется из документов, хранящихся в настоящее время в научно-справочном архиве Государственного музея-усадьбы «Архангельское»¹⁷. Сохранились четыре документа (*см. Приложение в конце статьи*):

1) копия отношения Музейного отдела Управления научными, художественными и музейными учреждениями (Главнауки) Наркомпроса РСФСР в Управление усадьбами (Управление государственными музеями-усадьбами и музеями-монастырями) от 24 марта 1927 года о передаче из музея-усадьбы «Архангельское» в Театральный музей имени А.А. Бахрушина «книги театральных афиш XVIII века»¹⁸;

2) отношение Управления государственными музеями-усадьбами и музеями монастырями Наркомпроса РСФСР от 6 апреля 1927 года за- ведующему «Архангельского» о передаче в Театральный музей «книги театральных афиш XVIII века»¹⁹;

3) отношение директора Театрального музея в «Архангельское» от 16 июня 1927 года с просьбой передать указанную книгу «подате- лю сего Николаю Петровичу Кашину», выступавшему в данном случае представителем Театрального музея²⁰;

4) акт от 1 июля 1927 года о передаче из музея-усадьбы в Театральный музей «Собрание афиш петербургских театров за 1795-й год»²¹.

Если принять во внимание тот факт, что в 1927 году в Архангельском хранилась исключительно библиотека князя Н.Б. Юсупова, то одних этих документов было бы достаточно, чтобы предполагать при- надлежность сборника афиш именно к его книжному собранию. Это предположение полностью подтверждается наличием вышеупомянуто- го владельческого ярлыка в нижней части корешка, характерного имен- но для юсуповской библиотеки. Дробный номер, нанесенный железо-

¹⁷ К сожалению, в Театральном музее фолиант внесен в книгу поступлений музея только за 1936 год. Более ранних книг поступлений и других документов, которые фиксировали бы процесс передачи сборника из одного музея в другой, в ГЦТМ нет.

¹⁸ Государственный музей-усадьба «Архангельское» (ГМУА). Инв. № 64-НА: Акты и документы на выдачу экспонатов из музея-усадьбы «Архангель- ское» другим музеям. Ч. 1: 17.04.1923 — 8.06.1938. Л. 10.

¹⁹ Там же. Л. 9.

²⁰ Там же. Л. 11.

²¹ Там же. Л. 8.

галловыми чернилами, фиксировал место книги в собрании: номер шкафа и место в тематическом разделе. Номер на томе афиш, 77/906, соответствует шифрам, сопровождающим книгу и в топографическом каталоге раздела *Auteurs russes*, составленном в конце 1820-х годов²², и в систематическом каталоге русских книг начала 1860-х годов²³.

Стоит отметить, что прохождение дела по инстанциям и передача книги происходили быстро и, видимо, без проволочек. Особенно если сравнивать с тем, как в этот же период происходила передача книг в библиотеку имени В.И. Ленина²⁴. Участие в этой передаче Николая Павловича Кашина (1874–1939), который был известным историком театра, в том числе юсуповских театральных занятий и проектов²⁵, и немало работал с документами юсуповского архива, позволяет предполагать его знакомство с конволютом афиш. С другой стороны, в его работах о Н.Б. Юсупове сборник не упоминается, равно как нет и никаких следов знакомства Н.П. Кашина с юсуповской библиотекой, где фолиант хранился.

В отличие от огромных по объему и разнообразных по тематике книжных комплексов, перемещенных в Румянцевскую библиотеку (в 1920-х годах Всесоюзную публичную библиотеку имени В.И. Ленина) и библиотеку Института имени К. Маркса и Ф. Энгельса, сборник афиш открывает цепочку небольших тематических изъятий из библиотеки Архангельского, производившихся также Музеем изящных искусств (1928) и Музеем керамики (1929)²⁶.

²² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 181. Оп. 1 (12). Д. 1199. Л. 26.

²³ «77/906 | Афиши по театру. | 1795 | 1 л. п.» (Catalogue de la Bibliothèque du Prince Youssoupooff en son chateau d'Arkhanghelski) / ГМУА. И nv. № АГЮ-68. Л. 29. «1 л. п.» следует читать как «1 том; формат in folio; в переплете».

²⁴ Боленко К.Г. Музей-усадьба «Архангельское» и Библиотека Румянцевского музея (Всесоюзная публичная библиотека имени В.И. Ленина) в 1920-е годы: некоторые подробности книжного трансфера // Чертковские чтения: сборник материалов 3-й международной научной конференции (Москва, 4–5 декабря 2014 года). М., 2015. С. 5–15.

²⁵ Каин Н.П. Театр Н.Б. Юсупова. М., 1927. См. также: Каин Н.П. Н.Б. Юсупов и его театральная деятельность // Архангельское: Материалы и исследования. [Вып. 2]. Ч. 1 / общ. ред. Л.Н. Кирюшиной. М., 2011. С. 26–47.

²⁶ Дружинина Е.В. Усадебная библиотека Н.Б. Юсупова в Архангельском. Из истории книг, посвященных театру // Книга. Исследования и материалы. Сб. 68. М., 1994. С. 321–322.

Появление этого сборника в библиотеке князя Николая Борисовича Юсупова (1751–1831) было не случайным. Среди театральных деятелей России конца XVIII — первой трети XIX века он занимает важное место. Его вклад в развитие российского театра не подлежит сомнению и давно признан современниками и историками. При этом Юсупов проявил себя и как талантливый администратор императорских театров — в 1791–1799 годах состоял в должности «главного директора над театральными зрелицами и музыкою»; и как создатель одной из лучших в Москве первой трети XIX века крепостных балетно-оперных трупп; и как активный и едва ли не ведущий участник антрепризы итальянской оперы в Москве в 1821–1827 годах; и как устроитель целого ряда театральных помещений и зданий: в принадлежавшем ему доме в Большом Харитоньевском переулке, в доме на Большой Никитской улице, и, наконец, театра в подмосковной усадьбе Архангельское, устроенного по проекту театрального архитектора и декоратора Пьетро Готтардо Гонзаги²⁷.

Театральное дело, как известно, нашло яркое отражение в нотном²⁸ и книжном собраниях князя, в значительной степени сохранившихся до нашего времени, причем наиболее полно спектр театральных интересов Юсупова демонстрирует именно библиотека. Несмотря на продолжающееся уже более 40 лет изучение библиотеки Юсупова, в том числе коллекции театральной литературы²⁹, и библиотека, и театральное собрание

²⁷ Кроме указанных выше трудов Н.П. Кашина о деятельности Н.Б. Юсупова в театральной сфере см.: *Дружинина Е.В.* Усадебная библиотека Н.Б. Юсупова в Архангельском; Иллюзия театра: к 200-летию Театра Гонзаги в Архангельском, 8 августа — 16 сентября: каталог выставки / ГЦТМ имени А.А. Бахрушина, ГМУ «Архангельское». М., 2018. С. 4–5. Многочисленные подробности см.: Архив Дирекции императорских театров. Вып. 1. Отд. 1–3 (указ.).

²⁸ Юсуповская коллекция: Собрание печатных книг из фондов Отдела нотных изданий и звукозаписей и Отдела рукописей: каталог / сост., вступ. ст. и науч. ред. Н.П. Гришкин. СПб., 2009 (более 1 600 названий нотных изданий); Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 891 (Юсуповы [собрание рукописных нот]). Более половины как печатных, так и рукописных нот относятся к собранию Н.Б. Юсупова-старшего.

²⁹ *Дружинина Е.В.* Усадебная библиотека Н.Б. Юсупова в Архангельском; *Боленко К.Г., Дозорова Н.И.* Театральная литература в библиотеке князя Н.Б. Юсупова. М., 2009; *Дозорова Н.И.* Итальянская драматургия в библиотеке князя Н.Б. Юсупова // Итальянский сборник = *Quaderni italiani*: сб. науч. тр. М., 2009. Вып. 5. С. 196–207; *Она же.* Н.Б. Юсупов и его коллекция театраль-

остаются еще недостаточно исследованными и даже до конца не описанными, а корпус театральной книги даже в полной мере не выявлен. Одна из причин такого положения вещей — разрозненность библиотеки Н.Б. Юсупова; в 1918–1930 годах книжное собрание в Архангельском потеряло несколько тысяч томов, вывезенных главным образом в Румянцевскую библиотеку, а также другие библиотеки и музеи³⁰.

Можно уверенно утверждать, что с самого начала собрание афиши за 1795 год носило исключительный характер в библиотеке Н.Б. Юсупова. Никаких аналогичных подборок ни в каталоге раздела *Auteurs russes*, ни в добавочном к нему каталоге раздела «Русские книги»³¹, ни в каталогах раздела *Théâtre*³² не встречается. В каталоге начала 1860-х годов он занимает единственную позицию в номинации «§ 5 Принадлежности по театру»³³.

Нет этой книги или аналогичных ей в каталоге петербургской библиотеки 1800–1801 годов — если только не предположить, что для них предназначались в разделе «Российские книги» незаполненные и данные без обозначения формата позиции № 605–608, 617–618 или позиция № 345 с обозначением формата «Ф°», т. е. *in folio*³⁴. Однако это маловеро-

---

ной литературы в Архангельском // Архангельское: материалы и исследования. М., 2011. [Вып. 2]. Ч. 1 / общ. ред. Л.Н. Кирюшиной. С. 186–201. Также книги по театру были представлены на многих выставках, к сожалению, не всегда сопровождавшихся каталогами. См.: «Ученая прихоть». Коллекция князя Николая Борисовича Юсупова. М., 2001. Т. 1. С. 305–306; Иллюзия театра: к 200-летию Театра Гонзаги в Архангельском. С. 9–10, 13–20, 22–24, 30.

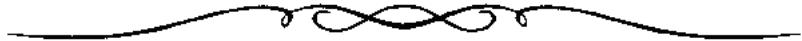
³⁰ Дружинина Е.В. Усадебная библиотека Н.Б. Юсупова в Архангельском. С. 321–322; Боленко К.Г. Музей-усадьба «Архангельское» и Библиотека Румянцевского музея (Всесоюзная публичная библиотека имени В.И. Ленина) в 1920-е годы: некоторые подробности книжного трансфера; *Он же*. Дворец-музей «Архангельское» и Институт К. Маркса и Ф. Энгельса: к истории взаимоотношений // Предваряя Революцию: книжные, архивные и музейные коллекции: материалы 3-х Рязановских чтений (19 февраля 2016 года) / сост. И.Ю. Новиченко, Е.Н. Струкова; ред. Е.А. Лосева. М., 2017. С. 93–100.

³¹ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1 (12). Д. 1200. Составлен в начале 1830-х годов.

³² РГАДА. Ф. 181. Оп. 1 (12). Д. 1191–1192.

³³ Ч. 4: Словесность / § 5: Театр.

³⁴ ГМУА. Инв. № РК-18365. Подробнее о каталоге см.: Боленко К.Г. Каталог петербургской библиотеки Н.Б. Юсупова // Вольтеровские чтения : сб. науч. тр. / науч. ред.-сост. А.А. Златопольская, Н.М. Сперанская (отв. ред.) / Recueil d'études sur le XVIII siècle : [по материалам междунар. науч. конференции «Пути

ятно; большая часть книг в каталоге входит в состав легко выделяемых тематических групп и ни одна из указанных лакун не имеет отношения к театральной тематике. Не исключено, что афиши находились в кабинете князя и по каким-то причинам не были возвращены в театральную дирекцию после его отставки с поста директора над театральными зрелищами и музыкой в 1799 году³⁵. К примеру, были оставлены им на память о службе в театральном ведомстве или как ценный раритет включены в состав личной коллекции русской театральной литературы.

Отсутствие же подборок афиш как в архиве театральной дирекции, так и в библиотеке князя после 1795 года предположительно может быть объяснено тем, что с 1796 года постоянно растет служебная нагрузка Юсупова. В том же году он становится главой Мануфактур-коллегии, в 1797 году возглавляет Эрмитаж. Также, ввиду смерти матери в 1788 году, князь постепенно всё глубже погружается в семейные хозяйствственные дела. Времени, которое Юсупов мог уделять императорским театрам, становилось всё меньше, и перспективное благое начинание 1795 года, вероятно, сошло на нет, оставшись в истории российского театрального дела ярким, но изолированным эпизодом.

Просвещения: личные библиотеки XVIII — начала XIX века и их владельцы» (8–9 ноября 2017 года). СПб., 2019. Вып. 5. С. 322–335.

³⁵ Это не единственный служебный документ, отложившийся в библиотеке Н.Б. Юсупова в Архангельском. К примеру, ранее в библиотеке находились «Именной список, составленный в ведомстве комиссии о высочайшей Его Императорского величества коронации с показаниями должности 1797 г.» (ГМУА. Инв. № АГЮ-545) и списки чиновников Экспедиции кремлевского строения за 1818–1819, 1821, 1823, 1829 и 1831 годы, в настоящее время хранящиеся в архиве Юсуповых — Голицыных (Там же. Инв. № АГЮ-141–146). Эти документы связаны соответственно со службой Юсупова в должностях маршала коронации императора Павла I (1797) и главноначальствующего Экспедиции кремлевского строения (1814–1831). Не исключено, что служебное происхождение имели также некоторые из рукописных и печатных сборников законов, входившие в состав личной библиотеки князя (см.: Боленко К.Г. Российская юридическая литература (литература по российскому праву и правоведению) в библиотеке Юсуповых // Россия в XVIII столетии. Вып. 2 / отв. ред. Е.Е. Рычаловский. М., 2004. С. 3–50).

Приложение

Документы о передаче в Театральный музей имени А.А. Бахрушина книги театральных афиш³⁶

1. Копия отношения

**из Главного управления научными, научно-художественными
и музеиными учреждениями (Главнаука) Наркомпроса РСФСР**

в Управление усадьбами от 24 марта 1927 года № 9128

**[о передаче в Театральный музей имени А.А. Бахрушина
книги театральных афиш]**

Машинопись на бланке Главного управления, правка красными чернилами. Подписи и резолюция — автограф секретаря. Виза — чернильный штамп. В левом верхнем углу чернильный штамп Управления российскими усадьбами-музеями и музеями-монастырями Главнауки Наркомпроса (НКП) РСФСР; дата и номер вписаны красными чернилами от руки. Поврежден фрагмент левого верхнего угла листа.

Государственный музей-усадьба «Архангельское» (ГМУА). И nv. № 64-НА. Л. 10.

Публикуется впервые.

РСФСР
Наркомпрос
Главное управление
научными, научно-художественными
и музеиными учреждениями
/Главнаука/

Отдел

24/III 1927 г.

№ 9128

О передаче Гос. Театральному
Музею — книг театральных афиш
XVIII века

---

³⁶ Публикуются в орфографии подлинников.

В УПРАВЛЕНИЕ УСАДЬБАМИ

Копия: в Музей усадьбу Архангельское. с. Павшино Балтийской
ж/д в Гос. Театральный музей им. А.А. Бахрушина

Отдел по делам Музеев Главнауки настоящим предлагает передать из Музея-усадьбы «Архангельское» в Гос. Театральный музея имени А.А. Бахрушина — книги театральных афиш XVIII века.

Справка: Отношение Театрального музея № 178 и отношение Управл[ия] Усад[ьбами] № 199.

Заведующий Музейным отделом: *[подпись фиолетовыми чернилами рукой Соколова: Л. Вайнер]*

Секретарь Управления: *[подпись фиолетовыми чернилами рукой Соколова: Л.А. Лукьянов]*

С подлинным верно: *[подпись фиолетовыми чернилами: Соколов]*

2. Отношение из Управления российскими музеями-усадьбами и музеями-монастырями от 6 апреля 1927 года № 1068 [о передаче в Театральный музей имени А.А. Бахрушина книг театральных афиш]

Машинопись на бланке управления. Подписи и резолюция — автограф. В левом верхнем углу чернильный штамп Управления российскими усадьбами-музеями и музеями-монастырями Главнауки НКП РСФСР; дата и номер — вписаны фиолетовыми чернилами от руки. Утрачен фрагмент левого верхнего угла листа.

ГМУА. И nv. № 64-НА. Л. 9.

Публикуется впервые.

РСФСР
Наркомпрос
Главнаука
Управление российскими
усадьбами музеями и

музеями-монастырями Главнауки НКП РСФСР

6 апреля 1927 г.

№ 1068

Заведующему музеем-усадьбы «Архангельское»

Управление предлагает передать в Гос. Театральный Музей имени А.А. Бахрушина книги театральных афиш XVIII века.

Зам. Заведующего Управлением [подпись нрзб.]

Секретарь [подпись чернилами: Н. Завадский]

[Резолюция синим карандашом поперек документа: Исполнено
19 июля. Н[айдышев]

3. Отношение

из Государственного Театрального музея имени А.А. Бахрушина

в Музей-усадьбу «Архангельское»

Управления российскими музеями-усадьбами

и музеями-монастырями

от 16 июня 1927 г. № 156

[с просьбой передать книги театральных афиш]

Машинопись на бланке директора Театрального музея. Подпись — автограф. В левом верхнем углу чернильный штамп Театрального музея; дата и номер — вписаны черными чернилами от руки. Утрачен фрагмент правого верхнего угла листа.

ГМУА. Инв. № 64-НА. Л. 11.

Публикуется впервые.

РСФСР

Н.К. по П.

Московский Государственный

Театральный музей

Имени Алексея Бахрушина

16 июня 1927 г.

№ 156

В Музей-Усадьбу «Архангельское»

Государственный Театральный музей им. А.А. Бахрушина, на основании отношения Музейного Отдела Главнауки от 24 марта с. г. за № 9128, просит передать подателю сего, Николаю Павловичу КАШИНУ, книги театральных афиш XVIII века.

Директор музея [подпись черными чернилами: *А.А. Бахрушин*]

[Печать: Государственный Театральный музей имени А.А. Бахрушина]

**4. Акт от 1 июня 1927 года
[о передаче в Театральный музей сборника афиш
петербургских императорских театров 1795 года]**

Рукопись писарской рукой. Подписи — автограф.

ГМУА. Инв. № 64-НА. Л. 8.

Публикуется впервые.

АКТ № 101

1-го июля 1927 года мы нижеподпавшиеся заведующий музеем-усадьбой Архангельское А.А. Найдышев и библиотекарь Государственного Исторического музея Н.П. Кашин, действующий по доверенности директора Театрального музея А.А. Бахрушина, на основании распоряжения Управления музеями-усадьбами от 6 апреля 1927 г. за № 1068 составили настоящий акт в том, что из библиотеки музея-усадьбы Архангельское передана в Театральный музей книга «Собрание афиш петербургских театров за 1795-й год».

Выдал [подпись черными чернилами: Найдышев].

Принял [подпись черными чернилами: Н. Кашин].

Музей-усадьба Архангельское.

1-е июля 1927 г.

РЕДКИЕ И ЦЕННЫЕ ИЗДАНИЯ
XVII — НАЧАЛА XIX ВЕКА
В ФОНДЕ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Смоленская областная универсальная научная библиотека имени А.Т. Твардовского (СОУНБ) — одна из старейших и первых библиотек в России, создание которой относится к 30-м годам XIX столетия. Основателем был смоленский губернатор Николай Иванович Хмельницкий. Он был весьма начитанным человеком, следил за выходом новинок литературы до самых последних своих дней.

Губернатор Хмельницкий лично обращался с просьбами о помощи в комплектовании фонда библиотеки книгами к известным русским литераторам и писателям, с которыми он был знаком по Петербургу. В архиве сохранился список адресатов: В.А. Жуковский, Н.И. Греч, Н.И. Гнедич, Ф.В. Булгарин, М.Н. Загоскин, П.А. Катенин, И.А. Крылов, Д.И. Хвостов, А.Е. Измайлов, М.К. Михайлов и другие. Среди них был и А.С. Пушкин, которому Хмельницкий направил письмо следующего содержания:

«11 февраля 1831 г. Смоленск.

Милостивый Государь, Александр Сергеевич.

По распоряжению господина министра внутренних дел графа Арсения Андреевича Закревского предположено повсеместно завести губернские публичные библиотеки, и, по приглашению его сиятельства, многие уже из господ писателей и журналистов согласились доставить в оные по экземпляру своих сочинений и периодических изданий.

Озабочиваясь исполнением столь общеполезного предположения начальства и с тем вместе будучи уверен в вашем благосклонном ко мне, милостивый государь, расположении, я решился покорнейше просить вас украсить Смоленскую Публичную Библиотеку подарком ваших сочинений, что без сомнения почту за особенно оказанное мне одолжение.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть, милостивый государь, Ваш покорнейший слуга Николай Хмельницкий.

№ 1629-й. «11» февраля 1831. Г. Смоленск. Его высоко(благород)ию А.С. Пушкину¹.

Александр Сергеевич довольно быстро ответил на письмо губернатора.

«Милостивый государь Николай Иванович.

Спешу ответствовать на предложение Вашего превосходительства, столь лестное для моего самолюбия: я бы за честь себе поставил препроводить сочинения мои в смоленскую библиотеку, но вследствие условий, заключенных мною с петербургскими книгопродающими, у меня не осталось ни единого экземпляра, а дороговизна книг не позволяет мне и думать о покупке.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь, Вашего превосходительства покорнейшим слугою. Александр Пушкин. 6 марта 1831 Москва».

На обороте листа:

«Дав официальный ответ на официальное письмо Ваше, позвольте поблагодарить Вас за Ваше воспоминание и попросить у Вас прощения, не за себя, а за моих книгопродающих, не высылающих Вам, вопреки моему наказу, ежегодной моей дани. Она будет Вам доставлена непременно, Вам, любимому моему поэту; но не ссорьте меня с смоленским губернатором, которого впрочем я уважаю столь же, сколько Вас люблю.

Весь Ваш»².

Нам неизвестно, направлялись ли в смоленскую библиотеку сочинения А.С. Пушкина. Но в изданных до революции 1917 года каталогах Смоленской городской публичной библиотеки, преемнице первой библиотеки в Смоленске, хранилось прижизненное издание А.С. Пушкина «История Пугачевского бунта», вышедшее в 1834 году в двух частях. В настоящее время точно такое же издание хранится в редком фонде Смоленской областной универсальной научной библиотеки имени А.Т. Твардовского, но это издание было приобретено в букинистическом магазине в 70-е годы XX столетия.

До революции 1917 года библиотека переживала и время популярности, и годы забвения. После 1917 года в фонд библиотеки попало немало редких и ценных изданий из национализированных частных библиотек

¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Л., 1941. Т. 14: Переписка. 1828–1831. С. 151.

² Там же. С. 156–157.

помещичьих усадеб Смоленской губернии, а также значительное число поступило из прекративших свое существование ведомственных библиотек и библиотек учебных заведений.

В советское время возрожденная библиотека открылась в 1922 году и стала настоящим центром просвещения. Фонд книг рос быстро, как и число читателей. В 1925 году библиотека переехала в здание бывшего Купеческого собрания на Большой Благовещенской улице (ныне Большая Советская), где располагается и сейчас.

В 1940 году количество книг превысило 600 тысяч экземпляров, число читателей — 23 тысячи человек. Во время Великой Отечественной войны здание библиотеки было разрушено пожаром от попадания тяжелой фугасной бомбы. Книжный фонд эвакуировать не удалось, поэтому часть книг раздали населению. К сожалению, не уцелели и ценные книги: старинные книги и рукописи частично были вывезены в Германию³.

В годы войны областная библиотека не работала только в период оккупации — с 1941 по 1943 год. И уже в конце 1943-го, вскоре после освобождения Смоленска, приняла читателей. Тогда многие библиотеки тыловых областей оказали помочь, прислав книги. Однако большая часть фонда была спасена жителями города в годы оккупации.

Большая работа по восстановлению фонда редкой книги была проделана в 60–70-е годы XX века. Книги безвозмездно получали в обменно-резервном фонде Российской государственной библиотеки (Государственной библиотеки имени В.И. Ленина), приобретали антикварные экземпляры в Москве, Ленинграде, Киеве и Минске.

В настоящее время Смоленская областная универсальная научная библиотека имени А.Т. Твардовского — это крупнейшее информационное и культурно-досуговое учреждение региона. Универсальный библиотечный фонд насчитывает около трех миллионов экземпляров, в том числе фонд редких книг, состоящий из 19 тысяч единиц хранения, многие из которых являются книжными памятниками отечественной культуры.

В редком фонде СОУНБ особое место занимают старопечатные издания. Коллекция русских изданий XVII–XVIII веков насчитывает более 400 книг. Несомненную ценность представляют первые и при-

³ Артамонова Г.И. История Смоленской областной универсальной библиотеки имени А.Т. Твардовского: к 180-летию создания. Смоленск, 2013. С. 96.

жизненные издания деятелей науки, литературы и искусства, а также особые экземпляры изданий — библиофильские и нумерованные, книги с автографами и экслибрисами. Основу этой коллекции составляют фрагменты дореволюционных смоленских книжных собраний, о чем свидетельствуют сохранившиеся на многих книгах владельческие записи, экслибрисы, штемпели.

Самая ранняя старопечатная книга на русском языке в нашем фонде — книга Иоганна Якоби фон Вальхаузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Это один из первых дошедших до наших дней русских трактатов по военному делу, изданный в 1647 году. Книга была издана по распоряжению правительства царя Алексея Михайловича для усиления боевых качеств русских войск⁴. Устав рассматривал вопросы западноевропейской военной теории и практики для пехоты, давал множество сведений по военному делу. Это первая книга светского содержания, изданная в Москве. Издание было отпечатано огромным по тем временам тиражом в 1 200 экземпляров, однако особой популярностью не пользовалось.

Интересные факты и детали можно найти в книге «Читатели изданий Московской типографии в середине XVII века», где даны сведения о продаже «Учения и хитрости ратного строения пехотных людей» в 1650–1651 годах. В публикуемых материалах указано, кому продана каждая книга, имя и социальное положение покупателей, дата продажи и цена. Стоила книга один рубль, продано в этот период было 95 экземпляров, затем до 1657 года было продано еще 39 экземпляров, а остальные 1 066 экземпляров были переданы в Приказ тайных дел и дальнейшая судьба их неизвестна. Русское издание труда Вальхаузена содержало 35 гравюр с изображением 67 фигур, служивших наглядным пособием для пояснения наиболее важных положений руководства. В середине XVII века подобные гравюры в России делать еще не умели, а перерисовывать приложенные к изданному за рубежом оригиналу таблицы голландца Яакоба де Гейна было бы слишком долго и затруднительно. Поэтому весь тираж гравюр был заказан в Голландии. Участие в подготовке графической части издания принимали русский мастер-золотописец Григорий Благушин и «голландской земли иноземец» Томас Сван. Весь этот процесс занял два-три года, с 1647 по 1649-й. Позже

⁴ Читатели изданий Московской типографии в середине XVII века: публикация документов и исследования С.П. Луппова. Л., 1983. С. 20.

гравюры были доставлены в Москву, пронумерованы и вклеены в книгу, но в наш экземпляр они не попали.

Одним из редких книжных памятников отечественной культуры в фонде Смоленской областной библиотеки является «Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия [...] Елизаветы Петровны самодержицы Всероссийской [...]», изданный в 1744 году по случаю официального вступления на престол российской императрицы Елизаветы Петровны. Этот коронационный альбом — шедевр гравировального искусства, роскошный образец художественного оформления русской книги того времени. Издание содержит описание самой церемонии коронации, состоявшейся 25 апреля 1742 года, а также превосходнейшие гравюры лучших мастеров: Х.А. Вортмана, Я.Я. Штелина, И.А. Соколова, Г.А. Качалова на 50 листах, с изображениями коронационного обряда, императорских нарядов, регалий и фейерверков. Торжества длились в течение двух месяцев и отличались немыслимой роскошью. Издание вышло в большом формате на русском и немецком языках. Объем издания — 168 нумерованных страниц. В альбоме содержится большой портрет императрицы, который выполнен в технике «мессо-тинто» (черная манера), остальные иллюстрации — гравюры на меди. Виньетки в тексте представлены заставками «Бал» и «Вид Московского Кремля». Колонцифры декорированы миниатюрными коронами. Первоначальный тираж издания 600 экземпляров, дополнительно напечатано 50 экземпляров «для случающихся дефектов». В 1745 году было выпущено еще 900 экземпляров. Одновременно с изданием на русском языке велись работы по изданию книги на немецком, французском и латинском языках. Эта книга послужила образцом для многих последующих коронационных сборников. В биографическом указателе «Редкие книги и летучие издания XVIII века» этот альбом отмечен как большая редкость.

Несомненный интерес представляет и «Краткой Российской летописец с родословием» Михаила Васильевича Ломоносова, составленный в 1759 году. Он был выпущен в 1760 году типографией Московского университета. Это один из первых учебников по отечественной истории, который был адресован наследнику престола, будущему императору, великому князю Павлу Петровичу, которому в то время было всего шесть лет. Тираж этого издания составил 2 406 экземпляров. В Петербурге с мая по декабрь 1761 года было продано рекордное для того времени количество экземпляров этой книги — 1 117, а всего до конца 1765 года

в Петербургской книжной лавке читатели купили 1 769 экземпляров⁵. В Академической книжной лавке экземпляр продавался по 25 копеек. Довольно большой тираж издания 1760 года оказался недостаточным, и в 1766–1767 годах, уже после смерти Ломоносова, было напечатано 600 экземпляров, а в 1775 году еще 1 200 экземпляров. Все три издания датированы 1760 годом. В нашей библиотеке хранится издание 1775 года. В период правления Екатерины II «Летописец» был одним из самых популярных учебников истории, переводился на иностранные языки. Известно немецкое издание в переводе П.Я. Штелина 1765 года, этот же перевод дважды переиздавался в Риге — в 1767 и 1771 годах. Английский перевод книги увидел свет в 1767 году.

В нашем фонде хранится один том «Словаря Академии Российской» — первого толкового словаря русского языка. В его составлении приняли участие виднейшие писатели и ученые XVIII века: Д.И. Фонвизин, Г.Р. Державин, С.Я. Разумовский, И.И. Шувалов и другие. Словарь включает в себя более 40 000 слов в шести томах. Работа над словарем началась в 1783 году и продолжалась 11 лет. В нем содержатся элементы этимологического словаря — слова расположены по общему корню. Кроме того, множество новых слов в русском языке того времени, в частности, введенные М.В. Ломоносовым научные термины. Тираж составил 620 экземпляров. Екатерина II учредила специальные золотые медали для создателей с надписью: «Российскому слову отличную пользу принесшему».

Особого внимания заслуживают сочинения Жана Расина, вышедшие в 1801 году в трех томах очень большого формата. Это одно из превосходных изданий французского печатника Пьера Дидо, которое современники признавали лучшей книгой из всех книг, вышедших в то время. Жан-Батист Расин — французский драматург, один из трех выдающихся драматургов Франции XVIII века, наряду с Корнелем и Мольером, автор трагедий «Андромаха», «Британик», «Ифигения», «Федра». В Смоленской областной библиотеке хранятся два тома этого замечательного издания, отмеченные экслибрисами императрицы Александры Федоровны и ее сына великого князя Михаила Николаевича.

В нашем фонде находятся два тома всемирно известного издания «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и реме-

---

⁵ Тюличев Д.В. Книгоиздательская деятельность Петербургской Академии наук и М.В. Ломоносов. Л., 1988. С. 235.

сел» — одного из крупнейших справочных изданий XVIII века. Это грандиозный литературный, философский и политический памятник французского Просвещения. Энциклопедия явилась коллективным выражением передовой буржуазной мысли XVIII века. Издание энциклопедии началось в 1751 году в Париже группой передовых ученых во главе с писателем Дени Дидро и математиком д'Аламбером. В предисловии к ней говорилось: «Цель Энциклопедии — объединить знания, рассеянные по поверхности земной, изложить их в общей системе для людей, с которыми мы живем, и передать их людям, которые придут за нами: дабы труды минувших веков не были бесполезны для веков грядущих...» «Энциклопедия» служила справочником и кратким руководством по всем существующим на тот момент технологиям, описывая инструменты и способы их применения, и состояла из 35 томов. Вольтер, Руссо, Монтескье участвовали в создании статей. Человеком, который внес наибольший вклад, является Луи де Жокур, написавший 17 266 статей. Первое издание было напечатано в 30 тысячах экземпляров. Издатель, затратив на печатание 1 158 тысяч ливров, заработал 2 630 тысяч. В 1774 году было уже четыре иностранных перевода энциклопедии. Экземпляры энциклопедии, хранящиеся в Смоленске, отмечены гербовым экслибрисом английской герцогини Елизаветы Кингстон, урожденной Элизабет Чэдлей. Она неоднократно посещала Россию и даже была принята императрицей Екатериной II. Часть ценных произведений искусства из богатейшего собрания леди Кингстон после ее смерти поступила в Эрмитаж и в частные коллекции.

В Смоленской областной универсальной научной библиотеке хранится издданное в XVIII веке «Образование древних народов» известного французского художника, рисовальщика и гравера М.Ф. Дандре-Бардона. На русский язык перевел его по заданию Екатерины II дипломат Я.И. Булгаков. Книга была напечатана в 1795–1796 годах в четырех томах и представляла собой собрание иллюстраций с пояснительным текстом, составленное из двух разных французских изданий. Богато иллюстрированная научная работа, содержащая сведения о древних народах, снабжена почти 400 листами иллюстраций, выполненными в технике резцовой гравюры А. Березниковым, И. Макаровым и Г. Харитоновым по оригиналам М.Ф. Дандре-Бардона. Эта книга еще в начале XX века в указателе «Редкие русские книги и летучие издания XVIII века» зарегистрирована с пометкой «большая редкость».

Есть в наших фондах и фундаментальный 12-томный труд Шарля Роллена «Древняя история об египтянах о карфагенянах об ассирианах о вавилонянах о мидянах, персах о македонянах и о греках». Легкость и изящество изложения в сочетании с высокой эрудицией автора делают «Древнюю историю» не только самым популярным и авторитетным научным трудом по этой тематике, но и позволяют читать научный трактат словно увлекательный исторический роман. На титульном листе одного из томов автографы епископа Парфения Сопковского, управлявшего Смоленской епархией с 1761 по 1795 годы, и священника, автора «Истории губернского города Смоленска» Никифора Адриановича Мурзакевича.

Огромный интерес представляет «Всеобщая и частная естественная история», принадлежащая перу французского натуралиста, популяризатора науки и писателя XVIII столетия Жоржа Луи Бюффона. В этой богато иллюстрированной книге (в полном варианте содержится более 2 000 иллюстраций) автор свел воедино известные науке в то время данные о живой и неживой природе. При жизни Бюффона, с 1749 по 1788 годы, было опубликовано 36 томов, 8 вышли посмертно. Увлекательные и красочные рассказы о явлениях и объектах природы, оригинальные мысли, остроумные гипотезы, доступный и живой язык — всё это очень нравилось читателям из различных слоев общества. Впервые научный труд вызвал такой горячий интерес, стал достоянием широкой публики. Бюффон прилагал огромные усилия, совершенствуя стиль своих книг. «Естественная история» неоднократно издавалась целиком и частями, была переведена на многие языки и сделала автора одной из самых известных фигур в Европе. В секторе редких книг хранятся три тома этого издания. Эти книги принадлежали графу Н.И. Панину, известному дипломату, государственному деятелю, наставнику великого князя Павла Петровича, на что указывает его суперэклибрис на верхней крышке переплета⁶. Также в фонде редких книг Смоленской областной универсальной научной библиотеки хранится 29 книг из усадебной библиотеки. Это издания XVIII века по философии, истории, языкоznанию, естествоз-

⁶ Донская Н.В. Книги из имения Дугино в фонде Смоленской областной универсальной библиотеки имени А.Т. Твардовского // Усадьбы Смоленщины и Беларуси: их владельцы и обитатели. Музыка. Архитектура. Садово-парковое искусство: сборник материалов международной научно-практической конференции (5–6 июня 2016 года). Смоленск, 2016. С. 52.

нанию и другим наукам. Из них 27 книг на французском языке. Выявить их удалось по сохранившимся на книгах знакам владельческой принадлежности.

Среди изданий XVIII века значительное место занимают книги, изданные Николаем Ивановичем Новиковым. Это и исторические труды, и философские трактаты, и лучшие произведения русской и зарубежной литературы того времени. Книгоиздательская деятельность Н.И. Новикова — яркая и знаменательная страница истории русской общественной мысли и русского Просвещения. Его усилиями впервые были организованы книжные лавки в 16 городах России, в том числе и в Смоленске. Он создал две школы для детей ремесленников, крестьян и мелких торговцев, организовал бесплатную аптеку, библиотеку-читальню. За 27 лет своей издательской деятельности Н.И. Новиков выпустил около 950 названий, что составляет 23% всей книжной продукции XVIII века.

Отдавая дань европейской мысли, Н.И. Новиков одновременно очень многое сделал для того, чтобы читатель мог познакомиться и с классикой древнерусской литературы. Так, «Древняя российская вивлиофика» — многотомное издание древнерусских исторических источников — печаталась как библиотека-серия, распространяемая выпусками по типу периодического издания. В предисловии к «Древней российской вивлиофонке» Н.И. Новиков писал: «Полезно знать нравы, обычаи и обряды древних чужеземных народов: но гораздо полезнее иметь сведения о своих предках; похвально любить и отдавать справедливость достоинствам иностранным, но стыдно презирать своих соотечественников, а еще паче и гнушаться оними». В течение трех лет с 1773 по 1775 годы вышло десять частей, которые имели большой успех и явились столь нужным пособием для всех изучавших Россию, что через несколько лет, уже в Москве, Н.И. Новиков выпустил второе издание «Вивлиофики» в 12 томах, которое по количеству материалов превышало первое издание в четыре раза. В серии публиковались материалы XIII–XVII веков, взятые из частных, церковных, государственных древле хранилищ, а также предоставленные Н.Н. Бантыш-Каменским, Г.Ф. Миллером, М.М. Щербатовым и другими. Сама Екатерина II поддерживала издание «Вивлиофики» субсидиями. «Древняя российская вивлиофика» стала первым объемным изданием древнерусских актов, оказала большое влияние на развитие исторической науки и не потеряла своего значения до наших дней.

Сочинение «Владимир Возрожденный» — великое творение выдающегося представителя русской эпической поэзии XVIII века Михаила Матвеевича Хераскова, напечатанное Н.И. Новиковым в 1785 году. На обороте титульного листа издательская марка Н.И. Новикова, характерная для изданий масонской направленности. В указателе «Редкие русские книги и летучие издания XVIII века» отмечено, что это первое и лучшее издание. Также говорится о том, что эту книгу особенно ценили мистики. Поэма включает в себя широкий круг искушений в житийных странствиях князя Владимира в его дохристианские лета. Лишь приняв купель возрождения в Херсонесе, он обрел путь личного спасения и счастья для себя и своего народа. Православие открыло во всём княжестве источник силы и божественного вразумления. Эта эпическая поэма пользовалась у современников славою и непрекращаемым почтением. Известие о выходе в свет поэмы Хераскова было напечатано в «Московских ведомостях» № 19 за 1785 год: «Мы спешим теперь только возвестить любителям российской литературы о превосходном сем творении и о сем превосходном украшении литературы Российской». На экземпляре имеется запись на титульном листе: «Из книг статского советника Александра Сергеева» и штемпель в конце книги: «Из книг К.Л. Шимкевича».

Интерес Н.И. Новикова к Китаю подтверждают изданные им книги по географии, истории, культуре народов, населявших территорию этого государства. В фонде Смоленской библиотеки имеется книга «Записки, надлежащие до истории, наук, художеств, нравов, обычаев и проч. китайцев, сочиненные проповедниками веры христианской в Пекине». Это издание было первым энциклопедическим трудом обо всех сторонах жизни китайской цивилизации, в том числе о государственном устройстве, сельском хозяйстве, технологии изготовления фарфора и т. п. Группа французских миссионеров, с давних лет проживавшая в Пекине, пересыпала в Париж переводы произведений китайских классических авторов и исследования по истории, философии и литературе Китая. С 1776 года в Париже стало выходить растирнувшееся на много лет и занявшее много томов издание, где публиковались эти материалы. Этот труд был переведен на русский язык М.И. Веревкиным и напечатан в Университетской типографии в 1786–1788 годах. Как источник представлений о Китае в XVI–XVIII веках книга сохраняет свою ценность и поныне. В библиотеке хранятся два тома этого издания, второй и четвертый.

Все перечисленные книги — это не только редчайшие и ценнейшие издания, но и богатейший информационный источник. Проблема сохранения книжных памятников является важнейшей не только для библиотечного дела, но и всей культурной жизни страны. В соответствии с российским законодательством книжные памятники, как и другие виды культурного наследия, подлежат охране государства. Смоленская областная универсальная научная библиотека имени А.Т. Твардовского уделяет большое внимание обеспечению сохранности книжных памятников, их доступности для научных, просветительских и воспитательных целей.

Марина Рафеева

БИБЛИОТЕЧНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ КАК ОБЪЕКТ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ

Многие частные библиотеки, формировавшиеся до 1917 года на территории современной Беларуси, на протяжении столетий входившей в состав других государственных образований, исчезли для белорусской культуры навсегда в результате многочисленных войн, проходивших на наших землях, и в послереволюционный период национализации культурных ценностей. Особенно остро это отразилось на регионах. Книги, наряду с другими предметами, представляющими художественную ценность, вывозились из окрестных поместичьих усадеб в губернские города для последующей описи и отправки в столицы. Владельческие книжные коллекции либо «растворялись» (если не были выделены как целостные собрания) в фондах крупных столичных библиотек, либо оказывались составными частями государственных библиотек, где концентрировались материальные и духовные сокровища, что в обоих случаях не оставляет надежды на возвращение библиотек на территорию их формирования.

Тем ценнее в современную мемориальную эпоху выглядят счастливые исключения из общепрописанных тенденций. Именно таким уникальным случаем стала библиотека князей Паскевичей, сохраненная в Гомеле и прошедшая сквозь огонь революционных потрясений, мятежей и войн XX века благодаря людям, понимавшим ее культурное и научное значение. Это единственная в Беларуси частная книжная коллекция, дожедшаяся до наших дней в достаточном объеме, целостности, территориальной взаимосвязи историко-культурного наследия и личностей, оставивших значительный след в его приумножении.

Книжная коллекция князей Паскевичей была передана в Гомельский филиал Белорусской государственной библиотеки согласно приказу Народного комиссариата просвещения БССР № 563 от 9 июня 1934 года из музея имени А.В. Луначарского (открыт во дворце Паскевичей 7 ноября 1919 года). С этого времени Гомельская областная библиотека, основанная в 1928 году как филиал, а с созданием области в 1939 году преобразованная в самостоятельную, стала фондодержателем уникального наследия.

К сожалению, мы не обладаем точными сведениями о величине книжной коллекции князей Паскевичей. Общий численный состав дошедших до наших дней изданий из этого собрания — 6 253 единицы хранения. Большинство из них — 5 385 — на иностранных языках (французском, немецком, английском, польском и других), 868 на русском языке. Кроме книг в это число входят 209 годовых подшивок (за разные годы) тринацати популярнейших для своего времени периодических изданий: «Всемирная иллюстрация» (новостной журнал Российской империи), *L'illustrateur des dames* и *La mode pratique: revue de la famille* (французские дамские модные журналы), *The illustrated London news* (первая в мире иллюстрированная еженедельная газета, впоследствии ставшая журналом) и другие.

Для нас библиотека Паскевичей важна прежде всего как комплексное явление прошлого нашего региона, воспроизводящее результаты творческих поисков и находок ее создателей, олицетворяющее ценностные ориентиры своих знаменитых владельцев, обусловленные их статусом и богатством культуры того времени.

Иван Федорович Паскевич (1782–1856) — герой Отечественной войны 1812 года, Русско-персидской и Русско-турецкой войн, фельдмаршал Российской империи, заключивший небывалый в истории по условиям контрибуции Туркманчайский мирный договор с Персией (1828). Князь Варшавский граф Иван Федорович Паскевич-Эриванский в 1834 году приобрел гомельское имение и продолжил его развитие. К дворцу, выстроенному Николаем Петровичем Румянцевым, были добавлены боковые флигели, соединенные с центральной частью стеклянными галереями. Правый флигель — 32-метровая четырехэтажная башня — предназначался под личный кабинет и библиотеку¹.

Однако в предопределенное основателем помещение библиотека вселилась лишь после его смерти в 1856 году, когда во владение гомельским имением вступил единственный сын фельдмаршала Федор Иванович Паскевич (1823–1903). В отличие от своего отца, четверть века несшего государеву службу в качестве наместника императора в Польше и проживавшего со своей супругой Елизаветой Алексеевной (1791–1856) (урожденной Грибоедовой) в королевском замке в Варшаве, вышедший в отставку в 1866 году Федор Иванович и его жена Ирина Ивановна

---

¹ Морозов В.Ф. Гомель классический. Эпоха. Меценаты. Архитектура. Минск, 1997. С. 255.

(1835–1924) (урожденная Воронцова-Дашкова) много времени проводили в Гомеле.

Отечественный историк А.Л. Киштымов отмечает, что гомельское имение в эпоху Паскевичей находилось на гребне научно-технического прогресса. Ведь именно в Гомеле, впервые на белорусских землях, в 1882 году появился телефон. И это всего через шесть лет после демонстрации изобретения американского инженера Александра Белла на Всемирной выставке в Филадельфии! Свою телефонную линию имела и Добрушская писчебумажная фабрика. Именно на ней в 1889 году заработала первая на территории нынешней Беларуси промышленная электростанция. Введение в Добруш восьмичасового рабочего дня (май 1894) — первая подобная инициатива в России и одна из первых — в мировой практике².

Не менее значителен вклад Паскевичей в социальное и культурное развитие нашего региона: совершенствование городской инфраструктуры, строительство учреждений социальной сферы (здание мужской гимназии на бывшей Александровской улице — нынешний корпус Белорусского государственного университета транспорта, глазная лечебница, земская больница и другие), подготовка, в том числе за рубежом, квалифицированных кадров для работы в них и личная библиотека, открытая для публичного пользования горожанами.

Сохранившиеся в архивах формуляры, тетради учета выдаваемых книг, заполненные аккуратным почерком состоящего на службе библиотекаря, «Правила выдачи книг из библиотеки Гомельского Замка Его Светлости Князя Паскевича» подтверждают редчайший для личной библиотеки статус гражданской общедоступности. Работала она «по понедельникам и четвергам от 10 часов утра до 12 пополудни и от 2 часов до 5 пополудни». Книги выдавались с разрешения его светлости князя либо под личную ответственность библиотекаря на срок, не превышающий двух недель, и не больше одного сочинения, хотя бы и в нескольких томах, журналы — не больше шести томов за раз. Редкие издания, рукописи (таковые обозначались в каталоге красной звездочкой) могли быть предъявлены для обозрения лишь в самой библиотеке. Для сохранности изданий библиотекарю предписано было выдавать и принимать

² См.: Киштымов А.Л. Гомельское имение Паскевичей: опыт хозяйствования // Гомельский дворцово-парковый ансамбль: от усадьбы до музейного комплекса: сборник материалов международной научно-практической конференции. Гомель, 2019. С. 12–18.

возвращаемые книги завернутыми в бумажную поволоку со штампом библиотеки³.

Как и все сферы хозяйствования гомельского имения Паскевичей, библиотека была оформлена и систематизирована по самым передовым тенденциям второй половины XIX века. Всё книжное собрание делилось на 19 разделов, обозначенных римскими цифрами. Детализация достигалась введением буквенных обозначений. Каждый том имел порядковый номер в пределах своего деления. На корешок книги в верхней его части помещалась прямоугольная наклейка с нанесенными черными чернилами обозначениями шифра, включавшими номер отдела, буквенное обозначение подраздела и порядковый номер издания. Единственный известный полный документ, характеризующий количественный состав библиотеки в первой половине XX века, — «Опись движимого и недвижимого имущества после смерти кн. Паскевича Ф.И. для передачи княгине» датируется августом 1903 года. В описи указан универсальный фонд библиотеки в разрезе отраслей знаний, позволяющий судить о профиле комплектования и его зависимости от рода деятельности, увлечений и читательских потребностей каждого члена княжеской семьи. Более всего книг по литературе — 4 935 (преимущественно на иностранных языках), истории — 2 132, географии — 1 039 (из них папок и футляров с атласами, планами и картами 288). Военные науки представлены «курсами военных наук, артиллерией, фортификацией, тактикой (83), сочинениями, до военного искусства относящимися (288), памятными книжками и брошюрами (112)». Изящные искусства — сочинениями о живописи, архитектуре, музыке (140), альбомными изданиями (167). Имеются записи о книгах по законоведению (гражданскому и военному — 355), медицине (257), философии (221), богословию (213), сельскому и домашнему хозяйству (163), естественным наукам, химии (129), математике (43). Периодических изданий русских насчитывалось 1 730, иностранных — 1 405. Имелись сочинения на восточных языках общим числом 53. «Всего переплетов, папок и футляров 14 696»⁴.

Огромный интерес как с исторической, так и с книговедческой точки зрения представляет содержательная сторона библиотеки Паскевичей. Многие из книг относятся к периоду конца XVIII — середины

³ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 3013. Оп. 1. Ед. хр. 502. Л. 57–58.

⁴ НИАБ. Ф. 3013. Оп. 1. Ед. хр. 1927. Л. 256 в.

XIX века. Из наиболее ранних — палеотип — второе издание сборника канzon Франческо Петрарки с комментариями Алессандро Велутелло, выпущенное в Венеции в 1547 году.

Есть в собрании памятники книжной культуры разных стран и народов, раритетные издания. Прежде всего это книги, привезенные И.Ф. Паскевичем из военных походов. Победоносное взятие русскими войсками французской столицы в марте 1814 года удостоверяет трофейный девятитомный «Новый исторический словарь с хронологическими таблицами». Запись на французском языке на обороте титула первого тома, сделанная Иваном Федоровичем — молодым генерал-лейтенантом, отличившимся при взятии Бельвильских высот, гласит о том, что книги принадлежали ранее Наполеону. Сочинения на восточных (арабском, персидском, турецком) языках, в большинстве рукописные, относящиеся к XV — началу XIX века, — свидетельства кавказского периода жизни Ивана Федоровича Паскевича. Это труды по грамматике, литературе, богословию, философские и юридические трактаты, заключенные в изящные декорированные золотым узором кожаные папки-планшеты: «Шерха-Даниаме. Арабская грамматика» (писана в XV столетии), «Фетавай — Татаръ-Хания или Юридические изложения, составленные во время Татар-Хана» (писана в XVII столетии) и другие.

Победы русского оружия под началом И.Ф. Паскевича в европейских и закавказских кампаниях к середине третьего десятилетия XIX века возвеличили его и принесли ему небывалую славу среди современников.

Литераторы и ученые мужи почитали за честь преподнести полководцу свои труды и изыскания. Рукопись Егора Хубова «Воззвание к народу армянскому» (Астрахань, 1830) предваряет обращение: «Сиятельныйнейший Граф, Милостивейшей Государь и благодетель! Примите, умоляю, со свойственным Вам великодушием сей посильный труд мой — расписание имен Армянских областей в знак искреннейшей благодарности чад Армении великому избавителю Ея и благодетелю и позвольте украсить сей плод слабого моего познания именем Вашего Сиятельства и тем осчастливить Вашего Сиятельства, Милостивейшего Государя Всепокорнейшего слугу Армянского Князя Егора Хубова»⁵.

---

⁵ Хубов Е. Воззвание к народу армянскому и расписание армянских областей. Астрахань, 1830. С. 7.

А книга итальянского поэта, члена правления Академии наук и искусств Александрии Доменико Биорчи «Адрианопольский мир или Свобода Греции» (1835) с тисненым золотом печатным посвящением на обложке князю Варшавскому, графу Паскевичу-Эриванскому — знак благодарности за победоносную русско-турецкую кампанию 1828–1829 годов, принесшую свободу грекам.

Книжные инскрипты в собрании помогают уяснить общественные и личные связи Паскевичей с литераторами, учеными, деятелями искусства, раскрывают характер отношений между ними, рассказывают о тех или иных событиях их жизни, их настроении, чувствах и мыслях. Авторская дарственная надпись Ирине Ивановне Паскевич на сборнике стихов «Озими» (1876) поэта Якова Петровича Полонского свидетельствует о дружбе между ними. Известно, что именно Я.П. Полонский просил письменное дозволение Л.Н. Толстого на выполнение первого перевода «Войны и мира» на французский язык княгиней Паскевич⁶. Эти переводы, изданные в Париже в крупном французском издательстве Hachette (Ашетт) в 1879 году под псевдонимом *Une Russe*, тоже имеют-ся в коллекции.

Деятельное участие Федора Ивановича Паскевича в публикации исследовательских трудов Стефана Ильича Верковича по славянской истории и мифологии «Веда славян» (1881) отмечено золотым печатным посвящением на обложке двухтомника: «Его сиятельству князю Федору Ивановичу Варшавскому, графу Паскевичу-Эриванскому с глубочайшим почтением преподносит автор». Авторские инскрипты Паскевичам на своих книгах остались Василий Андреевич Жуковский, Владимир Александрович Соллогуб, Николай Борисович Голицын, Николай Иванович Греч, Дмитрий Васильевич Григорович, Эжен-Мельхиор де Богюэ и многие другие.

Фамильная библиотека характеризуется и наличием многих библиофильских редкостей: прижизненные издания русских и зарубежных классиков, первые издания известных произведений и первые переводы на русский язык классических творений. Среди них — «Героическое творение Омира» (1788), перевод с эллиногреческого, выполненный Петром Екимовичем Екимовым по программе изданий Собрания, радеющего о переводе иностранных книг, при личном поощрении

⁶ Гладун О.В. «Я жажду иметь эту книгу». С. А. Толстая // I Международные Паскевичские чтения в Гомеле: материалы научно-практической конференции / под общ. ред. М.С. Рафеевой. Гомель, 2019. С. 13.

князя Г.А. Потемкина, «История Государства Российского» (1816–1817) Николая Михайловича Карамзина, «Тарантас. Путевые впечатления» (1845) сочинения графа Владимира Соллогуба с иллюстрациями А.А. Агина и Г.Г. Гагарина и авторским посвящением фельдмаршалу, «Азбука» (1872) графа Л.Н. Толстого.

Библиотечную коллекцию князей Паскевичей объединяет единый стиль оформления переплетов, выполнявшихся по заказу владельцев чаще всего в гомельской мастерской Либмана, экслибрис — в небольшом прямоугольнике (34 × 29,5 мм) заглавная буква «П», увенчанная княжеской жемчужной короной. Книги парадной, кабинетной библиотеки фельдмаршала выделяют одинаковые роскошные французские переплеты из кожи темно-зеленого цвета с золотым тиснением на корешках и золотыми буквами на обложке «Кн. Вр.» (Князь Варшавский).

Отдельно стоит сказать об экслибрисе. Экслибрис Ивана Федоровича, выполненный варшавским медальером и гравером Юзефом Херкнером, представляет собой заключенный в большой восьмиугольник (58 × 50 мм) герб Паскевичей, под которым размещены заглавные буквы «К. И. В.» (Князь Иван Варшавский).

Сохранение ценнейшей для региона коллекции в качестве целостной совокупности документов прошлого имеет особую значимость и для отечественной культуры в целом. В числе мероприятий по мемориализации этой коллекции — создание музея редкой книги (2008) с применением традиционных технологий витринно-светового дизайна. Постоянная экспозиция вместе с регулярными тематическими и жанровыми выставками демонстрирует этапы формирования собрания и книжные редкости Паскевичей. Часть фамильной библиотеки разместилась в стилизованных под эпоху книжных шкафах на расположенных по двум сторонам помещения балконах. Винтовые лестницы, ведущие к ним, дополняют технологию «открытых фондов», погружая посетителей в дворцовую атмосферу. В музее проводится постоянная экскурсионная и просветительская работа с использованием столь привлекательных для молодежи элементов театрализации и интерактивного вовлечения. Для представления сведений об уникальном культурном наследии региона на широкую публику, вне стен библиотеки, подготовлена баннерная художественная инициатива «Паскевичи и свидетели эпохи». Она представляет историю формирования и развития фамильной библиотеки Паскевичей на примере

тесных дружеских взаимоотношений владельцев с прославленными литераторами.

Формы мемориализации разнообразны: мемориальные мероприятия, культуротворческие акции, архивные изыскания, исследовательская и библиографическая работа с коллекцией.

Первой попыткой введения в научный и общественный оборот книжных сокровищ, культурного достояния Гомельщины стала работа над тремя каталогами в рамках проекта «Паскевичи и свидетели эпохи» (2019). Он позволил представить в открытом доступе на сайте библиотеки русскоязычную часть коллекции имидж-каталогом, созданном при помощи ресурса Calibre (карточки дополняются сканами переплетов, экслибрисов, титульных листов, содержания книг). Открытый в электронном каталоге библиографический раздел «Библиотека Паскевичей» (издания на русском языке) вошел в сводный региональный каталог библиотек Республики Беларусь и межгосударственный сводный региональный каталог, наполняемый Брянской областной научной универсальной библиотекой имени Ф.И. Тютчева совместно с Гомельской, Донецкой, Луганской областными библиотеками. Издан иллюстрированный каталог основной экспозиции музея редкой книги «Пережившие века», включивший сведения о 151 рукописном и печатном источнике на русском и иностранных языках с хронологическим охватом от середины XVI до начала XX веков⁷. В настоящее время начата работа по включению библиотеки Паскевичей как книжной коллекции-памятника в формирующийся Государственный реестр книжных памятников Республики Беларусь.

Книжное достояние и личности представителей княжеского рода Паскевичей, в особенности выдающегося военного и государственно-го деятеля первой половины XIX века Ивана Федоровича Паскевича, требуют глубокого исследования и справедливой исторической оценки в контексте исторического периода, в котором они жили. Поэтому Гомельская областная библиотека инициировала проведение Международных Паскевичских чтений в Гомеле. Первые чтения состоялись в ноябре 2019 года. Выступая в качестве институциональной формы мемориальности, именная международная научно-практическая конференция позволяет привлечь внимание к вопросам сохранения

⁷ Пережившие века: каталог редких изданий из коллекции Паскевичей / сост. М. С. Рафеева, Д. Н. Лемтюгов. Гомель, 2019.

и изучения отечественного культурного наследия и национальных ценностей, расширить сотрудничество между учреждениями культуры, образования, науки и межкультурное взаимодействие.

Таким образом, книжная коллекция Паскевичей, выступая в качестве объекта мемориализации, трансформирует деятельность Гомельской областной библиотеки, формируя новый творческий и исследовательский стиль работы и библиотечный имидж учреждения, способного не только сохранять, но и широко транслировать культурное наследие региона.

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ (НА ФОНЕ ЭСТОНСКОГО ЯЗЫКА)

Понимание пословиц как устойчивых языковых единиц, возникших в крестьянском обществе и передающих многовековой жизненный опыт следующим поколениям, не предполагает, по своей сути, их постоянный рост. Используя в современной речи пословицы, говорящий ссылается на уже известные народные изречения, передавая свое му высказыванию, в основном, дидактический или орнаментальный характер.

Жанровая принадлежность пословиц к малой фольклорной форме способствует их запоминанию и воспроизведению. Таким образом, мы можем говорить о некоей устойчивости пословиц, при котором сохраняется компонентный состав и возможность использования в речи в разных областях жизнедеятельности человека.

Тем не менее, пословицам свойственна вариативность, при этом варианты могут быть самыми разными. В.П. Жуков, который разработал типы пословичных вариантов, выделил три основные группы: формально-словообразовательные, лексико-грамматические и структурные варианты пословиц¹. Варианты, или, как отмечал И. Снегирев, «разнословия» основываются в пословицах на различии времени и места жительства². Так, например, можно находить такие варианты пословиц, как «Без труда не вынешь (не вытянешь, не вытащишь) [и] рыбку из пруда»; «Всяк (каждый, каждый человек) кузнец своего счастья / Всяк [сам] своего счастья кузнец»; «Обжегшись на молоке, дуют / дуешь / станешь дуть (и) на воду» и др. Как видно, несмотря на вариативность компонентов, значение пословицы здесь не меняется.

Однако, встречаются пословицы, в которых разные варианты приводят к структурно-семантическим изменениям, например: «Кто рано встает, тому бог дает / тот дольше живет / того удача ждет».

---

¹ Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 2005.

² Снегирев И.М. Словарь русских пословиц и поговорок; Русские в своих пословицах / сост., подгот. текста, предисл., comment. Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев. Нижний Новгород, 1996. С. 213.

По отношению к пословицам, в которых смена компонентов приводит к смысловым изменениям, болгарский паремиолог В.Ф. Занглигер использует термин «трансформация»³.

Действительно, изменения в языковом сознании людей, обусловленные преобразованиями, происходящими в обществе, отражаются в увеличенном спросе на остроумие, иронию, языковую игру⁴. В число форм языковой игры входят и трансформация пословичных текстов. Хорошо известный текст перестраивается, в одной пословице объединяются части разных пословиц — результатом таких приемов является неожиданный смысл. При такого рода свободном использовании пословиц говорящий сознательно меняет пословичный текст с целью получения особого стилистического эффекта, например: «Яйца от курицы не далеко падают»; «Скажи мне, кто я, и я скажу, кто ты»; «Хорошему коту и в ноябре — март» и т. д. (ср. эст. Sõbra tuntakse hädas ja kuu enne valimisi (букв. «Друга узнают в беде и за месяц до выборов»); Kes vara ärkab, see käib kaugel tööl (букв. «Кто рано встает, тот далеко работает») и т. п.

Для обозначения пословичных трансформаций используются термины антипословица и квазипословица. Понятие антипословицы было введено В. Мидером (1982), который указывал на тенденцию использовать в современной языковой среде пословицы в измененном виде⁵. При этом антипословицы создаются «намеренным обыгрыванием внешней и внутренней формы традиционных пословиц и афоризмов». Общей целью всего антипословичного творчества является опровержение устоявшихся стереотипов, создание смехового эффекта⁶.

Несмотря на то, что интерес к изучению разных аспектов антипословиц активизировался недавно, сам процесс изменения известной пословицы с использованием приема расширения, усечения, замены или

³ Занглигер В. Вариантность и синонимия пословиц // Болгарская русистика. 2010. № 3–4. С. 15–16.

⁴ Жусупова А.А. Паремиологические трансформации пословиц как форма языковой игры // ЖАМУнун Жарчысы. 2014. № 2. С. 4.

⁵ Mieder W. Proverbs Are Never Out of Season. Popular Wisdom in the Modern Age. Oxford, Oxford University Press, 1993. P. 58.

⁶ Вальтер, Харри. 2012. Мифологические персонажи в русских антипословицах // Учені записки Таврійського національного університету ім. В.І.Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. Т. 25 (64). № 2 (1). С. 296 [Електронний ресурс: http://phraseoseminar.slovospb.ru/042_valt.pdf].

повтора не является новым. Стоит вспомнить классику советского кинематографа: «Куй железо, не отходя от кассы» («Бриллиантовая рука»), «Жить хорошо, а хорошо жить еще лучше» («Кавказская пленница»), «Кто не работает, тот ест» («Операция «Ы»).

Трансформация пословиц происходит в разных лингвокультурах. Необходимо отметить, что как пословица-оригинал может иметь полный или частичный эквивалент в другом языке, так в пословичных трансформах можно также находить такие случай, однако из-за их малого количества основой сравнения взяты не семантика трансформированных пословиц, а способы их образования.

Итак, анализируя трансформы, мы видим, что как в русском, так и в эстонском языке активно используется прием языковой игры, при котором замена одной буквы в слове другой приводит к образованию нового слова. Так, в русском языке пословица «В тесноте, да не в обиде» трансформируется на «В темноте, да не в обиде». Первоначальная образность для передачи утешения или совета не обращать внимания на неудобства в ситуации переполненного помещения теряется при трансформации, и пословица приобретает новое значение. Об этом свидетельствуют и примеры употребления: «В темноте, да не в обиде. Сборная России провела свой первый матч на молодежном чемпионате мира в Калгари. Переодевание в темноте, загородные тренировки, (...) — в репортаже корреспондента Sports.ru из Калгари⁷; «В темноте, да не в обиде. Комнатные растения, которые любят тень»⁸.

В эстонском языке примером может служить трансформа «Käsi ei kuku kännust kaugele» (букв. «Рука от пня недалеко падает»). Использованный прием метаграммы позволяет легко идентифицировать пословицу-оригинал «Käbi ei kuku kännust kaugele» (букв. «Шишка от пня недалеко падает»). Эта пословица входит в число самых распространенных эстонских пословиц и имеет примерно 285 вариантов употребления⁹. В комментариях к пословице отмечается ее широкое употребление по всей Эстонии, исключением являются только территории

---

⁷ [Электронный ресурс: <https://www.sports.ru/hockey/133461318.html>].

⁸ [Электронный ресурс: <https://www.pinterest.com/pin/659847782890496220/>].

⁹ Krikmann, A. Sagedasemaid eesti vanasõnu // ENSV Teaduste Akadeemia. ENSV Keele ja Kirjanduse Instituut. Fr. R. Kreutzwaldi Kirjandusmuuseum. EESTI VANASÖNAD. IV KÖIDE. Toimetajad A. Krikmann ja I. Sarv. Tallinn, 1988. Lk. 499.

Сету и Выру, приграничное расположение которых повлияло на употребление в этих регионах эквивалента к русской паремии «Яблоко от яблони недалеко падает» — «Upín ei sata uibost kavvehe». Однако наряду с формами южноэстонских диалектов встречаются также варианты на островном диалекте, например: «Õun ei kuku kaugele tüivist», что можно обосновать включением острова Сааремаа в 1710 году в состав царской России и формированием там русскоязычной общины, в которую входили в основном солдаты русского гарнизона, представители власти, купцы и ремесленники с семьями¹⁰.

Сравнивая семантику исходного текста пословицы с ее трансформой, видим, что при изменении компонента как меняется изначальная мысль о сходстве родителей и детей, так и снижается ее метафоричность. В некоторых интернет-вариантах встречается также замечание «metsatöölise vanasõna» (с эст. «пословица лесоруба»). Уточнение социальной группы в качестве комментария, кому якобы принадлежит эта пословица, указывает на прямое значение высказывания и в то же время создает комический эффект.

Необходимо отметить, что сознательная замена буквы в целях привлечения внимания или создания эмоционального эффекта не всегда приводит к логической семантической информации. Так, например, на основе эстонской пословицы-оригинала «Töö kiidab tegijat» (букв. «Работа хвалит делателя», т. е. работника) образована антипословица «Töö niidab tegijat» (букв. «Работа косит делателя»). В данном случае, глагол «косить» используется в переносном значении и антипословицей передается мысль об усталости, утомительности тяжелого труда. Однако употребление антипословицы в рекламном ролике о подготовке к летним работам в саду и необходимости покупки газонокосилки меняет ситуативный контекст и приводит к отмене образности и к буквализации глагола, что приводит к затруднению восприятия антипословицы как логически оформленного предложения.

При лексических трансформациях кроме замены буквы наблюдается также перестановка слов. Известный фразеологизм «Волк в овечьей шкуре» используется для обозначения лицемера, человека, скрывающего свои злые намерения кажущейся добротой. Видоизмененная паремия «Овца в волчьей шкуре», в принципе, также передает мысль о невоз-

---

¹⁰ Plaat, J. Õigeusk ja õigeusu pühakojad Eestis 11.-19. sajandil. Lk. 21 [Электронный ресурс: <https://www.folklore.ee/tagused/nr47/plaat.pdf>].

можности быть уверенным в ком-то или в чем-то. Так, в журнале «Современная торговля» пишут: «Биткоин — овца в волчьей шкуре?»¹¹

Как и в русских, в эстонских пословицах-трансформах также использован прием перестановки слов. Примером может служить эстонская пословица-оригинал «Valel on lühikesed jalad» (букв. «У лжи/неправды короткие ноги»), которая имеет назидательную эмоциональную окраску и передает мысль о том, что ложь/неправда быстро раскрывается. В данном случае слово *lühike* (короткий) — качественное прилагательное, которым передается характеристика категории лжи. В пословичном преобразовании «Lühikesel on valed jalad» (букв. «У короткого неправильные ноги») происходит субстантивация прилагательного *lühike*, а использование его в качестве метонимии указывает на характеристику человека. Таким образом, перестановка слов *vale* и *lühike* приводит к изменению части речи одного из них и впоследствии — семантики целой трансформы: вместо назидания используется ирония.

Изменения в пословице могут относиться не только к определенному компоненту, но и к целой ее части. В рассмотренных антипословицах первая часть пословицы, в основном, остается неизменной, изменение происходит во второй части. Неожиданная концовка хорошо известной пословицы порождает комический эффект: «Лучше синица в руках, чем утка под кроватью» (ср. оригинал: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе»); «В гостях хорошо, а дома ходить голым спокойнее» (ср. оригинал: «В гостях хорошо, а дома лучше»); «Встречают по одежке, провожают по утру» (ср. оригинал: «Встречают по одежке, провожают по уму») и т. д. — ср. эст., напр. «Kes vana asja meelde tuletab, see on ajaloolane» (букв. «Кто старое помянет — историк») (ср. оригинал: «Kes vana asja meelde tuletab, sel silm peast välja») (букв. «Кто старое помянет, тому глаз вон»); «Kes viimasena naerab, naerab hammasteta» (букв. «Кто последним смеется, смеется без зубов») (ср. оригинал: «Kes viimasena naerab, naerab paremini» букв. «Кто последним смеется, тот смеется лучше»).

Начало пословицы-оригинала может также служить основой для образования новых модификаций. Так, например, в традиционной пословице «Чем дальше в лес, тем больше дров» образно говорится о возможных трудностях и осложнениях, которые могут возникнуть при раз-

---

¹¹ [Электронный] ресурс: <https://panor.ru/articles/bitkoin-ovtsa-v-volchey-shkure/25172.html>.

витии каких-либо событий. Основная часть пословицы «Чем дальше в лес» является прогрессивной основой для новообразований, в которых предикативная часть меняет эмоциональную окраску пословицы, внося иронию, шутку, эффект неожиданности: «Чем дальше в лес, тем меньше свидетелей / тем толще партизаны / тем ближе вылез» и т. д.

Рассматривая эстонские антипословицы, находим также прогрессивные основы, в которых главная часть предложения остается без изменений, а придаточная часть полностью изменена, например: «Kes teisele auku kaevab, sellel on labidas / see teeb töö teise eest ära / see on hauakaevaaja» и т. д. (букв. «Кто другому яму роет, у того есть лопата / тот за другого работу сделает / тот гробовщик»).

Еще одним способом образования антипословиц является замена грамматической формы. В качестве примера можно привести трансформированную пословицу, опубликованную в Эстонии на уличных информационно-рекламных стендах (2017) с целью повышения осведомленности населения о травмоопасности рабочего места. Для указания на риск получения травмы ног на производстве на эстоноязычном плакате используется трансформация «Kellel pea ei jaga, sellel jagatakse jalad» (букв. «У кого голова не соображает, у того разделяют ноги»). В традиционной пословице «Kui/kellel pea ei jaga, siis/sellel jagavad jalad» (букв. «У кого голова не соображает, у того соображают ноги») говорится о глупости человека, о дополнительной заботе из-за его несообразительности. Пословица построена на импликации с симметричной структурой «если ~ то» или «у кого ~ у того», где главная часть предложения включает фразеологизм «pea ei jaga» в значении «глупый, несообразительный», благодаря чему глагольная форма «ei jaga» — «не делит, не разделяет» — воспринимается читателем в рамках всей пословицы в переносном значении «не понимает, не соображает».

При анализе трансформированной пословицы мы видим, что изменение в семантике происходит за счет замены действительного залога страдательным: в придаточной части личная глагольная форма «jagavad» (3 лицо, мн. ч., наст. вр.) заменяется формой «jagatakse» (страдательный залог, наст. вр.), таким образом, в главной части предложения сохраняется фразеологический оборот, а в придаточной части глагол теряет переносное значение.

Параллельный вариант текста на русском языке был представлен трансформацией пословицы, не являющейся эквивалентной, но близкой по смыслу и образной структуре: «Дурная голова ногам здоровья

не дает». В отличие от эстонского примера, здесь трансформация основана на замене лексического компонента: «Дурная голова ногам покоя не дает». В пословичной трансформации в русском языке лексическая замена приближает текст к тематике кампании, но, собственно, не приводит к языковой игре.

Данные примеры трансформов «Kellel pea ei jaga, sellel jagatakse jalad» (букв. «У кого голова не соображает, у того разделяют ноги») и «Дурная голова ногам здоровья не дает» являются авторскими и носят окказиональный характер. Вне контекста и вне указанной кампании их понимание и употребление будет невозможным.

Как в пословицах-оригиналах, так и в трансформированных вариантах возможно встретить либо полные, либо частичные эквиваленты. Так, например, русская трансформа «Одна голова хорошо, а две (уже) некрасиво» (ср. оригинал: «Одна голова хорошо, а две лучше») передана в эстонском языке формой «Üks pea on ikka üks pea, kaks on juba inetu» (букв. «Одна голова — это всё-таки одна голова, две уже некрасиво»). Русская пословица имеет в эстонском языке полный эквивалент: «Üks pea on hea, kaks veel parem», однако при образовании трансформы введены дополнительные лексические компоненты, подчёркивающие контраст между главным и придаточным предложениями.

Модификации могут происходить и в обеих частях пословицы, при этом может быть замена лексического компонента или расширение пословицы посредством дополнительных компонентов, например: «Сколько гостя ни корми, он всё равно напьётся»; «Тяжело в лечении, легко в гробу» — ср. эст. «Üks õps jõuab rohkem küsida kui terve klass vastata» (букв. «Одна училка сумеет больше спросить, чем целый класс ответить») (оригинал: «Üks rumal mõistab enam küsida kui üheksa tarka vastata» — букв. «Один дурак сумеет больше спросить, чем девять умных ответить»); «Ütle mulle, kes on su pinginaaber ja ma ütlen, mis on su kontrolltöö hinne» (букв. «Скажи мне, кто твой сосед по парте, и я скажу, какая у тебя оценка за контрольную») (оригинал: «Ütle mulle, kes on su sõber ja ma ütlen, kes sa oled»).

Отдельную группу составляют антипословицы, созданные на основе импликативности, характерной для структуры пословиц, а именно — сложноподчиненных предложений с симметричной формой и характерными формульными компонентами, как, например, «кто..., тот...»; «где..., там...»; «когда..., тогда...»; «если..., то...» и т. п., например: «Каков бюджет, таков сюжет»; «Сколько водки ни бери, всё равно два

раза бегать»; «Чем меньше букв, тем емче слово» — эст. «Parem väike kupüür kui suur tänu» (букв. «Лучше маленькая купюра, чем большая благодарность»); «Mida vanem eit, seda roosam kleit» (букв. «Чем старше баба, тем розовее платье»); «Mida hiljem saabub kiirabi, seda täpsem on diagnoos» (букв. «Чем позже приезжает скорая, тем точнее диагноз»).

Итак, мы видим, что для образования антипословиц в русском и эстонском языках использованы одинаковые способы. Цель пословичных трансформ, в основном, — создание неожиданного смысла, усиление экспрессивности, ирония, шутка. Тем не менее, при окказиональном характере трансформы и буквализации значения этот эффект может снижаться и его употребление возможно только в рамках исходной ситуации. Анализ антипословиц доказал возможность эквивалентных форм, что может быть обосновано распространением шуточных пословиц в Интернет-среде и переводом их с других языков или на другие языки.

III. Гости «Михайловской пушкинианы»

Татьяна Чистякова

«КРУПИЦЫ ПОНИМАНИЯ» А.С. ПУШКИНА: МАТЕМАТИКА, ФИЗИКА, ИСТОРИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА

И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.

A.C. Пушкин. Пророк

Уникальная многогранность личности Пушкина может быть сравнима только с высотой его поэтического дара. В свое время Гоголь назвал поэта чрезвычайным явлением русского духа¹. Это предъявляет своеобразные требования, в особенности к тем, кто пытается интерпретировать пушкинские мысли, выраженные в различных формах литературного творчества.

Так, например, считается, что Лицей пушкинского времени имел гуманитарную направленность, однако при более подробном рассмотрении вопроса становится очевидным, сколь высокий уровень Лицей давал своим учащимся по классам точных наук.

О серьезном уровне преподавания наук не только гуманитарных свидетельствуют данные книги Я.К. Грота «Пушкин и его лицейские товарищи» (1889), где было представлено воспоминание одноклассника Корфа. Он писал в 1854 году: «...читался курс полугимназический, полууниверситетский обо всём на свете, математика с дифференциалаами и интегралами, астрономия в широком размере»².

¹ Гоголь Н.В. Несколько слов о Пушкине // Н.В. Гоголь. Полное собрание сочинений. В 14 т. [М. ; Л.], 1937–1952. Т. 8. Статьи. С. 50.

² Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899. С. 223

Пушкинисты обыкновенно не придавали значения этим воспоминаниям, написанным по истечении сорока лет. Однако его словам есть документальное подтверждение: занятия в Лицее было принято конспектировать в тетрадях. До нашего времени дошло несколько тетрадей одного из самых прилежных учеников первого выпуска — А.М. Горчакова (по окончании Лицея получившего малую золотую медаль). Его тетради в классах преподавателей словесности публиковались и неоднократно рассматривались исследователями, в забвении же оставались тетради по классам математики, физики и астрономии. В 1980-х годах нам удалось внимательно изучить эти материалы. Они составлены из 20–30 листов грубоватой бумаги. Одна тетрадь по арифметике, вторая озаглавлена «Физика (продолжение), тетрадь четвертая». На третьей значится «Начертание физической астрономии». В ней Горчаков после текста пропустил три чистых листа и обозначил: «Динамика». К сожалению, даже прилежный Горчаков нигде не проставил даты, но известно, что «Начертание физической астрономии» завершает курс астрономии, следовательно, и записи по динамике относятся к последнему году обучения в Лицее.

Эти конспекты дают счастливую возможность документально оценить уровень математического аппарата и общность тех физических закономерностей, которые преподавали в Лицее.

Далее по тетради Горчакова:

«Движение равномерное

$c=S/t$ с — скорость.

Неравномерное движение — изменение скорости в бесконечно малую частицу времени

Элемент δt (δ -дельта) $\delta S=c\delta t$

Равноускоренное движение, когда скорость арифметическая прогрессия

U — конечная скорость $U=gt$

Тогда $S=1/2gt^2$ т.к. $\delta S=gt\delta t$ и $\int \delta S = \int gt\delta t$ ($\int$ — интеграл)³.

При взгляде из современности уровень сложности материала впечатляет. Далее указано: «В переменном движении напряжение ускорительной силы в каждое мгновение различно... Посему, для измерения сей переменной силы в действии, нужно вместо U/t взять дифференциал онъих.

³ Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО). Ф. 11. Д. 7. № 367. Горчаков А.М. Л. 7.

φ (фи) — величина ускорительной силы

$\varphi = 1/2\delta U/\delta t$, но $U = \delta S/\delta t$ $\delta S = U\delta t$ $\delta t = \delta S/U$,

отсюда $\varphi = 1/2\delta U/\delta S/U = U\delta U/2\delta S$,

но, вместо δU , $U = \delta S/\delta t$, то $\delta U = \delta 2S/\delta t$

получаем $\varphi = 1/2\delta 2S/\delta t^2$

Следовательно, $\varphi = \pm 1/2\delta 2S/\delta t^2 = 1/2\delta U/\delta t = 1/2U\delta U/\delta S$

Всеобщие формулы для равноускоренного, равноуконосительного и равномерного движения»⁴.

Далее следует решение ряда задач, в которых действующая сила переменная, следовательно, не обойтись без дифференциального исчисления. В XX–XXI веках это материал технического вуз⁵.

Есть и косвенные подтверждения высокого уровня преподавания точных наук в Лицее. Известно, что в последний год обучения был введен курс военных наук до девяти часов в неделю. Ясно, что преподавание артиллерии, гидравлики, фортификации и т. п. невозможно без должной математической базы.

Другим косвенным подтверждением является наличие в библиотеке Лицея учебника математики Т.Ф. Осиповского «Курс математики», изданного в 1814 году. В нем есть разделы прямолинейной тригонометрии, сферической тригонометрии (т. е. свойства сферических треугольников), раздел «Введение в криволинейную тригонометрию» (в наше время это уже университетский курс). Известно, что Я.И. Карцов⁶ отчитывается Конференции: «Пройти курс сферической тригонометрии и конические сечения»⁷.

Можно объяснить склонность Пушкина к самообразованию отчасти и высоким уровнем преподавания в Лицее. И.А. Ильин так написал об этом: «Пушкин всю жизнь неутомимо искал и учился. Именно поэтому

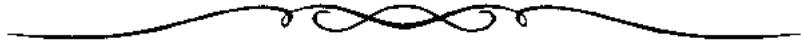
---

⁴ ГИАЛО. Ф. 11. Д. 7. № 367. Горчаков А.М. Л. 8.

⁵ Частично об этом см.: Чистякова Т.А. «И в просвещении стать с веком наравне...» О преподавании точных наук в лицее // Пушкинский музей: альманах / под ред. С.М. Некрасова, Р.В. Иезуитовой. Вып. 6. СПб., 2014. С. 36–46. В полном объеме печатается впервые.

⁶ Карцов Яков Иванович (1784–1836) — адъюнкт-профессор физических и математических наук, преподавал в Лицее арифметику, геометрию, алгебру, тригонометрию, аналитическую геометрию, физику, черчение, астрономию и военные науки.

⁷ ГИАЛО. Ф. 11. Д. 7. № 93671. Карцов Я.И. Письма Конференции.

он призван был учить и вести... Он сам был и становился тем, чем он учил быть»⁸.

А вот признание самого Пушкина:

В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд, и жажду размышлений.
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы...

(II, 1; 188)

Пушкин и стал одним из образованнейших людей своего времени.

* * *

Из стихотворений, написанных в ноябре 1825 года в Михайловском, Пушкин отобрал пять и послал их П.А. Вяземскому для альманаха «Урания. Карманная книжка на 1826 год для любительниц и любителей русской словесности» (М., 1826). В том же письме автор называет их «эпиграммами». На первый взгляд, действительно, Пушкин разбирает, по его словам, «забавный случай». Приведем полностью:

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

(II, 1; 432)

Академик М.П. Алексеев в монографии «Пушкин. Сравнительно-историческое исследование» (1984) посвятил этой «эпиграмме» обшир-

---

⁸ Ильин И.А. Пророческое призвание Пушкина // Пушкин в русской философской критике: конец XIX — первая половина XX века. М., 1990. С. 339.

ную статью. В ней он называет стихотворение «Движение» «удивительным по своей философской мысли суждением, одним из шедевров русской философской лирики»⁹.

В работе Алексеева указано, что Пушкин откликнулся на статью В.Ф. Одоевского в четвертой части «Мнемозины» за 1825 год «Секта идеалистически-элеатическая», в которой автор рассматривает творчество древних философов, в том числе элеата Зенона. Алексеев сообщает, что, согласно черновым записям Пушкина, «философ циник» спорит с Диогеном. Под «циником» следует иметь в виду Зенона. Несколько иначе представлен спор двух философов в «Историческом и критическом словаре» Пьера Бейля¹⁰ (этот текст сохранился в библиотеке Пушкина¹¹). «Мудрец брадатый» — это Зенон, а его оппонент, скорее всего, не Диоген, а Антисфен, живший в одно время с Зеноном. Академик подробно разбирает особенности взглядов обоих философов. Фраза «Хвалили все ответ замысловатый», по мнению М.П. Алексеева, относится к восторженному мнению Бейля, автора «Словаря», широко распространенного в пушкинское время.

Зенон, живший в 490–430 годах до нашей эры, был противником опытного познания и отрицал сам факт движения. Внимание этому спору уделяли выдающиеся философы всех времен от Аристотеля до Канта и Гегеля. Именно переиздание «Лекций по истории философии» Гегеля в 20–30-е годы XIX века возобновило интерес общества к аргументам Зенона. О последних двух строчках «Движения» академик Алексеев говорит, что Пушкин «воспроизводит целую историю европейской науки, намечает будущую научную проблематику, ставит один из самых существенных вопросов гносеологии»¹². И далее: «...в специальной пушкинской литературе еще недостаточно было подчеркнуть, что для Пушкина определение, что такое движение, было не вопросом абстрагирующей логической мысли, но теснейшим образом связывалось с конкретнейшими проблемами научного знания... В истории спора о «движении»

⁹ Алексеев М.П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984. С. 80.

¹⁰ Bayle, Pierre. Dictionnaire historique et critique. T. I–XVI. Paris, 1820–1824.

¹¹ Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина: библиографическое описание. СПб., 1910. С. 154.

¹² Алексеев М.П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. С. 81.

как научном понятии Пушкин занял самостоятельную позицию, сумев близко подойти к важнейшим гносеологическим выводам»¹³. Там же он отмечает, что автор стихотворения хотел выразить сущность движения, а не его видимость.

Попытаемся частично восполнить то, что было «недостаточно подчеркнуто», и то, в чем Пушкин занял «самостоятельную позицию». Для ее понимания необходимы некоторые знания по механике и сведения об истории науки. В последних строках упоминается солнце, которое «каждый день пред нами ходит». Упомянутый факт отсылает к гелиоцентрической системе Н. Коперника — теории, выдвинутой им и опубликованной в 1543 году. Сама же работа «Об обращении небесных тел» была запрещена церковью к переизданию на протяжении более чем двух веков, с 1616 до 1828 года. Галилео Галилей родился приблизительно через двадцать лет после смерти Коперника и, явившись открытым сторонником этой системы, оказался в суде инквизиции. Существует исторический анекдот о том, что после отречения от своих взглядов на суде Галилей произнес: «А всё-таки она вертится!» Именно на эту фразу намекает Пушкин, давая в стихотворении Галилею определение «упрямый».

Сам же Г. Галилей (1564–1642) в истории науки признан одним из основателей научного естествознания. В число первых заслуг ученого ставится введение в науку понятия относительности движения. Исходя из этой идеи его последователи сформулировали принцип относительности Галилея. Позднее он стал называться механическим принципом относительности Галилея (в отличие от принципа относительности Эйнштейна). Суть его заключается в том, что в инерциальной системе отсчета характер движения, а значит и покой, зависят от выбора точки отсчета. Иллюстрировать принцип можно так: неподвижна Земля, значит, движется Солнце, а если считать неподвижным Солнце, то движется Земля. Не эту ли мысль, по мнению академика Алексеева, защищает Пушкин как «самостоятельную позицию» и «конкретную проблему научного познания»? Ведь покой — это частный случай движения. А Пушкин стремится познавать действительность через осмысление движения, а не подменять его чувственным ощущением. Правы оба спорящих в зависимости от того, что принять за точку отсчета.

---

¹³ Алексеев М.П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. С. 80–81.

Пушкин в двух последних строках своего произведения блестяще применил принцип относительности Галилея. И тут приходит на память одно примечание к его циклу «Подражания Корану» (1824): «Плохая физика, но за то какая смелая поэзия» (II, 1; 318). В случае с «Движением» смелы и физика, и поэзия.

Можно сказать, что в своем стихотворении Пушкин выступает против вульгарного эмпиризма и за рационализм. И это не случайное высказывание. В 1836 году в статье «Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности...» Пушкин пишет: «Теория наук освободилась от эмпиризма, взымела вид более общий, оказала более стремления к единству» (XII, 72).

Это взгляд на механический принцип относительности из нынешнего времени. Но и лицеисты его должны были знать, поскольку это основа классической механики. Ее главные законы были сформулированы Ньютоном в «Математических началах натуральной философии» в 1687 году. Преподавание физики и астрономии уже в XVIII веке было невозможно без освещения механики Ньютона.

Профессор физики и математики в Лицее Я.И. Карцов использовал в преподавании ряд учебных пособий. Один из историков Лицея, И.Я. Селезнев, упоминает, что таким был и учебник А.И. Стойковича¹⁴. В библиотеке Академии наук сохранился экземпляр книги «Начальные основания умозрительной и опытной физики Афанасия Стойковича», изданной Харьковским университетом в 1804 году. Обратим внимание на то, что физика «умозрительная», т. е. рациональная. Афанасий Стойкович был членом многих ученых обществ, в т. ч. Британского Королевского в Геттингене, Пражского ученого и естественно-исторического в Йене и других.

Также стоит отметить, что более 20 страниц автор посвящает обзору истории физики — упоминая имена Ньютона, Декарта, Бернулли и других физиков XVII–XVIII веков. В разделе «Явление движения вообще», в параграфе 74, озаглавленном «Относительное движение», сообщается: «Движение солнца к западу есть кажущееся, поелику причина изменения нашего рассуждения о его положении находится в нас, а не в солнце. Чувства нам показывают, что солнце движется, а земля находится в покое. Итак, здесь различается истинное движение от кажущегося

¹⁴ Селезnev И.Я. Исторический очерк Императорского, бывшего Царско-сельского, ныне Александровского, Лицея за первое его пятидесятилетие с 1811 по 1861 год. СПб., 1861. С. 77.

посредством многих умозаключений. В сомнительных случаях всегда исследовать должно, какое покоится, а какое движется»¹⁵. Это не что иное, как изложение механического принципа относительности на конкретном примере. И у Пушкина в «Движении» — конкретный пример, сходный по существу с примером спора древних философов.

Последнее утверждение может удивить, так как известно, что у юного поэта в классах Карцова в Лицее были самые низкие отметки. Личность Пушкина необозримо широка. Вот что свидетельствовал П.А. Плетнев, хорошо знавший поэта на протяжении многих лет: «Природа, кроме поэтического таланта, наделила его изумительной памятью и проницательностью. Ни одно чтение, ни один разговор, ни одна минута размышления не пропадали для него на целую жизнь»¹⁶.

* * *

«Потребность знать Пушкина как можно шире и глубже во многообразных проявлениях его гения и во всех возможных отношениях к окружающей действительности определяет одну из задач нашего пушкиноведения»¹⁷, — писал академик М.П. Алексеев. Именно этот масштаб личности Пушкина накладывает определенные обязательства на всех, кто исследует его творчество. И снова свидетельство академика Алексеева: «Многогранность и всеобъемлющий характер творчества Пушкина, изумительная широта, с которой сумел он охватить своим умственным взором всю современную ему действительность, засвидетельствованы и неоднократно подвергались специальному обсуждению»¹⁸.

В 1855 году П.В. Анненков впервые опубликовал отрывок из статьи Пушкина, озаглавив его «О вдохновении и восторге» (датируется 1826 — началом 1827 года): «Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений, следств. [венно] к быстрому соображению понятий, что и способствует объяснению оных. Вдохновение нужно в поэзии как и в геометрии» (XI, 41). В альманахе Дельвига «Северные

---

¹⁵ Стойкович А.И. Начальные основания умозрительной и опытной физики Афанасия Стойковича. Харьков, 1809. С. 145.

¹⁶ Плетнев П.А. Сочинения и переписка П.А. Плетнева / издал Я. Гrot. СПб., 1885. С. 366.

¹⁷ Алексеев М.П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. С. 23.

¹⁸ Там же. С. 20.

цветы» за 1828 год Пушкин публикует без подписи «Отрывки из писем, мысли, замечания». Сохранился и беловой автограф, где эта фраза звучит несколько иначе, но схоже: «Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно и объяснению оных. Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии» [XI, 54]. Пушкин тесно связывает поэзию с геометрией (уже в 1827 году). В «Отрывках...» Пушкин также сформулировал: «Всё, что превышает геометрию, превышает нас», сказал Паскаль. И в следствии того написал свои философические мысли!» (XI, 54).

Из дошедших до нас материалов трудно установить, что именно побудило Пушкина обратиться к геометрии и Паскалю. Но любопытно, что, согласно «Словарю Пушкина»¹⁹, он слово «геометрия», кроме указанных трех случаев, не употреблял.

И всё это в промежутке с февраля 1826-го по август 1827 года.

Чрезвычайно важен фон, на котором появились эти высказывания о геометрии. 23 февраля 1826 года на заседании математического факультета Казанского университета Н.И. Лобачевский представил рукопись «Сжатое изложение начал геометрии со строгим доказательством теоремы о параллельных линиях». Академик Алексеев уверен: «Хронологические совпадения редко бывают случайными. Причинная между ними связь может быть установлена даже тогда, когда они кажутся особенно неожиданными»²⁰.

Журнал «Казанский вестник» напечатал работу Лобачевского «О началах геометрии» только в 1829 году. Но доложенное математиком уже в феврале 1826 года имело свойство разорвавшейся бомбы. Ведь оно подвергало сомнению справедливость евклидовой геометрии, которой человечество пользовалось более двух тысяч лет! Новости в геометрии вносили коренные изменения в представления о пространстве. Ведь именно теория Лобачевского в будущем будет использована Эйнштейном в его теории относительности.

Реакция общества была резкой и продолжительной. Далеко не все были в состоянии подняться до осмысления «воображаемой геометрии». Так, русские математики того времени В.Я. Буняковский и А.В. Остроградский не приняли теорию Лобачевского. А.В. Остроград-

---

¹⁹ Геометрия // Словарь языка Пушкина. В 4 т. / отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. М., 2000. С. 471.

²⁰ Алексеев М.П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. С. 44.

ский, академик, признанный великими Лапласом и Ампером, согласно Энциклопедическому словарю Брокгауза и Эфрона (1890), «распространял оскорбительные отзывы о состоянии умственных способностей Лобачевского»²¹. Журналы не утихали. Так, журнал «Сын Отечества» в 1834 году (№ 35) печатает памфлет «О началах геометрии, соч. Г. Лобачевского». Вот выдержки: «Многие из первоклассных наших математиков думали и ничего не поняли. Для чего же писать, да еще печатать такие нелепые фантазии?»²²

Пушкин же в трех отрывках демонстрирует не только знакомство со столь значительными научными открытиями, но и их одобрение.

Почему Пушкин вспоминал Паскаля и его отношение к геометрии? Фраза «Всё, что превышает геометрию, превышает нас» взята автором отрывка из трактата Паскаля «О геометрическом уме и искусстве убеждаться» (1662). Так же, как и другая работа («О духе (смысле) геометрии», 1665²³), она посвящена методологии точных наук. Паскаль признавался по поводу своего отношения к геометрии: «Я избрал эту науку только потому, что она одна знает истинные правила рассуждения»²⁴. В трактате «Мысли» Паскаль выступает как апологет христианства²⁵.

В работах, посвященных геометрии, Паскаль устанавливает правила дефиниций (определений), аксиом и доказательств. При этом предотстерегает: «Не принимать без исследования ни одной аксиомы, даже очевидной и простой»²⁶.

В пушкинскую пору труды Паскаля были широко известны мыслящим людям. Был знаком с ними Пушкин²⁷, опирался на них и Лобачевский. Так, в основе теории Евклида лежат 11 аксиом (истинных,

²¹ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И.Е. Андреевского. СПб., 1890–1907. Т. XXII: Опека — Оутсайдер. СПб., 1897. С. 360.

²² О началах геометрии, соч. г. Лобачевского // Сын Отечества. 1834. № 35. С. 407–416.

²³ Pascal B. Lettres ecrites a un provincial par Blaise Pascal: precedees d'une notice sur pascal considere comme ecrivain et comme moraliste. Paris, 1829.

²⁴ Pascal B. Oeuvres completes. Paris, 1963 / пер. Стрельцовой Г.Я. (Паскаль и европейская культура, М., 1994). С. 348.

²⁵ Подробнее см.: Стрельцова Г.Я. Паскаль и европейская культура. М., 1994.

²⁶ Pascal B. Oeuvres completes. Р. 348.

²⁷ Кильянник С.А. Художественная философия Пушкина (Studiorum Slavicorum Monumenta. Tomus 16). СПб., 1998.

безусловных). Лобачевский одну из них (о том, что через одну точку параллельно данной прямой можно провести только одну прямую) рассматривает как подчиненную, не считая ее истинной. Следование Паскалю в исследовании, непризнании истинным ничего. Теория Лобачевского утверждала возможность логического мышления о предметах вне пространства и времени. Она имела глубочайшее философское значение. Недаром Уильям Клиффорд назвал Лобачевского «Коперником геометрии»²⁸.

Пушкин и Лобачевский — современники; в 1833 году, когда Пушкин путешествовал по пугачевским местам, он несколько дней провел в Казани. Известно, что он бывал в доме профессора К.Ф. Фукса, коллеги Лобачевского по университету. В салоне жены Фукса собиралось обширное общество, где, возможно, могли бы встретиться Пушкин и Лобачевский. Уровень философского мышления поэта позволял говорить с математиком на одном языке. И еще одна деталь, увеличивающая вероятность их личной встречи: Лобачевский был женат на сестре И.Е. Великопольского, псковского знакомого и адресата поэтических строк Пушкина («Послание к Великопольскому, сочинителю «Сатиры на игроков» (III, 1; 91–92). М.С. Колесников в 1965 году сделал попытку доказать, что эта встреча состоялась²⁹. Этот факт может подтвердиться в будущем и при более внимательном изучении казанской почты той поры и дневников знакомых профессора Фукса.

Как редактор журнала «Современник» Пушкин находит необходимым напечатать статью по теории вероятностей. Эта область математики только еще зарождалась в академической науке, и Пушкин помещает в журнале одну из первых отечественных публикаций на эту тему — статью князя П.Б. Козловского «О надежде»³⁰. Следующая статья на эту тему, авторства В.Я. Буняковского, выйдет только в 1846 году³¹. Это, бесспорно, свидетельствует о том, что философские аспекты математики в 1830-е годы были близки мировоззрению Пушкина, не раз задумывавшегося о роли случая в большой истории и повседневной жизни че-

²⁸ Белл Э.Т. Творцы математики. Гл. 15. М., 1979. С. 190.

²⁹ См.: Колесников М. Лобачевский / Жизнь замечательных людей. Вып. 400. М., 1965.

³⁰ Козловский П.Б. О надежде // Современник. Т. 3. СПб., 1836. С. 23–47.

³¹ Буняковский В.Я. Основания математической теории вероятностей. СПб., 1846.

ловека³². И.А. Ильин отмечал в Пушкине «способность вместить в себе всё пространство земли и неба, все диапазоны звуков, все горизонты предметов, все проблемы духа — объять весь мир от края до края»³³. Задача авторов настоящей статьи — проиллюстрировать на конкретных примерах этот тезис.

* * *

С годами Пушкин всё глубже исследует историю. Его интересуют не только Борис Годунов, Пугачев, история Петра, но и освоение земли Российской. Тема покорения Камчатки, состоявшегося в первой половине XVIII века, обращает на себя внимание Пушкина-историка в январе 1837 года.

Из дошедших до нас рукописей Пушкина последняя датируется автором 20 января 1837 года. В посмертных изданиях редакторское название этой работы определено так: «Заметки при чтении «Описания земли Камчатки С.П. Крашенинникова». В академическом издании полного собрания сочинений 1949 года редактор Л.Б. Модзалевский сообщает в комментариях, что работа прервана, и называет ее «последним неоконченным трудом»³⁴. С этим согласны и более поздние исследователи: так, А. Киселев свою статью озаглавил «Последняя незавершенная работа Пушкина»³⁵. С.А. Фомичев в статье «Последний творческий замысел Пушкина» пишет: «...в окончательном тексте, будь он доведен до конца...»³⁶

Однако в столь категоричном мнении можно усомниться, если сверить поэтапно произведение Крашенинникова с двумя частями «Заметок» Пушкина. Одна часть «Заметок» названа автором «О Камчатке», другая — «Камчатские дела (от 1699 до 1740)». Пушкинская рукопись представляет собой, за редким исключением, конспектирование труда Крашенинникова. Он это делает, последовательно дви-

³² См.: *Кибальник С.А. Художественная философия Пушкина.*

³³ Ильин И.А. Пророческое призвание Пушкина. С. 334–335.

³⁴ См.: *Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 10. Письма (1815–1837) / текст проверен и примечания составлены Л.Б. Модзалевским и И.М. Семенко под редакцией Б.В. Томашевского. [Л.], 1951. С. 514.*

³⁵ Киселев А.В. Заметки о Камчатке. Последняя незавершенная работа Пушкина // Наука и жизнь. 1994. № 6, 7. С. 128–135.

³⁶ Фомичев С.А. «Камчатка — страна печальная»: последний творческий замысел Пушкина // Русская литература. 2006. № 4. С. 4.

гаясь за «Описанием», допуская большие пропуски. Важно не только то, что выписано, но и то, что опущено, это значимое отсутствие. Так, из одной части «Описания» — «О камчатских народах» Пушкин делает выписки только трех глав из 22. Его далеко не всё интересовало, хотя многие исследователи старательно придают «Заметкам» этно-географическую окраску. Даже в той части «Описания», из которой чаще всего делались выписки (IV часть, «О покорении Камчатки...»), Пушкин пренебрег тремя главами: «О камчатских островах», «О ясачном остроге» и «О купечестве». Видимо, не стоит искать в пушкинской работе и экономический крен. В своем конспектировании Пушкин, по выражению Н.Я. Эйдельмана, «сжимает текст»³⁷. Степень же «сжатия текста», можно полагать, демонстрирует уровень заинтересованности автора «Заметок». Работа «О Камчатке» по объему в 2,5 раза меньше «Камчатских дел», а исходный материал у Крашенинникова почти в десять раз обширнее, да и характер записей разный. От обычного конспектирования в разделе «О Камчатке» Пушкин в «Камчатских дела» переходит к строгому дозированию материала, располагая его по отдельным параграфам «в духе Тацита» (выражение Н.Я. Эйдельмана).

Напомним названия частей у Крашенинникова:

- «I. О Камчатке и странах, которые с ней в соседстве находятся.
- II. О выгодах и недостатках земли Камчатской.
- III. О камчатских народах.
- IV. О покорении Камчатки, о бывших в разные годы бунтах, измениях, о нынешнем состоянии тамошних российских острогов».

Предельно ясно, что именно IV часть так занимает Пушкина-историка.

Отметим, что окончательная глава IV части «Описания», а значит и всего труда, названа «О разных дорогах, которыми от Якутска в Камчатку ездят». Этот материал, тщательно конспектируя, Пушкин переносит в свою работу «О Камчатке». Как будто всё, что в ней зарегистрировано, отвечает на вопросы «куда?» и «как добраться?» А вот часть «Камчатские дела» отвечает как бы на вопрос «Зачем?» — ведь там ответы на вопросы «о бунтах», «изменах», «о покорении». Пушкина давно волнует «стихия мятежа».

³⁷ Эйдельман Н.Я. Страна печальная, гористая, влажная // Вокруг света. 1974. № 6. С. 58–61.

IV глава труда Крашенинникова «О дорогах» является финальной. Пушкин же в своих «Заметках» переносит ее в работу «О Камчатке», словно лишая «Камчатские дела» естественного окончания, что создает впечатление незавершенности. Возникает будто бы «открытый финал», создается впечатление недоговоренности, внезапного окончания. Прием «открытого финала» уже опробован в «Борисе Годунове». Но в своем творчестве Пушкин нечасто повторяет уже использованное ранее. А в данном случае хорошо известно, что за последней датой «20 января» следует 27 января — дуэль, «внезапное окончание». Нет сомнений, что весь труд Крашенинникова Пушкин прочел, только выписывал и переставлял в своих «Заметках» куски текста, исходя из своего замысла.

С.А. Фомичев в статье «Камчатка — страна печальная» пишет: «Недаром «Камчатские дела» заканчиваются на «бунташной» ноте»³⁸. В 1937 году исследователь В.И. Селинов предположил, что конспект Пушкина — неоконченная историческая повесть, сосредоточенная главным образом на героях-бунтарях³⁹. Н.Я. Эйдельман в монографии «Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта» находит в заметках Пушкина определенную завершенность. П.В. Анненков в «Материалах для биографии Александра Сергеевича Пушкина» замечает, что «Камчатские дела» «требуют поверок, объяснений и дополнений»⁴⁰. Не забудем, что у Анненкова не было на руках пушкинского конспекта «О Камчатке», опубликованного С.М. Бонди только в 1933 году⁴¹.

Нельзя предположить, что дошедшее до нас в виде «Заметок» — окончательный вариант произведения Пушкина. Правильнее говорить о завершении определенного этапа работы над этой темой. Вот мнение по этому поводу хранителя пушкинских рукописей в Институте русской

³⁸ Фомичев С.А. «Камчатка — страна печальная...» // Пушкинская перспектива. М., 2007. С. 501.

³⁹ Селинов В.И. Прошлое Камчатки в круге исторических интересов Пушкина // Пушкин и Сибирь. М. ; Иркутск, 1937. С. 146–154.

⁴⁰ Анненков П.В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. СПб., 1855. С. 203.

⁴¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 6 т. / под ред. Демьяна Бедного, А.В. Луначарского, П.Н. Сакулина, В.И. Соловьева, П.Е. Щеголева. М.; Л., 1930 (приложение к журналу «Красная нива»). Т. 5. Критика, история, автобиография. С. 462–469.

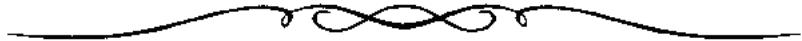
литературы (Пушкинском Доме) Т.И. Краснобородько: «Рукопись состоит из 22 листов (разорванных пополам 11 фабричных полных листов), вложенных в двойной лист-обложку с надписью рукой Пушкина (чернилами): «Камчатские дела (от 1694 до 1740 года)» и датой: «20 янв. 1837». И далее: «Категоричного ответа на вопрос, что в процессе работы возникло раньше — обложка с датой или сама рукопись, дать нельзя. Не исключено, что дата на обложке может обозначать окончание некоего предшествующего (январского) этапа пушкинской работы над материалами для очерка о Камчатке. Во всяком случае, больших перерывов в работе над этим замыслом у Пушкина, судя по характеру записей в обеих рукописях, не было»⁴². Т.И. Краснобородько не может однозначно ответить на вопрос: дата — это окончание работы или начало? Началом быть она не может, ведь от 20 января до 27-го прошло немного дней.

Какой-то этап завершен. Но что последует дальше? Новые исследования? Как говорил Пушкин о своих подготовительных работах по Пугачеву, — «для успокоения исторической моей совести» (письмо А.Х. Бенкendorфу от 26 января 1835 года; XVI, 7–8). У него уже был опыт сбора материалов для произведения на историческую тему, была и поездка в Оренбург, куда он потом посыпал своего Гринева. Каков будет новый герой, чем наделен и что ему предстоит, заранее не всегда известно и самому автору. Современники поэта хранили шутливую фразу Пушкина о любимой героине: «Представляете, какую штуку удрала со мной моя Татьяна... Замуж вышла!..»⁴³ Он фиксирует в своих «Заметках» имена нескольких десятков приказчиков, «сидевших на приказе» в период, длившийся 46 лет. Еще неизвестно, с кем из них может встретиться его герой. Самые выдающиеся, Атласов и Анцыфоров, описаны будто готовые герои⁴⁴. Кого еще он возьмет в герои, в какой форме будет произведение?

⁴² Письмо Т.И. Краснобородько от 26 марта 2019 года. Из личного архива Т.А. Чистяковой.

⁴³ Цит. по: Гусев Н.Н. Л.Н. Толстой. Материалы к биографии с 1881 по 1885 год. М., 1970. С. 200.

⁴⁴ Подробнее см.: Фомичев С.А. «Камчатка — страна печальная...» // Пушкинская перспектива. М., 2007. С. 483–502; Селинов В.И. Прошлое Камчатки в круге исторических интересов Пушкина // Пушкин и Сибирь. М.; Иркутск, 1937. С. 146–154.

Исследователь А. Киселев в своей статье⁴⁵ сделал попытку «воссоздать» пушкинский текст из «Заметок» и «Описания» Крашенинникова. Продолжаются исследователями и поиск ответов на вопросы, почему Пушкин заинтересовался именно этой книгой 1775 года, какой замысел руководил им⁴⁶. Но нам кажется, что это стремление проникнуть в «святая святых» автора. О чем думал Пушкин и как хотел воплотить свои думы — не нам судить, тем более не нам «воссоздавать» его текст. Лучше тщательнее исследовать всё то, что уже дошло до нас, и неутомимо искать то, что затерялось во времени. Находить и хранить крупицы понимания его великого творчества.

---

⁴⁵ Киселев А.В. Заметки о Камчатке. Последняя незавершенная работа Пушкина // Наука и жизнь. 1994. № 6, 7. С. 128–135.

⁴⁶ См.: Фомичев С.А. «Камчатка — страна печальная»: последний творческий замысел Пушкина // Русская литература. 2006. № 4. С. 3–14; Фомичев С.А. «Камчатка — страна печальная...» // Пушкинская перспектива. М., 2007. С. 483–502.

Краткие сведения об авторах сборника «Михайловская пушкиниана»

Антонов Геннадий Николаевич — доктор технических наук, доцент, главный конструктор направления АО «Санкт-Петербургское морское бюро машиностроения (СПМБМ) «Малахит» (Гатчина).

Ая Урве Юловна — кандидат педагогических наук, заведующая учебной частью Нарвской Кренгольмской гимназии (Нарва, Эстония).

Боленко Константин Григорьевич — кандидат исторических наук, начальник отдела научно-исследовательской и просветительской работы Государственного музея-усадьбы «Архангельское» (Московская область).

Дервенев Владимир Алексеевич — председатель паломнической службы «Русский паломник», эксперт Московской патриархии и Министерства культуры РФ по историческому и паломническому туризму (Санкт-Петербург).

Звонарева Лола Уткирова — доктор исторических наук, секретарь Союза писателей Москвы, профессор Института мировых цивилизаций и Московского международного университета (Москва).

Зубков Николай Николаевич — кандидат филологических наук, главный научный сотрудник Библиотеки иностранной литературы имени М.И. Рудомино (Москва).

Каракачев Игорь Евгеньевич — заместитель заведующего отделом «Покровское-Пирогово» музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» (Тульская область).

Козмина Мария Альбертовна — старший научный сотрудник Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы, Псковская область).

Кондратеня Александр Владимирович — главный хранитель фондов Опочецкого краеведческого музея (Опочка).

Коржов Алексей Олегович — учитель истории гимназии № 363 (Санкт-Петербург).

Кудрявцева Лидия Степановна — искусствовед, художественный критик, член Московского союза художников, заслуженный работник культуры РФ (Москва).

Кульматова Татьяна Васильевна — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Библиотеки Российской академии наук (БАН) (Санкт-Петербург).

Мазаева Екатерина Валерьевна — заведующая отделом афиш и программ Государственного центрального театрального музея имени А.А. Бахрушина (Москва).

Морева Ольга Викторовна — кандидат исторических наук, заведующая сектором «Региональный центр «Книжные памятники Свердловской области» отдела редких книг Свердловской областной универсальной научной библиотеки имени В.Г. Белинского (Екатеринбург).

Николаева Лидия Дмитриевна — заведующая музеем-усадьбой М.П. Мусоргского в деревне Наумово (Псковская область).

Пежемский Всеволод Гелиевич — кандидат педагогических наук, специалист по работе с молодежью Санкт-Петербургского подростково-молодежного центра «Лигово» (Санкт-Петербург).

Приставкина Елена Левитовна — заведующая сектором редких книг отдела хранения основного фонда Смоленской областной универсальной научной библиотеки имени А.Т. Твардовского (Смоленск).

Рафеева Марина Сергеевна — директор Гомельской областной универсальной библиотеки имени В.И. Ленина (Гомель, Республика Беларусь).

Ступина Елена Алексеевна — ведущий научный сотрудник музейных фондов Пушкинского Заповедника.

Субботина Елена Валерьевна — хранитель книжного фонда Все-российского музея А.С. Пушкина (Санкт-Петербург).

Тараканов Артем Сергеевич — волонтер Археологического клуба Санкт-Петербургского подростково-молодежного центра «Лигово» (Санкт-Петербург).

Хохрина Александра Евгеньевна — научный сотрудник филиала Музея Мирового океана в Санкт-Петербурге — «Ледокол «Красин» (Санкт-Петербург).

Чистякова Татьяна Александровна — в 1978–1992 годах экскурсовод Пушкинского Заповедника.

Шеринева Наталья Сергеевна — журналист информационной службы Псковской епархии (до 2008 года) (Псков).

Яблокова Ольга Сергеевна — волонтер Археологического клуба Санкт-Петербургского подростково-молодежного центра «Лигово» (Санкт-Петербург).

Содержание

[ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО].....	3
I. «...Здесь опять минувшее меня объемлет живо»	
Материалы XXIV Февральских музейных чтений	
памяти С.С. Гейченко	
(12–15 февраля 2021 года)	
Елена Ступина	
ДРЕВНИЙ ВИД СВЯТОГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ.	
К АТРИБУЦИИ ЛИСТА ИЗ АЛЬБОМА К. ФИШЕРА	
«ВИДЫ СВЯТОГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ» (1899).....	5
Алексей Коржов	
ЧТО НАПИСАНО НА МОГИЛЕ А.С. ПУШКИНА?.....	21
Лола Звонарева, Лидия Кудрявцева	
«ПИКОВАЯ ДАМА» И «ПОВЕСТИ БЕЛКИНА»	
В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ РУССКОГО ПАРИЖАНИНА	
АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВА.....	45
Геннадий Антонов	
ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ «ЗНОЙНЫЙ АВГУСТ 1820 ГОДА,	
ПУШКИН НА КУБАНИ»	63
Александр Кондратенко	
ИЗ ГЕНЕАЛОГИИ РОДА В.М. РУСАКОВА —	
ИСТОРИОГРАФА РОДА ПУШКИНЫХ	70
Владимир Дервенев	
МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ПОБЕДЫ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ	
АЛЕКСАНДРА ЯРОСЛАВИЧА (НЕВСКОГО)	75
Игорь Каракачевцев	
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПИРОГОВСКОГО ОТДЕЛА	
К 100-летию музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»	90

Лидия Николаева	
РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В СТАНОВЛЕНИИ МУЗЕЯ.	
ИМЕНА В ИСТОРИИ МУЗЕЯ.....	111
Наталья Шершнева	
ЛИЧНОСТЬ И МУЗЕЙ	117
Всеволод Пежемский, Ольга Яблокова	
ПРАКТИКА ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
В СОЗДАЮЩИХСЯ МУЗЕЯХ ФОРТОВ	
КРОНШАДТСКОЙ КРЕПОСТИ	128
Артем Тараканов	
ДОПОЛНЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ	
В МУЗЕЯХ-ЗАПОВЕДНИКАХ	134
Александра Хохрина	
АРКТИКА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ В.В. КОНЕЦКОГО	147
II. «Понемногу сокровища растут...»	
Материалы научно-практических чтений «Библиотека в усадьбе»	
(15–16 апреля 2021 года)	
Елена Субботина	
«УЧЕНЬЕ — СВЕТ»: УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ	
XVIII–XIX ВЕКОВ В ФОНДАХ РЕДКОЙ КНИГИ	
ВСЕРОССИЙСКОГО МУЗЕЯ А.С. ПУШКИНА	151
Николай Зубков	
ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XVIII ВЕКА КАК ПЕРИОД	
В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КНИГИ.....	174
Мария Козмина	
«О ПРОСВЕЩЕНИИ НАРОДНОМ».....	181
Татьяна Кульматова	
«В КРАСНОМ САФЬЯНЕ, ПО ОБРЕЗУ ЗОЛОТОМ»:	
ПЕРЕПЛЕТЫ XVIII ВЕКА И ИХ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ	
По материалам Переплетной палаты Академии наук	
в Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии	
наук и Академического собрания Библиотеки Академии наук	192

Ольга Морева

- ИЗДАНИЯ XVIII ВЕКА ИЗ КРУГА ЧТЕНИЯ
УРАЛЬСКОГО ЗАВОДОВЛАДЕЛЬЦА В ЦИФРЕ..... 204

Константин Боленко, Екатерина Мазаева

- СБОРНИК ТЕАТРАЛЬНЫХ АФИШ 1795 ГОДА
ИЗ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО
ТЕАТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ А.А. БАХРУШИНА:
ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ..... 212

Елена Приставкина

- РЕДКИЕ И ЦЕННЫЕ ИЗДАНИЯ XVII — НАЧАЛА XIX ВЕКА
В ФОНДЕ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ
НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ..... 229

Марина Рафеева

- БИБЛИОТЕЧНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
КАК ОБЪЕКТ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ 240

Урве Ая

- СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ
(НА ФОНЕ ЭСТОНСКОГО ЯЗЫКА) 249

III. Гости «Михайловской пушкинианы»

Татьяна Чистякова

- «КРУПИЦЫ ПОНИМАНИЯ» А.С. ПУШКИНА:
МАТЕМАТИКА, ФИЗИКА, ИСТОРИЯ
В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА..... 257

Краткие сведения об авторах сборника

- «Михайловская пушкиниана» .....** 273

Научно-популярное издание

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 86

СОКРОВИЩА МИНУВШИХ ДНЕЙ

МАТЕРИАЛЫ

**XXIV Февральских музейных чтений
памяти С.С. Гейченко**

**научно-практических чтений
«Библиотека в усадьбе»**

(2021)

Руководитель издательских проектов
Пушкинского Заповедника
Н.Б. Василевич

Редактор О.И. Бахтина
Обложка Е.А. Мужаревская
Компьютерная верстка С.В. Лазаренкова
На первой странице обложки:
В.М. Васильев.
Михайловское. Кабинет поэта.
1978

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)

181370, Псковская область, пос. Пушкинские Горы, сельцо Михайловское

Распространяется бесплатно

12+

Подписано в печать 08.11.2021. Формат 60x88 $\frac{1}{16}$.

Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Объем 17,5 печ. л.

Заказ № 1796. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ООО фирма «Псковское возрождение». ИНН 6027024264.
180000, г. Псков, ул. Гоголя, д. 6.